

руслит

Юрий Коваль

Недопесок

комментарии
Ильи Бернштейна,
Романа Лейбова,
Олега Лекманова;
иллюстрации
Евгении Двоскиной

руслит

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XX ВЕКА

Юрий Коваль Недопесок

руслит

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XX ВЕКА

Название серии отсылает к академическим «Литпамятникам», вот уже скоро семьдесят лет знакомящим русскоязычного читателя с классикой мировой литературы в самой рафинированной издательской подаче: лучшие тексты, лучшие переводы, фундаментальные сопроводительные статьи и комментарии. Мы равняемся по «Литпамятникам», но с двумя оговорками:

а) публикуем только русскую прозу двадцатого века;

б) чтобы максимально расширить круг наших читателей, стараемся «разъяснять» тексты, дополнять их важными для понимания текста сведениями в менее «академической» манере – со множеством иллюстраций, интересных «контекстных» историй, привлекая для этого специалистов из смежных (иногда и не очень) с литературоведением областей. При этом в комментаторской работе мы опираемся только на подлинные архивные материалы, мемуары и письма современников.

Повесть Юрия Коваля (1938–1995) «Недопесок» выходит к восьмидесятилетию автора. Уже одно это обстоятельство определяет подход авторского коллектива к редактированию – литературному, художественному, научному – юбилейной книги. Мы очень хотим сделать подарок всем членам сообщества ковалелюбов – как тем, кто давно осознает себя таковым, так и тем, кому только предстоит узнать и полюбить книги Юрия Иосифовича.

«Недопесок» много раз издавался при жизни автора и продолжает издаваться теперь. У него счастливая судьба, причем не только книжничательская: повесть экранизирована, по ней создан диафильм. Огромной удачей стал творческий союз писателя с художником Геннадием Калиновским, создавшим выдающиеся иллюстрации к «Недопеску». Одним словом, создан канон, книга встала на «золотую полку».

Мы решили ее с этой полки достать – с тем чтобы постараться сделать сегодняшнюю интерпретацию текста, ставшего классикой. Наша интерпретация комплексная: новые иллюстрации (отдайте, пожалуйста, должное мужеству Евгении Двоскиной, взявшейся рисовать «после Калиновского»), исследовательские статьи, а самое главное – обширный комментарий. Задачей комментаторов – известных ученых, двух профессоров русской филологии – Олега Лекманова (НИУ ВШЭ) и Романа Лейбова (Университет г. Тарту, Эстония), было не столько объяснение ставших за прошедшие с момента первой публикации сорок четыре года непонятными слов и реалий, сколько попытка рассказать о времени и месте действия (середина 1970-х годов в СССР), отталкиваясь от текста Коваля. Эта попытка реализована в обширном – стостраничном – комментарии, объясняющем (и показывающем – он проиллюстрирован фотографиями, плакатами, карикатурами), каким видели окружающий мир первые читатели книги.

Составление и оформление серии Илья Бернштейн

© ИП Бернштейн И.Э., 2018

© Е. Двоскина, иллюстрации, 2018

© С. Востоков, статья, 2018

© Г. Ельшевская, статья, 2018

© Ю.Ю. Коваль, статья, 2018

© О. Лекманов комментарии, 2018

© Р. Лейбов, комментарии, 2018

© И. Бернштейн, дизайн, составление серии, комментарии, 2018

Юрий Коваль

Недопесок

комментарии

Ильи Бернштейна,

Романа Лейбова,

Олега Лекманова,

иллюстрации

Евгении Двоскиной

Издательский проект «А и Б»

2018

*посвящается
Белле Ахмадулиной*

часть первая

Побег

Ранним утром второго ноября со зверофермы «Мшага» бежал недопесок Наполеон Третий.

Он бежал не один, а с товарищем – голубым песцом за номером сто шестнадцать.

Вообще-то за песцами следили строго, и Прасковьюшка, которая их кормила, всякий раз нарочно проверяла, крепкие ли на клетках крючки. Но в то утро случилась неприятность: директор зверофермы Некрасов лишил Прасковьюшку премии, которая ожидалась к празднику.

– Ты прошлый месяц получала, – сказал Некрасов. – А теперь пускай другие.

– Ах вот как! – ответила Прасковьюшка и задохнулась. У нее от гнева даже язык онемел. – Себе-то небось премию выдал, – закричала Прасковьюшка, – хоть и прошлый месяц получал! Так пропади ты пропадом раз и навсегда!

Директор Некрасов пропадом, однако, не пропал. Он ушел в кабинет и хлопнул дверью.

Рухнула премия. Вместе с нею рухнули предпраздничные планы. Душа Прасковьюшки окаменела. В жизни она видела теперь только два выхода: перейти на другую работу или кинуться в омут, чтоб директор знал, кому премию выдавать.

Равнодушно покормила она песцов, почистила клетки и в сердцах так хлопала дверками, что звери в клетках содрогались. Огорченная до крайности, кляла Прасковьюшка свою судьбу, все глубже уходила в обиды и переживания и наконец ушла так глубоко, что впала в какое-то бессознательное состояние и две клетки забыла запереть.

Подождав, когда она уйдет в теплушку, Наполеон Третий выпрыгнул из клетки и рванул к забору, а за ним последовал изумленный голубой песец за номером сто шестнадцать.

Алюминиевый звон

Песцы убегали со зверофермы очень редко, поэтому у Прасковьюшки и мысли такой в голове не было.

Прасковьюшка сидела в теплушке, в которой вдоль стены стояли совковые лопаты, и ругала директора, поминутно называя его Петьюкой.

– Другим-то премию выдал! – горячилась она. – А женщину с детьми без денег на праздники оставил!

– Где ж у тебя дети? – удивлялась Полинка, молодая работница, только из ремесленного.

– Как это где! – кричала Прасковьюшка. – У сестры – тройня!

До самого обеда Прасковьюшка честила директора. А другие работницы слушали ее, пили чай и соглашались. Все они премию получили.

Но вот настало время обеда, и по звероферме разнесся металлический звон. Это песцы стали «играть на тарелочках» – крутить свои миски-пойлушки.

Миски эти вделаны в решетку клетки так ловко, что одна половина торчит снаружи, а другая – внутри. Чтоб покормить зверя, клетку можно и не отпирать. Корм кладут в ту половину, что снаружи, а песец подкручивает миску лапой – и корм въезжает в клетку.

Перед обедом песцы начинают нетерпеливо крутить пойлушки – по всей звероферме разносится алюминиевый звон.

Услыхав звон, Прасковьюшка опомнилась и побежала кормить зверей. Скоро добралась она до клетки, где должен был сидеть недопесок Наполеон Третий. Прасковьюшка заглянула внутрь, и глаза ее окончательно померкли. Кормовая смесь вывалилась из таза на литые резиновые сапоги.

Характер директора Некрасова

Цепляясь кормовым тазом за Доску почета, в кабинет директора вбежала Прасковьюшка. Она застыла на ковре посреди кабинета, прижала таз к груди, как рыцарский щит.

– Петр Ерофеич! – крикнула она. – Наполеон сбежал!

Петр Ерофеич Некрасов вздрогнул и уронил на пол папку с надписью: «Щенение».

– Куда?

Прасковьюшка дико молчала, выглядывая из-за таза.

Директор схватил трубку телефона, поднял над головой, как гантель, и так ляпнул ею по рогулькам аппарата, что несгораемый шкаф за его спиной сам собою раскрылся. Причем до этого он был заперт абсолютно железным ключом.

– Отвинтил лапкой крючок, – забормотала Прасковьюшка, – и сбежал, а с ним Сто шестнадцатый, голубой двухлеток.

– Лапкой? – хрипло повторил директор.

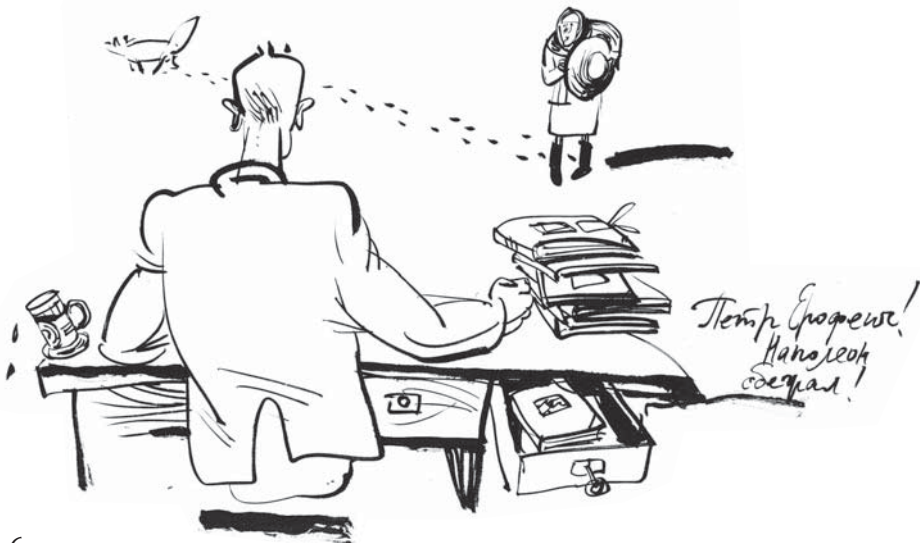
– Коготком, – пугливо пояснила Прасковьюшка, прикрываясь тазом.

Директор Некрасов снял с головы шапку, махнул ею в воздухе, будто прощаясь с кем-то, и вдруг рывкнул:

– Вон отсюда!

Алюминиевый таз брякнулся на пол, заныл, застонал и выкатился из кабинета.

Про директора Некрасова недаром говорили, что он – горячий.

Давило

Горячий человек директор Некрасов был тощ и сухопар. Он ходил круглый год в пыжиковой шапке.

На своем посту Некрасов работал давно и хозяйство вел образцово. Всех зверей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Травиата, Академик Миллионщиков.

Недопесок Наполеон Третий был важная зверь. И хоть не стал еще настоящим песцом, а был щенком, недопеском, директор очень его уважал.

Мех Наполеона имел особенный цвет – не белый, не голубой, а такой, для которого и название подобрать трудно. Но звероводы все-таки подобрали – платиновый.

Мех этот делился как бы на две части, и нижняя – подпушь – была облачного цвета, а сверху покрыли ее темно-серые шерстинки – вуаль. В общем, получалось так: облако, а сверху – серая радуга. Только мордочка была у Наполеона темной, и прямо по носу рассекала ее светлая полоса.

Всем на звероферме было ясно, что недопесок перещеголяет даже Наполеона Первого, а директор мечтал вывести новую породу с невиданным прежде мехом – «некрасовскую».

Узнав о побеге, директор Некрасов и бригадир Филин кинулись к забору. Они мигом пролезли в дырку и сгоряча в полуботинках побежали по следу.

– Сколько раз я говорил – заделать дырку! – кричал на ходу директор.

– Так ведь, Петр Ерофеич, – жаловался в спину ему Филин, – тесу нету.

Очень скоро они начерпали в полуботинки снегу и вернулись на ферму. Перебулись. Прыгнули в «газик», помчались в деревню Ковылкино. Там жил охотник Фрол Ноздрачев, у которого был гончий пес по имени Давило.

Ноздрачева дома они не застали.

– Откуда я знаю, где он! – раздраженно ответила жена. – Он мне не докладывает.

– Гони в магазин! – крикнул Некрасов шоферу.

Охотник Фрол Ноздрачев действительно оказался в магазине. Он стоял у прилавка с двумя приятелями и смеялся.

– Товарищ Ноздрачев! – строго сказал директор. – У нас трагедия. Сбежал Наполеон. Срочно берите вашего кобеля и выходите на след.

Я человек занятый,
поэтому интересно,
что я за это буду иметь?
Какие привилегии?

Охотник Фрол Ноздрачев лениво поглядел на директора и повернулся к нему левым ухом. Охотник имел свой характер, и характер этот шептал Ноздрачеву, что трагедия директора пока что его не касается.

Характер Фрола Ноздрачева любил сидеть в теплом магазине с приятелями.

– Я человек занятой, – недовольно сказал Ноздрачев, – поэтому интересно, что я за это буду иметь? Какие привилегии?

– Немалые, – ответил Некрасов.

Через полчаса русский гончий Давило – огромный широкоплечий пес с печальными глазами – был поставлен на след у забора.

– Давай! Давай! – орал на него Ноздрачев, которому посулили премию.

Давило обнюхал следы, и запах показался ему противным. Жесткий, железный. Нехотя, без голоса, побежал Давило по следу.

Снежное поле

Пролезши сквозь дыру в заборе, песцы быстро побежали в поле, но уже через десяток шагов остановились. Их напугал снег, который был под ногами. Он мешал бежать и холодил пятки.

Это был второй снег нынешней зимы. На поле был он пока неглубок, но все же доходил до брюха коротконогим песцам.

Точно так напугала бы песцов трава. Раньше им вообще не приходилось бегать по земле. Они родились в клетках и только глядели оттуда на землю – на снег и на траву.

Наполеон облизнул лапу – снег оказался сладким.

Совсем другой, не такой, как в клетке, был этот снег. Тот только сыпался и сыпался с неба, пушистыми комками собирался в ячейках железной сетки и пресным был на вкус.

На минутку выглянуло из облаков солнце. Под солнечным светом далеко по всему полю засверкал снег сероватой синевой и лежал спокойно, не шевелился.

И вдруг почудилось недопеску, что когда-то, давным-давно, точно так же стоял он среди сверкающего поля, облизывал лапы, а потом даже кувыркался, купался в снегу. Когда это было, он вспомнить не мог, но холодные искры, вспыхивающие под солнцем, вкус снега и свежий, бьющий в голову вольный его запах он помнил точно.

Наполеон лег на бок и перекувырнулся, взбивая снежную пыль. Сразу пронизал его приятный холодок, шерсть встала дыбом.

В драгоценный мех набились снежинки, обмыли и подпушь, и вуаль, смыли остатки робости. Легко и весело стало недопеску, он бил по снегу хвостом, раскидывал его во все стороны, вспоминая, как делал это давным-давно.

Сто шестнадцатый кувыркаться не стал, наверно, потому, что не вспомнил ничего такого. Окунул было в снег морду – в нос набились морозные иголки. Сто шестнадцатый нервно зафыркал.

Наполеон отряхнулся, будто дворняжка, вылезавшая из пруда, огляделся и, наставивши нос свой точно на север, побежал вперед, через поле, к лесу. Сто шестнадцатый поспешил за ним, стараясь повыше выпрыгивать из снега.

У стога, который высился на опушке, Наполеон Третий остановился.

Снег был здесь изрыт. На нем отпечатались какие-то звезды, от которых пахло приятно и враждебно. Это были лисьи и песьи следы.

Вдруг под снегом кто-то свистнул в тоненькую косточку.

Недопесок прыгнул, прихлопнул снег лапой и вытащил наружу полевую мышь.

*совсем
другой
был этот снег*

В лесу

Мышей у стога оказалось полно. Попискивая, шныряли они в перепревшем сене, и Наполеон гонялся за ними, хлопал по снегу лапами и хвостом.

Сто шестнадцатому тоже хотелось поохотиться на мышей, да больно уж непривычным было такое дело. Вдруг прямо из-под носа у него выскочила мышь. Сто шестнадцатый схватил ее, проглотил и подпрыгнул от ужаса.

Перепуганные мыши спасались под стогом.

Наполеон раскопал в сене пещерку, засунул туда нос. От крепкого сенного запаха закружилась голова. Пахло сено душистыми июльскими грозами, ушедшим летом.

Мыши затаились, и песцы бросили охоту, побежали к опушке леса. Пересекли березняк, добрались до больших деревьев.

Это были старые елки.

На их макушках гроздьями висели зрелые медные шишки. У подножия, куда не навалило еще снегу, ярко зеленел мох, а толстые стволы облеплены были серыми звездами лишайника.

Морозной смолой пахли подошвы деревьев, стволы опасно уходили вверх, сплетались там ветвями и вливались в небо высоко над головой.

Вдруг сверху послышался тревожный и сильный стук. В красном грозовом шлеме на осине сидел черный дятел, долбил дупло. Заметив песцов, он крикнул пронзительно, расставил в воздухе бесшумные крылья, нырнул в еловый сумрак.

На крик его прилетела сорока.

«Страх-страх!» – сварливо закричала она.

Наполеон твякнул в ответ, угрожающе взмахнул когтистой лапой.

Но сороку это только раззадорило. С дерева на дерево перелетала она над песцами и кричала на весь лес: дескать, вот они, беглецы со зверофермы, лови их, держи!

Под крик сороки песцы выскочили на вырубку, заваленную ломаными березками, выкорчеванными пнями. Здесь под кучей еловых веток спал заяц-беляк. Он гулял-жировал всю ночь и спал теперь крепко и спокойно.

Шорох снега и сорочий крик разбудили его. Длинноухий, с выпученными глазами, он с треском выскочил из-под земли у самых ног Наполеона и пошел сигать по вырубке, перепрыгивая пеньки.

Песцы замерли от ужаса, а потом дунули в другую сторону.

Сорока растерялась. Не могла сообразить, что теперь делать, за кем лететь, над кем трещать. Она раздраженно уселась на ветку козьей ивы, закрутила зеленой головой. Настроение у нее совсем испортилось.

Неподалеку, под елками, вдруг зашуршал снег, послышалось сопение, и на вырубку выбежал гончий Давило. Он равнодушно глянул на сороку, добежал до заячьего следа и тут оживился. Фыркнул вправо, влево, а после засунул нос свой, похожий чем-то на кошелек, прямо под кучу еловых веток.

Задрожал от радости собачий хвост, и вылетели песцы из гончей горячей головы.

Давило рывкнул басом и побежал по новому следу, с удовольствием вдыхая сладкий заячий запах.

Загремел голос Давилы под сводами елок – звонкой цепью протянулся по лесу, отмечая путь зайца. Недалеко протянулась цепь, дошла до опушки, заглохла на минутку, и тут на конце ее, как двойной колокол, ударил гром.

Сорока слетела с козьей ивы и низом-низом, незаметно, быстро и неторопливо скрылась из глаз.

Кто стрелял?

– Что такое! Что еще такое?! Кто стрелял?

Близкий неожиданный выстрел ошеломил директора Некрасова, пыжиковая шапка вздрогнула на голове.

Директор стоял на опушке леса в высоких сапогах-броднях, а на руках его были дворницкие рукавицы – хватать, в случае чего, песцов. Выстрела директор никак не ожидал. Наполеон нужен был живым.

– Кто стрелял?! Кто стрелял, я вас спрашиваю! – грозно повторил директор.

– Ясно кто, – угрюмо ответил бригадир Филин, который шевелился неподалеку в кустах, стараясь замаскироваться. – Обормот Ноздрачев.

Из лесу выскочил Давило. Он был радостно возбужден, шоколадные глаза его налились кровью.

– Ноздрачев! – сурово крикнул директор. – Это ты стрелял?

– Да я тут косога зашиб, – слышался низкий, идущий из самой глубины души голос.

Скоро и сам Ноздрачев вывалился на опушку. От него валил азартный охотничий пар. Заяц, который всю ночь гулял-жировал, болтался теперь у пояса. За три шага пахло от Ноздрачева кислым бездымным порохом «Фазан».

– Токо выхожу на просек, – возбужденно стал объяснять Ноздрачев, – косога чешет. Я ррраз через осинки...

– Где песцы?

– Песцы-то? – растерялся охотник. – Наверно, круги делают.

Директор Некрасов всего секунду глядел на охотника Фрола Ноздрачева, но и за эту секунду взглядом успел многое сказать. Оправивши шапку, директор повернулся к охотнику спиной и направился обратно на звероферму. За ним поспешил бригадир.

– Погоди, погоди, – вслед ему сказал Ноздрачев. – Не волнуйся. Сейчас догоним. Я тут все кругом знаю, не уйдут.

Звероводы даже не обернулись. По снежному полю уходили они от охотника, и вместе с ними уходила премия.

Тут вспыхнул охотник Фрол Ноздрачев, и по лицу его пошли багровые полосы, похожие на северное сияние. Вспышки сияния никто, правда, не видел, зато услышали директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами.

Отругавшись, охотник потоптался на месте и пошел потихоньку туда, куда вел его собственный характер.

– Не волнуйтесь, Петр Ерофеич, – говорил тем временем Филин, догоняя директора. – Побегают, жрать захотят – через недельку сами вернутся.

– Да за недельку они от голода помрут, – недовольно сказал директор. – А если кто-нибудь прихлопнет Наполеона? Что тогда?

– Вот это вопрос! – подтвердил Филин. – Что же делать?
Директор закурил, напускал дыму в темнеющее постное небо.
– Надо попробовать Маркиза, – сказал он.

Верея

Серый денек еще посерел, сгустились на небе облака, предвечерний ветер погнал их на юг.

К вечеру оказались беглецы в глухом овраге, на дне которого медленно замерзал черный ручеек. По оврагу, по оврагу, вверх по ручью добежали они до лесного холма-верей.

Здесь, на склонах вереи, были барсучьи норы. Барсуки селились на холме с давних времен, насквозь пронизали его норами.

Приближающаяся ночь тревожила Наполеона, хотелось спрятаться от ветра, нагоняющего поземку. По можжевелевому склону поднялись песцы на вершину и заметили в корнях елки темную пещеру. Наполеон обнюхал снег вокруг нее, засунул внутрь голову.

Из пещеры пахло сухим песком, смолистыми еловыми корнями. Это была барсучья нора, давно заброшенная хозяевами. Корни, которые оплетали ее потолок, медленно росли, шевелились и постепенно завалили ходы, ведущие внутрь вереи.

Наполеон залез в пещеру, за ним – Сто шестнадцатый, который сразу забился в угол. Недопесок свернулся колом у входа, выставил наружу морду и глянул сверху на лес.

Ого, как высоко забрались они! Далеко видны были темные леса, робкие деревенские огоньки за лесами, сизая над огоньками пелена.

И совсем уж далеко, как маленький грибок, видна была кирпичная водокачка, отмечающая над деревьями звероферму «Мшага».

Темнело. Из-за еловых верхушек взошла красная тусклая звезда, а за нею в ряд еще три звезды – яркие и серебряные. Это всходило созвездие Ориона.

Медленно повернулась земля – во весь рост встал Орион над лесом.

О Орион! Небесный охотник с кровавой звездой на плече, с ярким посеребренным поясом, с которого свешивается сверкающий звездный кинжал!

Одною ногой оперся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над черными лесами звероферму «Мшага». Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звездочек, – нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звездные рога.

Зафыркал кто-то внизу, забурчал. Это выходили на охоту барсуки. Они спустились по склону вниз, пропали в овраге.

Стало совсем тихо. Откуда-то, наверно из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос:

– ...Гайки не забудь затянуть...

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, затянули их или нет.

Барсучья ночь

Всю ночь в овраге под вереей возились барсуки.

Это была последняя, как видно, барсучья ночь перед зимней спячкой.

Ворчание барсуков тревожило Наполеона, он никак не мог заснуть, то и дело открывал глаза, готовясь встретить незнакомого врага. Один ворчун, самый старый и такой седой, что даже полоски на носу его посветлели, подошел к пещере, в которой спали песцы.

Наполеон каркнул на него, как ворон, красным цветом блеснули из пещеры его глаза.

Уж на что стар был барсук, а не смог разобраться, что за зверь перед ним – то ли пес, то ли лис, кто его разберет? Старик решил с ним не связываться, скатился в

овраг, презрительно что-то бормоча. Он долго еще бубнил себе под нос, бранил Наполеона.

И следы, собственные следы на снегу, тревожили Наполеона. Они были частью его самого, тянулись по лесам и оврагам, словно гигантский хвост. Вот кто-то потянет за этот хвост и вытащит из норы, из барсучьей пещеры, притащит обратно на звероферму.

Плохо спал в эту ночь и директор Некрасов, хоть и не бранили его барсуки, не бродили под окнами. Снились директору большие неприятности и убытки, которые принес звероферме сбежавший Наполеон. Дергался директор, метался под одеялом.

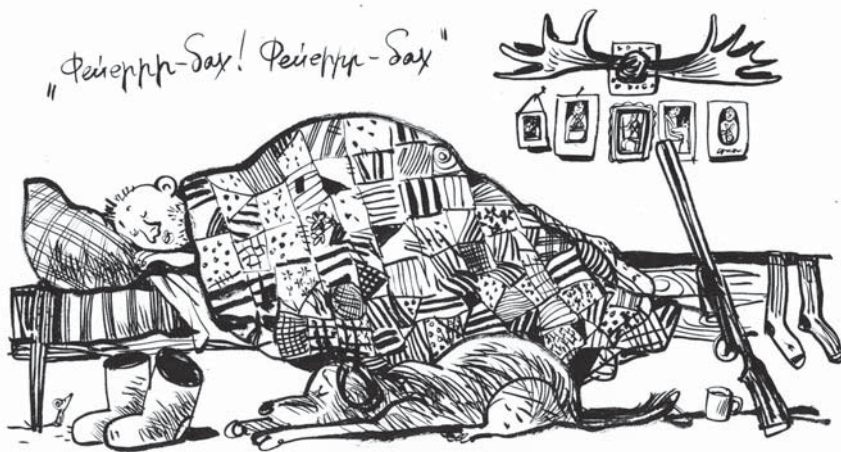
– Катя, – говорил он во сне, – дай кисельку клюквенного.

И Прасковьюшка спала неровно, просыпалась, бормотала, била в подушку кулаками.

Славно спал в эту ночь Фрол Ноздрачев, и снился ему теплый магазин, ящик с макаронами. Грозно, азартно, по-охотнички храпел Ноздрачев, так храпел, будто выговаривал фамилию знаменитого немецкого философа: «Фейерррр-бах! Фейерррр-бах!»

Барсучья ночь тянулась долго, и высоко поднялся Орион, медленно наклонился набок, догоняя скрывающегося за горизонт Тельца.

Под утро ушел Орион за край земли, только кровавая звезда с его плеча долго еще светила над елками, тусклая звезда с таким певучим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием – Бетельгёйзе.

Перед рассветом протопали барсуки по оврагу в последний раз. Сопя и кряхтя, залезли спать в свои норы. И как только самый старый барсук улегся, над далекими лесами протянулась брусничная полоса рассвета.

Из оврага тем временем послышалось короткое тьяканье, шорох увядших трав, припорошенных снегом. Кто-то бежал по следу песцов. Вот прохрустел сухим дудником у ручья и стал подниматься наверх.

Наполеон ощетинился.

Вздрогнул, зашевелился куст можжевельника – и низенький рыжеватый зверь выскочил прямо к пещере. Увидевши Наполеона, он миролюбиво заскулил. Это был самый старый песец со зверофермы, которого звали Маркиз.

Маркиз

Наполеон хорошо знал этого рыжеватого Маркиза.

Маркиз жил в клетке напротив и с утра до вечера дремал, накрывши нос пышным хвостом. Он никогда не метался по клетке, как другие песцы, и не грыз решетку. Целыми днями он мудро спал, а просыпался только лишь для того, чтобы покрутить пойлушку.

Музыку предобеденную Маркиз очень любил и сам был неплохим музыкантом, умел выжать из своего незатейливого инструмен-

та целый набор ликующих, а то и печальных, задумчивых звуков. Душа у него была, как видно, тонкая, артистическая.

Недопесок терпеть не мог железную музыку. От визга пойлушек шерсть его вставала дыбом, он лаял, стараясь заглушить звон, но почему-то против воли и сам подкручивал миску – не хотел, а она притягивала, заманивала.

Появление Маркиза на барсучьей горе ни капли не удивило Наполеона. Он даже и не задумался, откуда здесь взялся Маркиз, которому полагалось дремать в данный момент на звероферме.

Маркиз тем временем обнюхал Наполеона и Сто шестнадцатого, который тоже вылез из пещеры, утомленно зевая.

И вход в пещеру, и подножие елки обнюхал Маркиз. Нанюхавшись барсучьих следов, он презрительно фыркнул.

Маркиз был гораздо старше Наполеона. Уже пять лет крутил он на ферме свою пойлушку. Он был старше, сильнее и властно прохаживался теперь по вершине холма и поглядывал на беглецов.

Маленьким серым носиком обвел Маркиз голубые горизонты и нацелился на водокачку, отмечающую над лесами звероферму «Мшага».

Недопеску это не понравилось. Он также оглядел горизонты, направил свой нос точно на север и, не раздумывая, стал спускаться с холма, но уже не в овраг, а в другую сторону, к сосновому лесу. Сто шестнадцатый потоптался на месте и потянулся за Наполеоном.

Маркиз, однако, не растерялся, в три прыжка обогнал Наполеона, клацнул зубами у его уха, оттер плечом и возглавил бег. По силе, по возрасту, по всем правам Маркиз должен был стать вожаком. И в этот спор Сто шестнадцатый решил не вмешиваться, он бежал последним, и легко было ему на проложенных следах.

Скоро осталась позади барсучья веревя, поднялся над песцами бор, такой дремучий, что даже и синиц здесь не было. Седобородый глухарь заметил беглецов, но не шелкнулся в еловом шатре, хоть

и невиданными показались ему бегущие звери: рыжеватый Маркиз, платиновый Наполеон и голубой Сто шестнадцатый.

С полчаса бежал Маркиз на север. Он не оглядывался на своих спутников и не останавливался, уверенно перепрыгивал поваленные деревья, пересекал лесосеки и просеки.

Третий раз в своей жизни оказался Маркиз на воле.

В первый раз, так же как Наполеон, сбежал он и три дня мыкался по лесам. Голодный и ободранный, вернулся на ферму. Через год сбежал другой песец, по имени Рислинг. Дело было летом, и следов беглеца не могли найти. Тогда-то директор Некрасов придумал послать вдогонку Маркиза. Директор понимал, что Маркиз, хлебнувший вольной жизни, обязательно вернется на ферму. И верно, Маркиз вернулся к обеду, а за ним бежал измученный Рислинг.

Сегодня Маркиз попал на волю в третий раз, но никогда еще так далеко в лес не забирался. И сам он, когда был беглецом, и Рислинг крутились рядом с фермой, таясь в кустах, слушали предобеденный звон.

Маркиз по-прежнему бежал на север, но чувствовал, что пора уж поворачивать на юг. Огибая буреломы, выискивая будто бы лучшую дорогу, потихоньку, незаметно он загибал, загибал вправо и в конце концов обвел беглецов вокруг верей, поставил их к северу хвостом.

Наполеон понял, что Маркиз хитрит, но очень уж уверенно вел его вожак, а сзади поторапливал Сто шестнадцатый, который ни в чем не сомневался.

Кончился сосновый бор, пошли перелески, осинники, и неожиданно небо раскрылось над головой, и прямо перед ними легло широкое белое поле. А за полем – дощатый забор, редкие елки с обрубленными до самых макушек сучками и между ними огромный кирпичный гриб – водокачка, отмечающая над черными лесами звероферму «Мшага».

Близко, совсем близко слышалось тьявканье песцов, кислый запах мерзлой кормовой смеси и пронзительный родной звук – песцы играли на тарелочках.

Сто шестнадцатый разрывается на части

У дырки в заборе Маркиз остановился. Он обернулся к спутникам, игриво вильнул хвостом в сторону зверофермы: давайте, мол, вернемся, ребята, пожрем, выспимся, а там видно будет.

Сто шестнадцатый сразу обрадовался, запрыгал восторженно вокруг Маркиза, ударил по воздуху лапой, будто крутил пойлушку. Устал Сто шестнадцатый – голубой двухлеток – от этой бестолковой беготни и чувствовал себя сейчас путешественником, который после долгих странствий вернулся домой.

А дома всегда хорошо. Дома ждет тебя уютная в общем-то клетка, сколько хочешь кормовой смеси, пойлушка, старые соседи, старые привычки, размеренная нормальная жизнь. Да, плохо тем, у кого нет своего дома. Толкуются эти вечные странники там да сям, то прибьются к одному берегу, то приткнутся к другому, а за душой нету ничего – ни клетки, ни пойлушки.

Звон предобеденный между тем стих, зато усилился запах кормовой смеси – работницы начали кормить зверей. Из щелей в заборе слышались их высокие голоса.

Звон, запах, голоса разбредили Наполеона. Поник вдруг Наполеон, и мех его платиновый обвис, обмяк, потускнел. Что же это такое, откуда снова взялась звероферма? Задумался недопесок Наполеон Третий, сел по-собачьи в снег.

Ни капли не похож был он сейчас на гордого зверя, похож он был на дворняжку, которую пнули сапогом, чтоб не вертелась под ногами.

Маркиз подскочил к Наполеону, весело куснул его за ухо и попытался к дырке в заборе. Сто шестнадцатый потянулся за ним. Когда уже голова Маркиза скрылась в щели забора, Наполеон жалобно тявкнул. Маркиз остановился. Оглянулся удивленно Сто шестнадцатый.

В этот момент принял недопесок решение, тряхнул императорской головой и на глазах превратился из побитой собачки в настоящего песца. Платиновым своим бесценным хвостом повернулся Наполеон к ферме, а нос установил точно на север и побежал потихоньку обратно по своим следам. Сто шестнадцатый растерялся. Душа его разрывалась на части. С одной стороны, хотелось перекусить и выспаться, с другой – тянул за собой недопесок, убегающий в открытое поле.

О недопесок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех!

Ваша величественная черная морда обращена точно на север, и, как стрелка компаса, рассекла ее ото лба до носа белая сверкающая полоса!

Прекрасен, о Наполеон, ваш хвост – легкий, как тополиный пух, теплый, как гагачий, и скромный, как пух одуванчика. Одним только лишь этим хвостом укутай свою шею, вечный странник, и валяй хоть на Северный полюс.

О хвост недопеска! Ни лиса, ни соболь не похващаются таким пышным хвостом цвета облака, которое тает в голубых небесных глубинах над березняком или осинником. Торжественнейший хвост, формой похожий на дирижабль.

Душа Сто шестнадцатого разрывалась на части. Одна так и хотела нырнуть в дырку забора, пожрать и выспаться, в другой же части его души зрело чувство товарищества: все-таки вместе с недопеском они бежали, вместе страдали.

Виновато заскулил Сто шестнадцатый, будто извиняясь перед Маркизом, и, как собачка за хозяином, потрусил через поле вслед за Наполеоном Третьим.

Маркиз не ожидал такого поворота. Он хотел было догнать беглецов, но уж сам приустал и боялся опоздать к обеду. Маркиз тоскиво завыл им вслед.

На краю поля песцы остановились глянуть последний раз на Маркиза. Как маленькое рыжее пятнышко, виден был Маркиз на светлом снегу, перед щербатым забором, из-за которого тянулся запах кормовой смеси и слышался алюминиевый звон.

Серая лиса

Песцы пересекли поле и попали на проселочную дорогу. Снег смешался здесь с грязью и песком, получился желтый кисель, но дорога шла точно на север, и Наполеону нравилось, что на ней почти не остается следов.

Песцы долго бежали по дороге.

Вдруг где-то сзади послышался чудовищный рев.

Громяхая пустыми молочными бидонами, скрипя и визжа тормозами, их догоняла грузовая машина «ЗИЛ».

Недопесок прыгнул в кювет, затаился, а Сто шестнадцатый припал к земле и накрыл голову лапами.

Машина остановилась.

Шофер Шамов с изумлением глядел на пушистого зверя, пышным пластом лежащего на дороге. Из кабины видно было, как шевелит ветерок жемчужный мех.

«Серая лиса! – подумал Шамов. – Что делать?»

Он бестолково стал шарить под сиденьем в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подшибить зверя.

Рука нащупала гаечный ключ. Он вытащил его из-под сиденья, высунулся из кабины и швырнул изо всех сил. Но слишком много надежды вложил он в свой бросок – гаечный ключ раскорякой запрыгал по дороге.

«Перелет!» – огорченно подумал Шамов.

Больше гаечных ключей у него не было. Была отвертка, но для охоты на лису она не годилась. Пошарив под сиденьем, он вытащил огромную стальную рукоятку, которой заводят грузовик, и мощно метнул ее в серую лису.

Заводило до лисы не долетело.

Волнуясь, он скинул телогрейку и вылез из кабины. Развернул телогрейку, как огромное промасленное крыло, и стал подкрадываться к Сто шестнадцатому.

Сердце у шофера билось отчаянно, боясь упустить такую редкую добычу. Но еще отчаянней стучало сердце Сто шестнадцатого. Оно стрекотало, как кузнечик.

Не доходя двух шагов, Шамов прыгнул и накрыл песца телогрейкой, прижал коленом к земле.

Сто шестнадцатый не дергался и не кусался. Он потрясенно смотрел на шофера Шамова и не мог понять, что же это такое.

– Серую лису поймал! Серую лису поймал! – закричал Шамов. Уши его пылали от радости. Шапка подсакивала на голове.

Он скинул брючный ремень, связал Сто шестнадцатого и вдруг подумал: «Да это ведь не лиса! Это, наверно, со зверофермы зверь».

*развернул
телогрейку, как
огромное крыло, и
стал подкрадываться
к Сто шестнадцатому*

Тут в голове Шамова началась сложная работа: что делать – затаить ли добычу или везти на звероферму как государственную ответственность?

«Затаю – найдут, – огорченно думал Шамов. – Зря, дьявол, ключами кидался».

Лениво нажал он на педаль, поворотил грузовик к звероферме.

– Эй, тетка, – крикнул он сторожихе у ворот, – где у вас начальник? Я тут какого-то зверя поймал. Не вашего ли выводка?

Сторожиха глянула в кабину, ахнула, засвистела в милицейский свисток. И тут же началась вокруг Шамова кутерьма.

Прибежал Некрасов, прибежал бригадир Филин, они хлопали Шамова по плечам, тащили его в кабинет, расспрашивали, где и как и не видал ли он Наполеона Третьего. Потом выдали ему премию – двадцать рублей.

Премия Шамова ошеломила. Он долго мял ее в руках и повторял однообразно:

– Ну, как раз к праздникам!

Да, повезло шоферу Шамову. Не искал он в жизни никаких чудес, сроду не гонялся за синей птицей и вдруг – серую лису поймал.

С тех пор шофер Шамов, катаясь по дорогам, всегда зорко глядел по сторонам и нарочно имел в запасе несколько гаечных ключей. Но больше никогда в жизни серая лиса ему не попадалась.

Колпаки и колеса

Когда грохот машины заглох, недопесок вылез из кювета и обнюхал место, где лежал Сто шестнадцатый. Куда девался его спутник, Наполеон не понял, но с дороги решил поскорей убираться.

Пока он соображал, из-за поворота вынеслись два мотоциклиста. Они были в оранжевых колпаках, которые страшно горели над пасмурной землей.

– Смотри, – заорал первый мотоциклист, – лисенок!

Второй не расслышал ничего за ревом мотора, а только весело махнул рукой и помчался по дороге. В последний момент Наполеон отпрыгнул в сторону – мотоциклы промчались мимо.

Не понимая ничего, Наполеон спрятался в кювет, упал на землю и закрыл глаза.

Мотоциклисты вдруг заглушили моторы, слезли с мотоциклов и стали подкрадываться, растопырив длинные руки в зазубренных перчатках, похожих на огромных бабочек.

Недопесок выскочил из кювета, побежал через поле в сторону от дороги.

– Догоняй! Уйдет! – закричали мотоциклисты, завели моторы и дунули вдогонку.

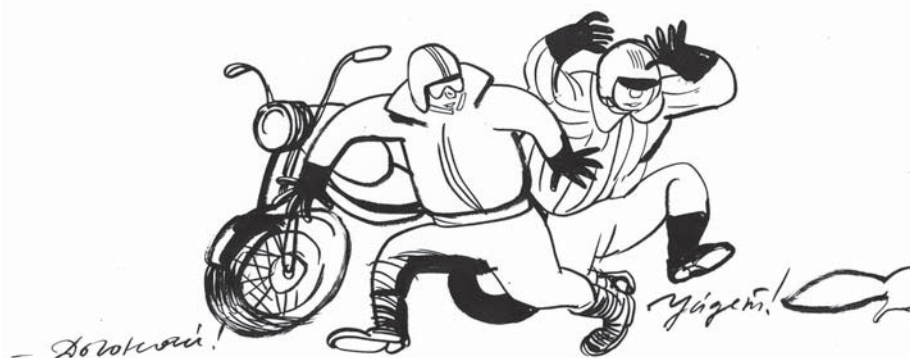
По корявому полю ехать им было трудно: мотоциклы с ревом подпрыгивали на мерзлых кочках. Как тысячи пустых пойлушек, визжали в них стальные шестеренки, снежная грязь фонтаном била из-под колес.

Вправо, влево кидался недопесок, то бежал изо всех сил, то припадал к земле, стараясь спрятаться от этого рева, разрывающего уши.

Наконец один из мотоциклистов неловко поворотил – мотоцикл грохнулся набок. Второй наехал на него, зацепился колесом, подпрыгнул и вылетел из седла – заварилась на поле грохочущая каша из колес и колпаков.

Страшная зазубренная перчатка соскочила с руки мотоциклиста и вдруг подползла к Наполеону, собираясь, видно, схватить его. Наполеон зарычал, укусил перчатку изо всех сил.

С перчаткой в зубах он побежал к дороге и увидел, что под нею проложена какая-то труба. Недопесок нырнул в трубу и затаился.

Бой с дворняжками

Наполеон сидел в трубе и слушал, как ругались мотоциклисты. Они долго не уезжали, что-то подкручивали, подтягивали, стучали ключами.

Искусанная мотоциклетная перчатка жалобно попискивала в зубах Наполеона – звала, наверно, хозяина.

Когда колпаки наконец уехали, недопесок вылез из трубы и побежал вперед, на север. Перчатку мотоциклетную он держал в зубах, и она слабо трепыхалась, пытаясь вырваться.

Теперь недопесок бежал не по дороге, а вдоль нее и, слышав машину, сразу прятался за какой-нибудь кочкой.

Поле пошло в наклон, опустилось в овраг. За оврагом лежала деревня Ковылкино.

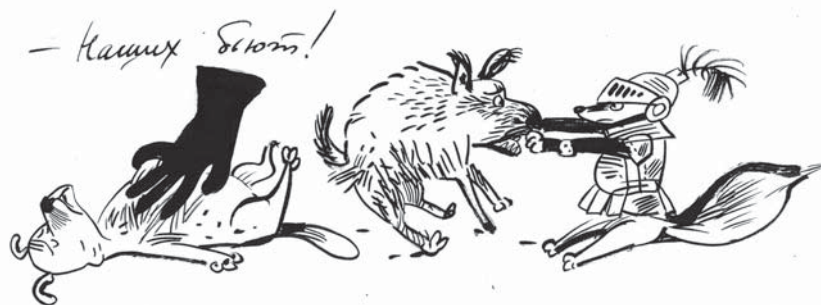
Недопесок добежал до забора, не раздумывая, нырнул в дыру и увидел другой забор и снова пролез через щель. Но не успел он пробежать и десятка шагов, как опять наткнулся на глухой забор. За ним чернел деревянный горб – дом.

Недопесок побежал было назад, потом – в сторону, но всюду вокруг него были заборы и дома с какими-то нехорошими трубочками, свисающими с крыш. Неожиданно выбежал он к деревенскому магазину. Уже стемнело. Над дверью магазина зажглась электрическая лампа. Поднялся ветер, и лампа со скрипом раскачивалась на проволоке под железным колпаком.

У крыльца стояла желтая дворняжка Дамка. Она поджидала своего хозяина, который уже битый час торчал в магазине. Увидев недопеска, Дамка злобно оскалилась и зарычала. Тут же из-под крыльца выскочила вторая дворняжка. Эта вторая была низенькая, ростом в полтабуретки, и напоминала чем-то поросенка.

Недопесок перепугался, попятился назад, но Дамка стремительно кинулась к нему, разинула острозубую пасть. Наполеон махнул головой – и мотоциклетная перчатка, как большая противная жаба, прыгнула Дамке в глаза. От ужаса Дамка пала на землю, а перчатка уселась на нее верхом.

Но тут к Наполеону подскакала Полтабуретка, отвратительно затявкала и схватила его зубами за шиворот. Огромное количество меху набилось ей в пасть. Она вырвала клоч, стала отплевываться и тут же завопила во все горло, потому что песец вцепился острыми когтями ей в морду и потряс хорошенько.

«Наших бьют!» – кричала Полтабуретка.

Со всей деревни к магазину стали сбегаться дворняжки, и скоро у крыльца закипела собачья свара. На шум из магазина выскочил какой-то человек в резиновых сапогах.

– Ку! – заорал он, расталкивая собак сапогами. – Провались! Провались!

Дворняжки разбежались. Только недопесок остался у крыльца на земле, а рядом с ним валялась на снегу изжеванная мотоциклетная перчатка. Человек поднял ее, примерил, и перчатка впору пришлась по левой руке.

– Какая дурацкая рукавица! Неуж из-за нее псы грызутся? – сказал человек и поглядел по сторонам: не видно ли где второй перчатки? Этот человек был плотник Меринов.

Хороший плотник Меринов

Меринов считался в деревне хорошим плотником.

Он умел рубить избы, баньки, выстругивал ульи для пчел, делал березовые табуретки. Кроме того, он был ложечник: вырезал деревянные ложки, разукрашивал их цветами и птицами, а после возил на базар.

Разглядевши недопеска, Меринов понял, что перед ним щенок. «Английский шпиц, – подумал он. – Наверно, его дачники бросили».

Плотник Меринов в собаках мало разбирался, но относился к ним добродушно. Во дворе у него жила собака Пальма, которую плотник любил почесать за ухом.

Потолкавши сапогом английского, как он думал, шпица, Меринов хотел идти домой, но шпиц застонал, уткнулся в плотницкий резиновый сапог.

– Что такое? – удивился плотник. – Чего скулишь? Ступай к своим дачникам!

Шпиц английский к дачникам, однако, не пошел, а все, как мертвый, лежал на земле. Потерял Наполеон былую свою красоту и был похож теперь на самого ободранного в мире щенка, в котором нет ни толку, ни породы. Грязными ключьями торчал драгоценный мех, свалаясь колтунами. И, глядя на него, никто бы, конечно, не мог подумать, что такие неважные звери выращиваются на зверофермах.

– Потрепали тебя, бедняга, – говорил плотник. – А в другой раз будь умнее: не связывайся с дворняжками. Ну ладно, сейчас я тебя куда-нибудь пристрою.

Он взял шпица за шкурку, будто котенка, и понес его в магазин. В магазине было шумно, народ толпился у прилавка, а на ящике с макаронами в уголке сидел охотник Фрол Ноздрачев.

– Кому щенка? – закричал плотник. – Английский шпиц! Его дачники бросили! Дрессированная собачка! Кушает конфеты «Озеро Рица»!

В магазине засмеялись, зашумели. Продавщица Ася крикнула: – Иди, Мерин, домой. Надо нам твоего щенка!

Охотник Фрол Ноздрачев поглядел на недопеска туманными глазами и сказал:

– Это шпиц не чистокровный. У него хвост лисий. Брось его.

Плотник Меринов покричал еще, предлагая щенка, потом купил махорки-крупки и пошел из магазина.

– Ладно, – бормотал он, выходя на крыльцо, – не хотите – не надо. Отнесу его домой, Веруне в подарок. На́, скажу, тебе, Веруня, подарок – английского шпица. Пускай на дворе живет. Да и Пальме будет веселее.

Плотник сунул недопеска за пазуху, а мотоциклетную перчатку в карман.

Сухо и тепло было за пазухой у плотника. Пахло махоркой и столярным клеем.

Пальма

Со звоном топая сапогами по мерзлой земле, плотник Меринов подошел к своему забору и остановился, докуривая сигарку. Хозяйка у него была строга, дома курить не велела. А плотник хозяйку свою уважал. Он постоял у забора, попыттел дымом. Из сигарки сыпались на землю махорочные звезды.

Затоптав огонь, плотник распахнул калитку и вошел во двор.

– Ну вот, – сказал он, вытаскивая недопеска из-за пазухи. – Вот мы и дома. Видишь этот дом? Это наш. И сарай наш. И вишни наши, шубинки. А Пальму не бойсь, она не тронет... Пальма! Свои!..

Плотник опустил недопеска на землю, вынул из кармана мотоциклетную перчатку, кинул на крыльцо, а сам пошел в дом. В открытую дверь блеснуло электрическим светом, и донесся на редкость приятный, сытный и жирный запах – это хозяйка вынимала из печки вечерние щи.

Добротный двор был у плотника Меринова. Дом он срубил из толстых сосновых бревен, наличники на окнах разукрасил травяным узором. Под окнами росли коренастые вишни-шубинки. С их веток свешивались длинные серые сосульки. Сбоку от дома был сарай, в котором тепло шевелилась мериновская корова Воря. У сарая стояли козлы и собачья конура, покрытая толем.

Из конуры вылезла толстая рябая псина. Она зевнула и, заприметив недопеска, лениво гавкнула.

Это и была Пальма Меринова.

Она походила на сосновый чурбак, укутанный войлоком, а на голове у нее росли развесистые уши, которые и придавали сходство с пальмой в кадучке.

Большим и мокрым, розовым даже в темноте носом обнюхала Пальма воздух и вобрала сразу все запахи, которые имелись в нем, – вечерних щей, мотоциклетной перчатки, Наполеона Третьего и даже запах луны, выскочившей на минуту из холодного облака.

Запах недопеска Пальме не понравился: очень он был жесткий, жестяной. Но в то же время не вызвал особого раздражения.

«Что поделать, – добродушно, наверно, подумала Пальма. – Бывают и такие запахи. Беда невелика. Главное – сердце, душа».

Потряхивая своими тропическими ушами, подошла Пальма к недопеску. Он тут же упал на спину, выставив отросшие в клетке когти. Но Пальма не обратила на них внимания. Она высунула огромнейший

*Пальма обнюхала как следует
Наполеона
и решила, что запах
стал неприятнее.*

язык, который был ей явно не по росту, и лизнула Наполеона. Теплым, ласковым и приятным был этот язык. Сравнить его можно было только лишь с корытом, в котором мамыши купают своих младенцев.

Вцепиться в такой язык недопесок никак не мог. Он заскулил, подставляя Пальме живот и платиновые бока, и в один миг превратился из Наполеона Третьего в обычного щенка. Пальма облизала как следует Наполеона и решила, что запах стал поприличнее. Она подтолкнула недопеска к конуре.

Пальма Меринова была вообще-то добродушная хозяйюшка, из тех, которые, зазвавши гостя, сразу же выставляют на стол всякие коврижки и шанежки. Под конуру у нее припрятаны были разные кусочки и огрызки, и, раскопавши кое-что из своих запасов, Пальма принялась угощать Наполеона.

Урча, накинулся он на хлебные корки и петушинные головы, а Пальма похаживала вокруг него, ласково ворчала, потчевала.

Да, Пальма Меринова была радушная хозяйюшка, и если б у нее в конуре был самоварчик, она, конечно, раскопегарила бы его.

Ночь в конуре

Сгустились сумерки, превратились в темноту, и сразу со всех сторон навалилась ночь на ковылкинскую землю. Не поймешь, откуда она взялась: опустилась ли с неба или поднялась из глухих оврагов, заросших дудником, из барсучьих пещер.

К полуночи ударил мороз, и вокруг луны, которая вышла из сизых облаков, засияла голубая радуга. Эта ночная холодная радуга нагнала на деревенских псов волчью тоску, и дружно залаяли они и завыли, глядя на луну.

Свет луны опечалил и Пальму, она тоже завыла, поддерживая своих односельчан. Голос ее, теплый вначале и бархатный, подымался все выше, выше, растерял по дороге теплоту и бархат и уже тянулся к луне тонкой шелковой нитью. Добравшись до самой луны, стала Пальма медленно опускать голову и увидела окна мериновского дома, освещенные электричеством. Электрический свет взбудоражил ее, и Пальма залаяла, будто вызывала хозяев на улицу разделить с нею ночную тоску.

Голос Пальмы растревожил Наполеона; вспомнились хриплые крики песцов, голоса работниц, алюминиевый звон.

Глядя исподлобья на луну, он хотел подхватить, подвить деревенским дворняжкам, но ничего не получилось: из горла его вырвалось лишь твяканье, похожее на старческий хриплый кашель. Никак не вязался этот простуженный звук с домашним собачьим воем, и не нужен был он в ночном деревенском хоре, как не нужен был здесь, в деревне, и сам Наполеон, чудный зверь, ни дикий, ни домашний – искусственный, выведенный человеком.

Под вой собак заполз Наполеон к Пальме в конуру, забился в самый дальний угол, зарылся в какие-то жаркие тряпки и задремал.

Перчатку мотоциклетную он взял с собою, потому что стала она совсем ручной.

Ветер, который гулял высоко в небе, рассеял облака, и стало видно, как из ковылкинского оврага выливается на небо Млечный Путь – молочная дорога. И по дороге этой вдогонку за Тельцом, отмеряя ночные часы, медленно помчался Орион.

Грозно сверкнул кинжал на его поясе, изогнулся тугой лук, и вот стремительная стрела прочертила небесный свод, ударила в лоб небесному буйволу.

От грозного удара по всему небу посыпались искры – шальные кометы – и сгорели где-то над водокачкой, маленьким кирпичным грибом, отмечающим над черными лесами звероферму «Мшага».

Нет, не догнал Орион Тельца, не догнал вчера, не догонит сегодня и завтра. Куда проще директору Некрасову найти недопеска, вернуть на звероферму Наполеона Третьего.

«Надо было дать Прасковьюшке премию, – думал в этот миг директор Некрасов. – Все же она старается... а теперь – одни неприятности».

«Ладно, проживу и без премии, – думала тем временем Прасковьюшка, – не в деньгах счастье...»

Засыпая, она беспокойно ворочалась на высокой кровати с серебряными шарами в изголовье, вздыхала, жалела себя и Наполеона, который бродит сейчас неизвестно где, голодный и одинокий.

Шофер Шамов, укладываясь спать, думал только об одном: что делать с премией – отдать жене или затаить на личные нужды?

«Затаю пятерочку», – решил в конце концов он и на этом заснул, и снилась ему ровная дорога без луж и без колдобин.

На небо набежала глубокая снежная туча, закрыла луну, плащом окутала плечи небесного охотника. И разом смолкли деревенские псы, загремели цепями, укладываясь спать. Только Пальма лаяла долго, пока не погас свет в окнах мериновского дома.

Пальма забралась в конуру, притиснула Наполеона к стенке. От нее исходил такой мощный жар, что Наполеон задохнулся, задержался, не просыпаясь, установил нос свой точно на север и обнаружил щель в стенке конуры. Он приник к ней носом и успокоился. Из щели тянуло холодом, пахло снегом, падающим с неба.

Заснул недопесок Наполеон Третий, и, пожалуй, никогда раньше не спалось ему так спокойно, как в эту ночь во дворе плотника Меринова, под защитой горячей и добродушной Пальмы. Снились ему длинные ряды клеток, Маркиз, крутящий миску, и Сто шестнадцатый, который ничком лежит на дороге.

Пальма спала уютно, похрапывала и посапывала. Ей снилась большая кулебяка, которую испекут, наверно, к празднику.

Большая Вера Меринова

К утру повалил снег, да такой густой, что плотник встал пораньше – расчищать дорожки деревянной лопатой.

Пальма вылезла из конуры и сладко зевнула. За Пальмой появился недопесок и тоже принялся зевать и потягиваться.

– Вишь ты, – засмеялся плотник, – зеваешь! Пригрела Пальма-то? Верунь, выдь на крыльцо, глянь, кого я тебе принес!

На крыльцо вышла дочка плотника Вера, большая девочка, которая училась во втором классе. По росту Вера догоняла своего папашу, а на плечах у нее лежала туго сплетенная коса, потолще корабельного каната.

– Это что за типчик? – спросила Вера, глянув на недопеска. – Папань, ты зачем шуточки шутишь?

– Это, Верунь, английский шпицок, – ответил плотник, который, кстати, и дочку свою слегка побаивался, потому что она была строга. – Его дачники бросили, а я пожалел.

– Разве это собака? Смотри, какой хвост, и морда лисья.

– Может быть, это помесь собаки с лисой? – неуверенно рассудил плотник.

– Папань, ты думай, что говоришь. Ну откуда возьмется такая помесь? Лиса эвон где, а собаки – в деревне. Это зверь, а не собака.

Мамаша Меринова Клавдия Ефимовна, обширная, как копна сена, вышла на крыльцо с полотенцем в руках. Как и у Веры, на плечах мамыши лежала коса, куда, правда, тоньше, чем у дочери. Клавдия Ефимовна работала в колхозе счетоводом, а два года назад была с председателем на звероферме, видала и песцов, и чернобурых лис. Она сразу поняла, кто такой сидит на снегу у конуры.

– Песец, – сказала она. – Он с фермы сбежал.

– Я его вчера у магазина от собак отбил, – хвастливо сказал плотник.

– А что это, интересно, ты делал у магазина? – спросила Клавдия Ефимовна.

– Так, Клав... – замялся плотник. – Сама знаешь, махорки-то надо купить. А где ж ее взять, как если не в магазине?

– Весь двор провонял своим табачищем, – недовольно заметила мамаша Меринова и, присевши на корточки, стала разглядывать недопеска.

– Какой мех красивый! – говорила Вера. – Мам, належь ему щец.

– Нечего зверей прикармливать. Пускай отец сядет на велосипед да отвезет его на ферму.

– Не надо его на ферму, мам, – сказала Вера. – Пускай он у нас поживет. Будет как собачка. Давай мы его пригреем.

– Куда я, Клав, теперь поеду, – поддержал Веру плотник. – Разве я проеду по такому снегу? К тому же задняя ось, похоже, треснула.

– У тебя я знаю, где треснуло, – сказала мамаша Меринова, недовольно поглядевши плотнику в глаза. – Ты скажи-ка лучше, что это ты у магазина делал?

я его вчера у магазина от собак

Плотник Меринов смешался, закашлялся, вытащил из-под крыльца какую-то веревку и пошел за калитку, сказавши загадочно:

– Схожу за жердями.

Вчерашние щи

Осторожно по шерсти попробовала Вера погладить недопеска. Он сжался и, насупившись, поглядел куда-то за забор. Легкие прикосновения человеческой руки удивили Наполеона, но ничего страшного в этом не было, и вдруг теплая приятная дрожь пробежала по спине.

А Веру удивляло, какой у него чуткий мех. Он струился, шевелился под пальцами, был живым и даже на ощупь серебристым. Вере очень хотелось провести пальцем вдоль белой полоски, рассекающей нос недопеска, но она не решилась.

– Мам, принеси щей. Давай мы его прикормим.

Мамаша Меринова погладила Веру по голове и сказала:

– Ты у меня молодец. Животных любишь. Ладно, все равно сегодня новые ставить.

Она сходила в дом и вынесла чугунок тех самых щей, что так вкусно пахли вчера. Эх, были в запасе у мамыши Мериновой бараньи вареные мослы, но не сумела она их оторвать от сердца!

Пальме налили в миску, а недопеску разыскала Вера бывшую сковородку с обломанной ручкой, накрошила в щи хлеба.

Пальма завиляла хвостом, подошла к своей миске и весело ударила по щам языком.

– Хлебай, хлебай, не робей, – подталкивала Вера Наполеона.

Он упирался, хотел для начала крутануть сковородку и лапой неожиданно зачерпнул щей. Облизнул и сразу понял, что никогда не пробовал ничего столь острого и соленого. Снова обмакнул лапу и зацепил какой-то лохматый узел.

– Это капуста, – пояснила Вера. – Хлебай, хлебай... Тут и луковки попадают, кругленькие, да, наверно, уж разварились, упрели. И картошка.

Наполеон слизнул капусту. Так и стал он есть: обмакивал в щи лапы и облизывал. Вчера щи пахли, может быть, и вкуснее, но и сейчас были они хороши. Кислый и жирный валил от них пар.

Пока налегал недопесок на вчерашние щи, Вера Меринова принесла веревку, ласково, легким бантиком обхватила его за шею, а другой конец привязала к кольцу, вколоченному в стенку конуры.

– Посидишь так до обеда, – сказала она.

Только облизавши дочиста свою сковородку, заметил Наполеон, что на шее у него что-то мешается. Вывернул голову и лапой попытался скovyрнуть веревку, но плотно уже сомкнулась она на шее, зарылась в мех. Тогда ему показалось, что от этой штуки можно убежать. Он прыгнул в сторону – веревка схватила за горло, и Наполеон упал в снег.

Нет, Наполеон, не убежать вам от плотницкой веревки. Простейший предмет, а легко превращает в собачку свободного зверя. И Пальма, и теплая конура, и вчерашние сытные щи – это только обман, пригодный дворовым собачкам. На север, на север надо было, Наполеон, как раз ведь туда показывает верный компас, рассеченный белой полосой. Пропал, поник Наполеон, попался в петлю, сложенную бантиком из плотницкой веревки.

– Не волнуйся, не волнуйся, – успокаивала его Вера. – Посидишь так только до обеда. Чтоб не убежал. А приду из школы, я тебе устрою домик.

Вера ласково гладила недопеска, уговаривала его, как мамы уговаривают детей.

«Назову его Тишей», – думала она.

Вера Меринова была добрая девочка. Она любила животных, всех животных, все равно каких. Но желательно – млекопитающих.

Полтабуретка

Мамаша Меринова ушла на работу, Вера – в школу. Дома никого не осталось.

А Пальма по характеру была домоседка. Она не слишком-то любила болтаться по улицам, ей нравилось, когда гости сами приходили.

Наевшись, Пальма вспрыгнула на конуру и улеглась на ее плоскую крышу ждать гостей.

Наполеон, пришибленный веревкой, заполз в конуру. Ему казалось, что какой-то страшный, сильный и невидимый зверь схватил за шею и держит. Вот нажмет посильней – разорвет горло. Мотоциклетная перчатка, которая дремала в куче тряпья, зашевелилась, ласково провела указательным пальцем по черному его носу, рассеченному белой полосой. Наполеон заскулил, но не смогла перчатка развязать веревку на его шее.

Скоро во дворе появилась гостья.

Это была старая приятельница Пальмы, собачонка Полтабуретка.

Маленькая и зловредная Полтабуретка имела скверный характер. Она воровала все, что попадалось на глаза, любила укусить сзади. Деревенские псы терпеть не могли Полтабуретку. Только Пальма жалела ее.

«Маленькие собаки – злые, – рассуждала Пальма. – Их надо жалеть. У них жизнь не удалась».

Пальма всегда делилась с голодной Полтабуреткой костями, которые перепадали от мериновского стола, и Полтабуретка заходила каждое утро перекусить и вообще покалякать.

Увидевши гостью, Пальма приветливо махнула хвостом. Полтабуретка издали оскалилась, захихикала, подскакала к конуре.

Вдруг она замерла на месте, наморщила нос: чем это у вас тут противным пахнет? Пальма фыркнула добродушно: мол, не беспокойся, затесался тут один знакомый или родственник, что-то вроде племянника.

Из конуры вылез недопесок с мотоциклетной перчаткой в зубах.

Полтабуретка зарычала, глазки ее загорелись скандальным огнем. Она сразу вспомнила, кто ей вчера всю морду расцарапал.

Не рассуждая, кинулась она к недопеску, клацнула зубами и выдрала клоч платиновой шерсти. Наполеон вцепился ей в нос, и снова раздался неприятный визг.

Пальма соскочила с конуры, оттерла Полтабуретку плечом и встала между нею и недопеском.

«Погодите, погодите, ребята, – как бы говорила она. – Давайте вначале разберемся, в чем тут дело».

Но Полтабуретка вовсе не хотела ни в чем разбираться. Из носу у нее текла кровь, а пасть была забита шерстью. Она не просто лаяла, она орала во все горло.

На голос Полтабуретки прибежала рыжая Дамка, маленькая собачонка Мошка и бродячий пес Шакалок. Кольцом обложили они Пальму и Наполеона и грозно ворчали, а Полтабуретка шмыгала вокруг и разжигала.

Вся эта комедия Пальме не понравилась. Она загнала Наполеона в конуру и сама вошла в нее, выставив наружу только лишь свою добродушную морду. Пальма миролюбиво ворчала, объясняя, что нечего разжигать сыр-бор, что это ее знакомый или даже родственник и что, в конце концов, это ее личное дело, кто живет у нее в конуре.

Но уговоры Пальмы не помогали. Свора вплотную приблизилась к конуре, а коварная Полтабуретка вскочила на крышу и стала скрести ее когтями.

Собачонка Мошка, двоюродная сестра Полтабуретки, совсем обнаглела. Задними лапами она корябала землю – комья земли и снега полетели в морду добродушной хозяйшкe.

Терпение Пальмы лопнуло. В ярости выскочила она из конуры и ужасно укусила двоюродную сестру. И тут же сцепились в одно лохматое колесо и Мошка, и Пальма, и Дамка, и Полтабуретка, и бродячий пес Шакалок. А Наполеон взволнованно выглядывал из конуры и чем-то напоминал, в конце концов, своего знаменитого тезку, который наблюдает из маршальского шатра за ходом сражения.

Псы свились в клубок, связались двойным морским узлом. Их морды были в середине узла, а хвосты трепетали снаружи. Узел прокатился по двору, перевернул бóзлы, но тут прилетела вдруг откуда-то консервная банка и врезалась в самую середину свары. И страшный послышался, грозный крик:

– Артиллерия! Огонь! Левое орудие разрывными снарядами – пли!

Градом посыпались на собак разрывные снаряды – осколки горшков и гремящие консервные банки. Первым рванул в сторону Шакалок, за ним – двоюродная сестра. Через четыре секунды двор опустел.

Из-за забора заглядывал на мериновский двор какой-то человек в офицерской фуражке. Это был дошкольник Серпокрылов.

*Кто-то Дамка,
Собачонка Мошка,
Бродячий пес Шакалок,
Полтабуретка,
Пальма*

часть вторая

Дошкольник Серпокрылов

После завтрака дошкольник Серпокрылов имел обыкновение прогуливаться по деревне. Проводив на работу своего папашу, уважаемого слесаря Серпокрылова, дошкольник надевал офицерскую фуражку, закидывал на плечо винтовку, сделанную из водопроводного железа, и выходил в дозор.

Все друзья дошкольника учились в школе, поэтому до часу дня Серпокрылов был свободен и одинок. Но одиночество не мучило его, потому что он был занят военным делом.

Взявши винтовку наперевес, солдат Серпокрылов крался вдоль забора, стараясь подстрелить какого-нибудь вражеского разведчика или адъютанта.

Около клуба ему попался почтальон дядя Илюша, который мгновенно был ранен в ногу.

– Смотри, Лешка, – крикнул дядя Илюша, – сколько снегу навалило! Надо тебе надевать маскировочный халат!

Сержант Серпокрылов стрельнул еще разок, но, как видно, не попал. Прихрамывая, дядя Илюша двинулся по деревне. Он кидал газеты и письма в почтовые ящики, приколотенные к калиткам.

Из проулочка появился тем временем неприятельский батальон, обутый в красные сапоги.

– Солдаты! За мной! – шепнул своим разведчикам старшина Серпокрылов. – Возьмем их в клещи!

Будто лавина, обрушились разведчики на врага. Хлопая от ужаса белыми маскировочными рукавами, вытягивая в страхе белые маскировочные шеи и даже маскировочно гогоча, враги рассыпались по огородам и замаскировались.

Неожиданно послышалось ворчание танка. Лязгая гусеницами, из-за ближайшего блиндажа вываливался тяжелый бронированный механизм.

– Погибать – так с музыкой! – крикнул лейтенант Серпокрылов, держа в руке противотракторную гранату.

Раздался чудовищный взрыв – механизм выпустил облако дыма и отправился умирать в сторону силосной ямы.

После боя установилась над землей тишина. Такая тишина, какой не услышишь в мирное время. Но это была обманчивая тишина.

Со двора плотника Меринова вдруг послышался визг и лай.

– Вперед! По-пластунски! – скомандовал капитан Серпокрылов, упал в снег и стремительно пополз к забору, за которым разгорелся невиданный бой.

Заглянувши в дырку между штакетин, майор Серпокрылов сразу оценил обстановку.

– В штыхы! – послышалась команда. – Ребята, рубай их! Не подведите своего подполковника!

Град огня и снарядов обрушился на врага.

«Спасибо вам, товарищ Серпокрылов, – сказала Пальма. – Ваши активные боевые действия привели к полной победе».

– Я – солдат! – скромно ответил полковник Серпокрылов.

Дошкольник хотел продолжать путь боевых подвигов, как вдруг заметил пушистого, с огромным хвостом солдата, привязанного за веревку к конуре.

«Вон какую штуку завела себе Верка Меринова!» – изумленно подумал он, раскрыл глаза пошире, и в голову его хлынули сугубо штатские мысли: кто это такой, чего он сидит у конуры и при чем здесь огромная перчатка, валяющаяся на снегу?

Дошкольник перелез через забор, поднял перчатку и примерил. Рука вошла аж до плеча, и дошкольник засмеялся от удовольствия.

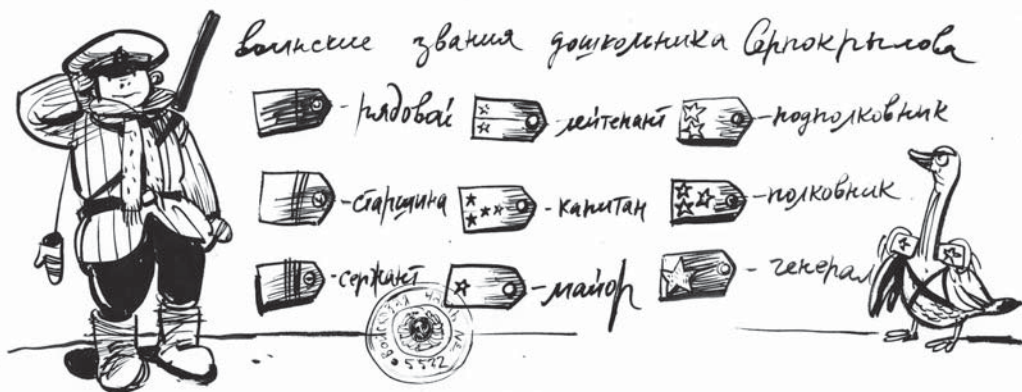
– А ты кто такой? – спросил он Наполеона, присел на корточки и перчаточным пальцем провел ему по носу.

Наполеон зажмурился.

Новые стремительные мысли пронесли в голове дошкольника, и главная насчет Верки Мериновой: мол, надо бы ее немного подразнить, а то чего-то загордилась, давно недразненная ходит.

– Ты мой трофей, – сказал он Наполеону и отвязал веревку.

Потягивая за собой недопеска, дошкольник вышел через калитку на улицу.

Победные флаги трепетали над головой генерала Серпокрылова.

На полюс!

«Это, наверно, россомаха, – думал дошкольник, выходя из калитки на дорогу, вдрызг перепаханную тракторами. – А может, барсук? Как раз полосочка на носу. Нет, он похож на лису. Но не очень. Какой-то недолисок!»

Тут мысли дошкольника побежали по дороге, проторенной уже плотником Мериновым: «Может, это помесь собаки с лисой? Лисья собачка? Лисопес... Лисица-псица!.. Лисец...»

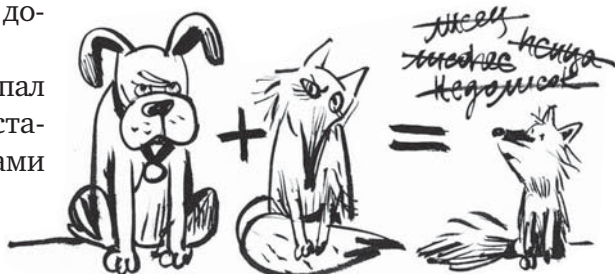
– Песец! – закричал вдруг дошкольник, подпрыгнул на месте и выпалил из водопроводной винтовки. – Песец! Песец! Чтоб мне треснуть! Это песец!

Восхищенный своей догадливостью, он палил безостановочно в воздух. Бах-тарарах-ба-бах! Наполеон поник, пришибленный неслыханным салютом. Никогда в жизни не приходилось слышать ему ничего подобного.

Дошкольник быстро израсходовал все боеприпасы и дернул за веревку. Ему хотелось немедленно куда-то бежать. Песец неожиданно заупрямился, уперся лапами в землю и затряс головой.

– Пойдем, пойдем, – торопил дошкольник.

Наполеон завертел головой, упал набок, перевернулся на спину, стараясь задними и передними лапами сорвать с шеи веревку.

Дошкольник Серпокрылов, надо сказать, был человек сообразительный. Он подождал, пока Наполеон успокоится, а потом заманчиво помахал мотоциклетной перчаткой.

– Пойдем со мной, – сказал он. – Перчатку получишь. Хорошая перчаточка!

Однако перчатка не помогла. Песец вовсе ее не заметил.

– Ну ладно, – сказал дошкольник. – Ты не идешь за мной, тогда я пойду за тобой. Беги куда хочешь.

Разных людей повидал за свою жизнь Наполеон Третий, но никогда не встречал он таких маленьких, чуть выше елового пня. Это Наполеону неожиданно понравилось, и еще понравилось, что дошкольник перестал дергать веревку и палить.

Недопесок обнюхал снег и валенки дошкольника Серпокрылова. От валенок пахло мышами.

Наполеон оглянулся на мериновский двор. Пальма стояла у калитки, печально помахивая тропическими ушами. Наполеон кивнул ей и установил нос точно на север.

– Валяй! – шепнул дошкольник, и на север, точно на север побежал недопесок через деревню Ковылкино, а за ним – дошкольник Серпокрылов.

Ему хотелось свистнуть, как свистят кавалеристы, скачущие в степи, или взречь мотоциклом «Ява», на котором ездит агроном, но он боялся напугать зверя, бегущего перед ним.

«Куда же он бежит? – думал Серпокрылов. – Наверно, на север. Северный зверь должен бежать на север. На полюс!»

Серпокрылов смеялся, ему казалось, что он все знает, все понимает, и действительно, он все больше понимал, что это за зверь бежит перед ним, куда бежит и зачем.

«Назову его Филькой», – думал он.

Кто из нас, людей деревенских или городских, поймет сердце песца, душу недопеска? Даже и в собачьей душе мы только чуть научились читать, а о песцах и ведать не ведаем. Есть, конечно, десяток на земле знатоков, которые расскажут о песцах. Но что скажут они о душе песца, не того, что бродит по белым пустыням тундры, а вот этого – искусственного, платинового, выведенного в клетке! Что там бьется у него в груди – сердце или моторчик, заведенный на время человеком?

Не видно в платиновом Наполеоне сходства с его свободными родственниками, и не слишком похож он на придуманного плотником английского шпица.

Более всего схож Наполеон с тюфячком на коротких ножках. И вся душа его ушла, наверно, в этот густой теплейший мех, в этот красивый волос. А сердце бьется лишь для того, чтобы волос становился все длиннее и краше.

Наполеон спешил. Ему казалось, еще немного, и он убежит от веревки. А дошкольник старался так поспевать, чтоб веревка не резала песцу шею.

«Мы бежим на полюс!» – думал дошкольник Серпокрылов. – А куда же иначе нам бежать? Вперед! Я там давно хотел побывать!»

Позвякивая боевыми наградами, бежал дошкольник Алексей Серпокрылов через деревню Ковылкино вслед за недопеском Наполеоном Третьим.

С каждым шагом увеличивалось на его груди количество орденов и все ближе был Северный полюс.

Колеса, которые видит старик Карасев

Настало наконец-таки время поговорить о старике Карасеве, о ковылкинском человеке с небритою бородой и носом кисельного цвета.

Старики такие есть во всех деревнях. Они сторожат колхозные сады, подшивают валенки. Этими делами занимался и старик Карасев – и сад стерег, и валенки подшивал. Короче, это был обычный старик, и только одна черта отличала его ото всех других стариков.

Старик Карасев был колдун.

Впрочем, разобраться в этом деле – умеет Карасев колдовать или нет – никто толком не мог.

Печник Волопасов спросил как-то:

– Ну что, дедок, ты вправду, что ль, колдовать умеешь?

– Колдуем помаленьку, – ответил на это старик Карасев.

– Да ладно врать-то, – сказал печник.

Карасев равнодушно улыбнулся и вдруг глянул на печника через левое плечо. Волопасов вздрогнул и отошел в сторону сельсовета. А на другой день на шее у него выросла болячка.

С каждым днем болячка разрасталась, и жена Волопасова уговаривала его пойти к старику повиниться.

– Против колдовства имеется наука! – возражал Волопасов.

Он купил йоду и стал смазывать им болячку. Научное лекарство вступило в борьбу с колдовской болячкой и в конце концов, конечно, победило.

Но не болячками удивлял старик Карасев белый свет. Главная сила его заключалась в другом: старик Карасев видел колеса!

Что это за колеса, Карасев и сам толком объяснить не мог. Но, по словам его, получалось, что возле каждого человека имеется в воздухе какое-то цветное колесо. Вроде радуги. Да только колесо это не всякому дано увидеть.

Например, плотник Меринов никаких колес не видит, и слесарь Серпокрылов не видит, да и вообще никто не видит. А вот старик Карасев видит.

В тот день, когда появился в Ковылкине Наполеон, Карасев сидел на лавочке у калитки, а соседка Нефедова шла из магазина и присела передохнуть.

– Куда ты столько хлеба набрала? – сказал Карасев. – Десять кирпичей.

– Как это куда! – закричала в ответ Нефедова и принялась считать, сколько у нее в доме народу, да куры, да корова, да поросята, да праздники впереди. Своими крикливыми подсчетами она оглушила старика на оба уха, потом перевела дух и решила поболтать о колесах. – Неуж все-таки вправду бывают колеса вокруг людей?

– А как же, – ответил Карасев. – Обязательно бывают.

– И ты видишь это?

– А как же мне не видеть-то их, если они видны, – возразил старик.

– Ну а вокруг меня есть такое колесо?

– Виднеется, – подтвердил Карасев. – Да только не слишком уж большое.

– Что уж, совсем, что ли, маленькое? – спросила Нефедова чуть огорченно.

– Ну как тебе сказать, – ответил Карасев, закуривая сигарку, – сантиметра на четыре.

– И какого ж оно цвета?

Тут старик Карасев поглядел на соседку внимательно, выпустил в воздух дыму и сказал:

– Коричневое.

Такой цвет Нефедову почему-то обидел.

– Старый ты пес, – сказала она. – Напустил дыму, вот и затемнил в колесе.

– Табачный дым колесам не помеха, – ответил старик Карасев, равнодушно еще раз взглянув на соседкино колесо.

– Тьфу! – плюнула Нефедова. – У тебя небось и вовсе никакого колеса нету.

– Мне свое колесо видеть не дано.

Старик покуривал сигарку, а Нефедова искоса взглядывала на него, прищурилась, словно хотела разглядеть, не видно ли какого колеса. Но, кроме шапки солдатской, носа да сигарки, она не видела ничего. И на улице не видно было никаких колес, только у дороги валялась, как обычно, автомобильная покрывка.

На дорогу выскочила из-за угла собачка на веревке, а за нею бежал дошкольник Серпокрьлов.

– Смотри-ка, дед, вон мальчишка слесарев бежит. Неуж и вокруг него есть чего-то?

– А-а... это Лешка Серпокрьлов. Вокруг него радуга васильковая с розовым разводом.

– И вокруг собаки есть?

– Ну нет, – сказал Карасев. – Вокруг собак не бывает... Они их видят, а сами не имеют. Постой, постой... Что за оказия? Вроде что-то намечается синеватое! Да это не собака!

Старик Карасев разволновался, достал из кармана очки.

– Эй, Лешка, подь-ка сюда!

– Некогда, дедушка Карасев! – крикнул в ответ Серпокрьлов. – На полюс бегу! – И скрылся за углом.

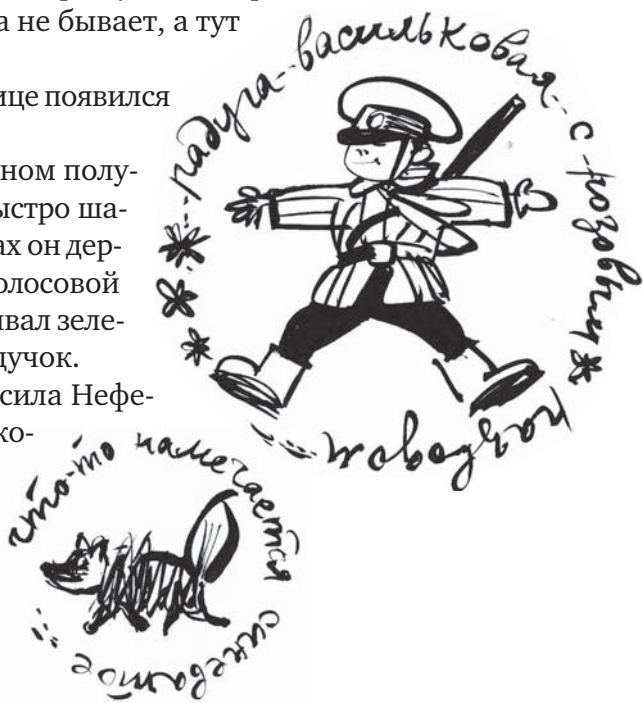
– Странное дело, – взволнованно рассуждал старик Карасев. – Вокруг собак никогда не бывает, а тут что-то синеватое.

Пока старик рассуждал, на улице появился новый человек.

В шапке «пирожок», в овчинном полушубке романовской дубки, он быстро шагнул, почти бежал по улице. В руках он держал толстую палку, окованную полосовой сталью, а на спине его подпрыгивал зеленый, через плечо на ремне, сундучок.

– Это что за человек? – спросила Нефедова. – Какое вокруг него будет колесо?

– Тьфу! – плюнул старик Карасев. – Салатовое!

«На севере диком...»

Последним уроком во втором классе был урок рисования.

Кончилась переменка. Техничка Амбарова пробежала по коридорам.

– Звонок не работает! – кричала она. – Движок барахлит. Току нету! Расходись по классам!

– Без звонка не пойдем! – кричали Белов и Быкодоров из четвертого класса.

– Дзззззз... – зазвенела Вера Меринова.

– Дзынь-трынь! Трам-блям-блям! – подхватил весь второй класс, и скоро в школе раздался такой звон, какого никогда в жизни не устроить электрическому току.

– Кончай звонить! – закричал учитель рисования Павел Сергеевич. – Готовь карандаши да альбомы!

Во втором классе очень любили рисование, и рисовали здесь отлично.

«Таланты! – говорил о них Павел Сергеевич. – Петровы-Водкины!»

Уроки свои Павел Сергеевич начинал обычно с какого-нибудь фокуса. Вдруг доставал из кармана огромный гипсовый нос или при-

носил в рюкзаке лошадиный череп. Сегодня он пришел с пустыми руками, и напрасно таланты глядели с надеждой на учительские карманы. Карманы не оттопыривались, гипсовый нос оттуда не высовывался.

Павел Сергеевич прошелся по классу, остановился у окна.

– Сколько снега навалило, – сказал он. – Скоро настоящая зима.

Ребята поглядели в окно на старые березы, присыпанные снегом. Черные грачиные гнезда на березах накрылись белыми колпаками.

– Видите за фермой сосну? – спросил Павел Сергеевич.

– Видим, видим! – закричал хорошист Миша Чашин.

– Посмотрите на нее хорошенько, – попросил Павел Сергеевич.

Ребята с любопытством принялись рассматривать сосну, как будто ожидали, что Павел Сергеевич сейчас устроит с нею какой-нибудь фокус.

Но Павел Сергеевич ничего не устраивал, а сосна стояла не шевелясь, подпирала мудрой головой серое ковылкинское небо.

Эта сосна была знаменита. Ни в деревнях, ни в окрестных лесах не было дерева выше ковылкинской сосны, а медовый ее ствол был толще самой огромной бочки. Старики говорили, что сосна заколдована. В нее ни разу не попала молния. Другие, мелкие деревья июльские грозы крошили каждый год, а сосну обходили стороной.

– Это очень старая сосна, – сказал Павел Сергеевич. – И вот каждое утро, по дороге в школу, я думаю, что это про нее написал Лермонтов стихотворение... Послушайте.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Как ризой, одета она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Ребята помолчали, обдумывая стихотворение, а потом сразу стали спорить, про какую это сосну написано.

– Да не про нашу это!

– Про нашу! Про нашу!

Это наша сошка

– Погодите, – сказал Павел Сергеевич. – Давайте по порядку. Миша Чашин!

Второклассники замолчали. Хорошист Миша Чашин пользовался в классе авторитетом. Его уважали.

– Это не про нашу, – сказал Миша Чашин. – Нету горной вершины. Почему ничего не сказано про ферму, а ведь она под сосной?

Миша Чашин сел на место, и слово взял Коля Калинин.

– Горной вершины нет, зато есть бугорок, – сказал он. – Но дело не в этом. Стихотворение про сосну, которая стоит одиноко. Значит, и про нашу. Значит, это наша сосна спит и видит пальму.

– Пальму Меринову, – сказал Миша Чашин и засмеялся.

– Кокосовую! – закричал Коля Калинин. – Не тебя же во сне видеть!

– Спокойно! – сказал Павел Сергеевич. – Калинин, сядь. Говори, Вера.

– Это написано не про сосну, – сказала неожиданно Вера, – а про одинокого человека. Он стоит, и ему печально.

– Ну сказанула!

– Тогда б так и было написано: на голой вершине стоит человек!

– Ну ладно, – сказал Павел Сергеевич. – Хватит кричать. Я согласен с Верой. Поэт пишет стихотворение о сосне, а сам думает, конечно, о своей судьбе, о других людях. Мы читаем и тоже задумываемся о себе и о других. Вот так. Ну, начали рисовать.

– Чего рисовать?

– Как чего? Сосну, пальму, все, о чем написал Лермонтов.

– Вот это задание!

– Давайте лучше гипсовый нос!

Ребята задумались, стали вспоминать, как выглядит пальма. Только лишь Коля Калинин немедленно кинулся в бой.

– Во – сосна! – шептал он. – А во – пальма! Во – песок! Во – скала!

– Не спеши, – сказал ему Павел Сергеевич. – Продумай композицию.

Коля остановился на минутку и тут же снова зашептал:

– Во – снег идет! Прямо на ветки! Прямо на ветки! Во – гора! Во – ферма под горой, коровы, куры! Во – школа!

– Вера Меринова пойдет к доске рисовать цветными мелками.

– Повезло, повезло Верке, – бормотал Коля. – Во – лошадка везет сено. На возу мой папаня.

Тихо стало в классе. Слышался только приятный шорох карандашей да стук мела по грифельной доске.

Синяя северная гора, изрезанная скалами, изрытая пещерами, охватила полдоски, красным мелом наметила Вера сосновый ствол. Горел огненный ствол, оранжевые ветки уползали вверх и добирались чуть ли не до портрета знаменитого химика Менделеева, который висел над доскою. На верхушке, там, где у сосны голова, нарисовала Вера кружок, а в нем – песок, песок, горячий утес, одинокую пальму. И так уж получилось, что листья ее были похожи на уши Пальмы Мериновой.

– Хорошо, – похвалил Павел Сергеевич. – А это кто такой под сосною?

– Песец, – ответила Вера. – Северный зверь.

– Очень хорошо, – подтвердил Павел Сергеевич.

Вера почти закончила рисунок и решила еще разок глянуть на ковылкинскую сосну. Она подошла к окну, и тут же все смешалось у нее в глазах.

За школьным забором бежал по улице Лешка Серпокрылов, а перед ним на веревке – Тишка, песец, северный зверь. Заприметив в окошке Веру, дошкольник остановился, поднял водопроводную винтовку, прицелился и, конечно, попал в самое сердце. Песец дернул веревку – дошкольник соорудил нехорошую рожу и скрылся из глаз.

Из-за поворота тем временем появился новый человек – в овчинном полушубке, с зеленым сундучком на плече. Вера не видела его. Она так разволновалась, что еле дотянула рисунок до конца.

Павел Сергеевич поставил ей пятерку, посадил на место.

Тысячи мыслей проносились в голове Веры Мериновой, и из всех мыслей она выбрала одну, самую верную.

Вера написала записку и перекинула ее Коле Калинину: «Готовься! Будет дело!»

К чему надо готовиться, Коля не понял и, какое будет дело, не знал, но все последние пять минут сидел как на иголках и готовился к делу. «Будь спокойна, Вера, – думал он. – Я готовлюсь!»

Приключения на Северном полюсе

К этому моменту погоны на плечах дошкольника Серпокрылова выросли уже до каких-то ненормальных размеров. Куда больше на них сверкало звезд, чем в созвездии Ориона, и установить армейский чин дошкольника было трудновато. Получалось что-то вроде супергенералиссимуса.

Вслед за песцом дошкольник пробежал через всю деревню. Веревку он старался не натягивать, и Наполеону почудилось даже, что он вновь свободен, а маленький человечек просто бежит за ним на правах Сто шестнадцатого.

На бугре под ковылкинской сосной Наполеон остановился, оглянулся на дошкольника. Нет, не был похож дошкольник на Сто шестнадцатого, но хоть вперед не забегал и веревку не дергал.

Запыхавшись немного, Леша сопел и ласково глядел на недопеска.

С бугра от края до края видна была деревня Ковылкино. Что ж, настало время прощаться с нею.

Много здесь прожито – шесть с половиной лет, – много пережито. Все теперь позади, а впереди долгий путь на полюс, бураны, метели, вьюги.

Впереди морозы в сто градусов и отряд полярников, во главе которых начальник Серпокрылов. В меховых унтах, с пистолетом в руке.

А Верка Маринова – фельдшерица.

«Товарищ начальник, – скажет она, – разрешите залезть на айсберг».

«Ладно, лезь, да смотри не задерживайся на макушке, а то скоро задует пурга. Сама знаешь, что такое Север».

«Я мигом. Только слазию – и обратно».

И вот Верка полезла на айсберг, и тут же задула пурга.

«Сидите в красной палатке! – приказал Серпокрылов полярникам. – А я пойду спасу ее».

И он быстро-быстро стал карабкаться на айсберг.

Пурга дула с нестерпимой силой, и не было ничего видно на земле, но все же начальник заметил Верку. Полумертвая от холода, она лежала в снегу. А над нею стоял белый медведь. Тут начальник хлоп из пистолета – медведь шмякнулся...

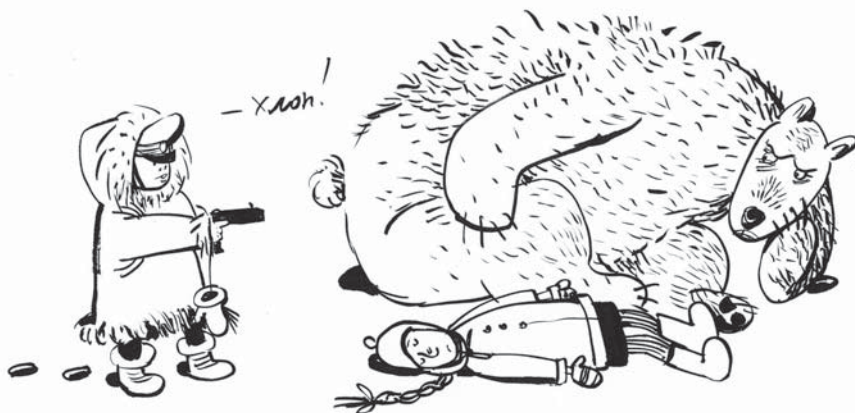
Тогда Серпокрылов взвалил Верку на плечи и потащил ее вниз.

«Оставь меня, Леша, – слабым голосом просила Верка. – Дай мне умереть в снегу!»

«Ни за что! – отвечал Серпокрылов. – Я спасу тебя».

«Спасайся сам, ты еще нужен людям, а я уже не нужна».

«Мы оба нужны», – отвечал начальник и брел в пурге, шатаясь, брел и брел, брел и брел и нес на плечах Верку Маринову.

– Эй, малый, погоди! – услышал вдруг он.

Дошкольник оглянулся.

– погоди, погоди, – говорил человек в овчинном полушубке, взбегая на бугор.

– Тебе чего, дядь?

– Хочешь крючочек?

– Какой? – не понял Леша.
– Рыболовный, номер пять. На окунька, подлещика. Хочешь?
– А то, – ответил дошкольник.
– Вот и хорошо. Все путем. Насодишь кашки, а подлещик – хлям! – и болтается на крючке. Грамм на двести!

Человек в полушубке скинул с плеча сундучок и, бормоча: «Окуньки, подлещики», щелкнул замком.

Леша заглянул в сундучок, и сердце его восхищенно стукнуло. Золотом, серебром сияли-переливались в сундучке рыболовные драгоценности: блесны-плотвички, перья-поплавки.

«Подлещик» же тем временем вытащил из сундучка коробку изпод монпансье, поддел крышку ногтем. Сотня самых разных крючков – стальных и латунных, гнутых и кованых – оказалась в коробке.

– Выбирай.

– А можно два?

– Бери, уж больно ты малый хороший.

Дошкольник Серпокрылов не считал себя таким уж бесконечно хорошим малым, но все-таки выбрал крючки, снял с головы фуражку и зацепил крючки за подкладку.

– А на акулу есть? – спросил он.

– Чего на акулу?

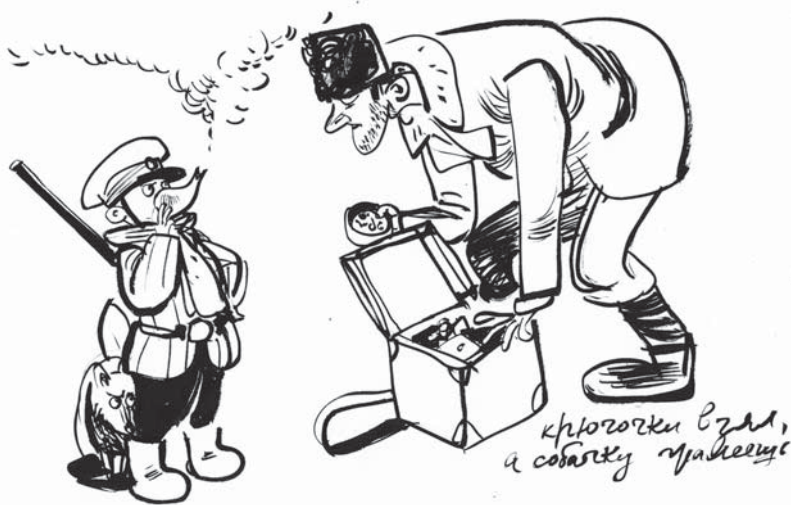
– Крючок.

– Нету.

– Ну ладно, я побегал.

– Постой-постой! Я тебе крючки, а ты мне чего? Дай и ты мне чего-нибудь.

– Идет, – согласился дошкольник и вынул из кармана медный предмет неясного назначения. Это был носик от чайника.

– Зачем он мне? – удивился человек в полушубке.

– А вот так, – сказал дошкольник и вдруг прилепал этот носик на свой собственный нос.

Полушубок вздрогнул. Самый настоящий чайник в офицерской фуражке глядел на него и вращал глазами, как будто собираясь закипать.

– Нет-нет, малый. Это не годится. Ты лучше дай мне собачку.

– Не могу.

– Да ведь я же совсем одинок, а собачка мне будет вечным спутником. Отдай.

– Никак не могу, – сказал дошкольник.

– Крючочки взял, а собачку жалеешь. Не ожидал от тебя такого.

Человек в полушубке оглянулся и вдруг подпрыгнул на месте и схватил веревку, за которую привязан был Наполеон.

– Отдай собачку, – неприятно зашептал он. – Это моя собачка, а не твоя!

Он рванул веревку, изо всех сил толкнул дошкольника в грудь.

Дошкольник Серпокрылов упал в снег, теряя ордена и медали.

Бой у ковылкинской сосны

Техничка Амбарова всунулась в дверь, оглядела класс равнодушным взглядом и сказала:

– Свету нету. Павел Сергеевич... Дзынь... Конец уроков...

Как ни любили ребята рисование, конец уроков они любили еще больше. Все вскочили из-за парт, зазвонили на сто ладов.

– Беги за мной! – крикнула Вера Коле Калинину и выскочила из класса.

Коля в таких случаях долго не рассуждал. Когда ему говорили «беги за мной», его всегда охватывало волнение, он срывался с места и летел сам не зная куда. Выбежав на улицу, он с ходу обошел на повороте Веру Меринову и ударил по снежной дороге подшитыми валенками. Только через полсотни шагов Коля остановился.

– Куда мы, Вер?

– В погоню! Серпокрылов песка увел!

– Песца! – закричал Коля. – Ура! В погоню! Какого песца?

– Настоящего.

От таких слов у Коли голова кругом пошла, он не стал разбираться, что это за песец и откуда, он только подпрыгнул на месте, будто горячий конь, ударил в землю копытом и помчался напрямик к одинокой ковылкинской сосне, под которой маячила фигура в офицерской фуражке.

Подбежав к сосне, Коля удивился, что у дошкольника не видно никакого песца. Но, с другой стороны, он не так уж хорошо знал, на что похож настоящий песец. Да может, дошкольник его за пазухой прячет! Поэтому Коля не стал рассуждать, где у дошкольника песец – за пазухой или под шапкой.

– Ура! – закричал он. – Вот он, дошкольник Серпокрылов! Дави дошкольника!

С разгона налетел Коля на Серпокрылова, сбил в снег офицерскую фуражку. Но дошкольник был не из тех людей, которых можно было взять на ура. Он уперся коленом в живот противника, сообщив, что наконец-то настал час, когда можно применить известный ему прием японской борьбы дзюдо.

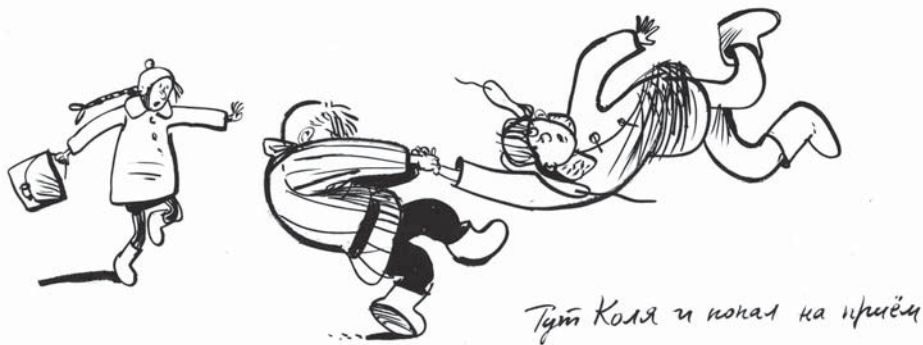
– Стой! – закричала Вера, подбегая. – Песца замнете!

Ей почему-то казалось, что недопесок принимает живое участие в схватке.

Слово «замнете» притормозило Колю Калинина. Он теперь совершенно убедился, что песец у дошкольника за пазухой. Поэтому Коля ослабил мертвую хватку. Но дошкольник Серпокрылов точно знал, что за пазухой у него ничего нет, кроме гордого, яростного сердца. Тут Коля и попал на прием. Одним махом дошкольник перекинул его через бедро, и Коля так грянулся о землю, что вздрогнула одинокая ковылкинская сосна и увидела наконец-таки пальму на юге далеко.

Леша поднял с земли офицерскую фуражку и сказал:

– Семь раз отмерь и лучше не отрезай.

– Я те отмерю!.. – закричал обиженный Коля, горячо поднимаясь с земли. – Я те отрежу... Я те сейчас так отрежу, что и отмеривать нечего будет!..

– А ну постой! – сказала Вера, дернув Колю за рукав. – Где же песец?

Большая Вера Меринова посмотрела дошкольнику Серпоккрылову прямо в глаза.

Взгляда Веры Мериновой дошкольник Серпоккрылов вынести не мог. Он мог сражаться с лазутчиками, мог ловить на прием Колю Калинина, спокойно мог глядеть в глаза своего папаши-слесаря, но перед Верой он бледнел и терялся. Поэтому дошкольник не стал глядеть ей в глаза. Поглядел под ноги, повел глазами по растоптанному снегу, добрался до подножия ковылкинской одинокой сосны, а там по стволу, по стволу, белочкой, белочкой, все выше и как раз добрался до небес.

– Где песец, Серпоккрылыч?

Это слово «Серпоккрылыч», такое ласковое и тревожное, разбило сердце дошкольника.

– Ты зачем отвязал песца?

И действительно, зачем? Ну зачем отвязал он песца?

– Подражнить хотел.

– Кого?

– Тебя.

О Орион! Да что же это на свете делается? Уж и подразнить нельзя симпатичного тебе человека!

– Где песец, Серпоккрылыч?

– Дяденька отнял.

Сервелат

Впилась-впявилась веревка в шею, натянулась струной, придушила. Померк белый свет в глазах Наполеона.

– Шевелись, шевелись, собачка, – то-ропил человек в полушубке, тянул изо всех сил за веревку к лесу, к оврагу, тому самому, из которого выливается на небо Млечный Путь – молочная дорога.

Наполеон пробовал упираться, но веревка так схватила за горло, что ноги подкосились. Он еле поднялся и, спотыкаясь, поспешил к оврагу, куда тянула веревка. То рысью, то галопом бежал человек, а то тормозил, как бы делая вид, что он просто с собачкой прогуливается. Страшная палка, окованная полосовой сталью, тяжело лежала на его плече, а на спине подскакивал зеленый сундучок, бренькали в нем блесны, крючки и коробочки.

Ковылкинский овраг глубоко разрезал землю. Склоны его сплошь заросли глухой бузиной, одичавшей малиной, завалены были истлевшим хворостом, который вяло трещал под ногами.

У бузинных кустов веревка ослабла. Наполеон ткнулся в бурелом, пытаясь спрятаться.

– Сейчас-сейчас, – сказал полушубок. – Сейчас все будет в порядке. – Я тебе колбаски дам.

Он резко дернул веревку, поволок недопеска вниз по склону.

На дне оврага чернел в снегу старый колодец. Бревна, из которых сложен был его сруб, давно сгнили, обросли грибами, похожими на оранжевые копыта.

– Уфуфу!.. – вздохнул наконец полушубок, захлестнул Наполеонову веревку за скобу, вколоченную в бревна. – Ну, вот и все путем. Сейчас будем колбаску есть. Хорошая колбаска, ну прямо сервелат.

Он открыл сундучок и вынул из него газетный сверток.

– На-ка, – сказал он и бросил Наполеону колесико колбасы с напухшим на нем маслом и крошками хлеба, а сам принялся жевать бутерброд. Белый его нос выглядывал из-под шапки и внимательно шевелился, как бы следя и за Наполеоном, и за поеданием бутерброда.

Недопесок тяжело дышал. Очень болела шея, нарезанная веревкой. Он лег в снег, закрыл глаза.

– Ешь колбаску. Будь культурным зверьком. Все, кто нас увидит, так и подумают: культурный человек кормит свою собачку. Никто не догадается, что и человек-то я не очень культурный, а собачка – не собачка вовсе, а Наполеон!

Тут засмеялся человек, и действительно некультурно как-то засмеялся. От смеха вылетели из-под носа хлебные крошки.

– То-то бабы в автобусе болтают: Наполеон, мол, сбежал. Редкий зверек, мех золотой, государственного значения. А он, глядь, Наполеон, – вот он, в овражке сидит. Ху-ху! Сейчас мы поиграем в игру. Ты будешь Наполеон, а я Кутузов. И зовут меня как раз дядя Миша.

Он дожевал бутерброд, поднял с земли палку, окованную половой сталью.

– А то жена говорит, – толковал он Наполеону, – «ну чего ты зря на рыбалку ездешь, только деньги переводишь!». Вот я и привезу ей рыбку на воротник. Скажу: баба, ну что ты все ругаешься? Вот тебе окунек. Государственный окунек. Наполеон Третий! Видишь эту палочку? – спросил дядя Миша. – Это, Наполеоша, рыбацкая пешня, которой лед колют.

Тут он подпрыгнул и взмахнул рыбацкой пешней. Наполеон отскочил в сторону, спрятался за сруб колодца. Дядя Миша опустил пешню.

– Уфуфу!.. – вздохнул он. – Не могу, Наполеоша. Какой я все-таки не очень хороший человек. Зверька хочу погубить из-за глупой бабы. Ну зачем ей воротник с такою рожей? Лучше уж воротник продать, а на деньги сервелат покупать...

Дядя Миша поднял пешню над головой.

– Что наша жизнь? – сказал он, подходя к Наполеону. – Сервелат!

«Все путем»

Исподлобья, из-под круглых бровей глядел недопесок на скачущего и бормочущего дядю Мишу. Трудно сказать, понимал он или не понимал, что задумал дядя Миша, но только больше Наполеон не прятался, а просто стоял и снизу вверх глядел на человека. Почему-то Наполеон успокоился, в глазах его мелькнуло действительно что-то

императорское. Он глядел на дядю Мишу снизу вверх, но в то же время и сверху вниз. Да он уж и не видел человека – бескрайнее снежное поле лежало перед ним.

– Не могу, – сказал дядя Миша. – Какой я все-таки слабовольный человек. Ничего не достигну в жизни.

Он подошел к колодцу и заглянул в затхлую глубину.

– Все путем! – крикнул он, успокаивая сам себя. Крик его ухнул вниз, провалился, завяз где-то, и эхо не вылетело обратно. – Все путем, все путем... В руках у меня ценный зверек. И никто ничего не узнает. Уфуфу...

Дядя Миша потел, в душе его происходила тяжелая борьба, и неизвестно, в какую сторону склонилась бы чаша весов, если бы стеклянно и неожиданно не прозвенел вдруг голос:

– Сюда!

– Куда? Куда? – заволновался дядя Миша. – Куда это сюда? Ну не сюда же!

– Заходите с флангов! – закричал в бузине и другой голос. – Возьмем их в клещи!

Послышался треск валежника. На склон оврага, будто танкетка, выкатился человек в офицерской фуражке:

– Огонь!

Он выхватил из кармана не то пистолет, не то гранату, прицелился, и – свись! – свистнула над головой дяди Миши – что ж это, неужели пуля?

– Озоровать! – нехорошим голосом закричал дядя Миша. – Я те уши пооборву! Спрячь рогатульку!

Но в это время на другом склоне завыл миномет, и коровья бомба повисла над дядей Мишей.

– Крой беглым!

И тут действительно беглым стали крыть дядю Мишу. Небо над его головой наполнилось комьями, палками, и особенно неприятен был изжеванный кем-то ботинок, который, квакая, ударил прямо в грудь.

– Прекратить огонь! – послышался голос.

Прямо к колодцу из кустов выбежала девочка и отвязала Наполеона.

– Нехорошо, гражданин, – сказала она. – Стыдно!

– Ты что это? Нет, постой. Кто тебе разрешил? Это мой зверек!

– Артиллерия, огонь!

– Отставить!

Цепляясь за ветки бузины, в овраг спустился Павел Сергеевич. Глаза его по-учительски блистали, а на плече висело двуствольное ружье – Зауэр «Три кольца».

– Не трогай мою собачку! – закричал дядя Миша. – Это моя собачка, я ее дрессировать буду – на лапках ходить, в барабан стучать.

– Отпустите веревку! – строго сказал Павел Сергеевич и сдернул с плеча ружье.

– Это что же такое! – засуетился дядя Миша. – Вооруженным конфликтом пахнет.

– Пойдемте в сельсовет, гражданин.

– Что вы! Что вы, молодой человек! Все путем! Берите вашу проклятую собачку!

Дядя Миша подхватил сундучок и побежал, побежал по оврагу в сторону.

– Стреляйте, Пал Сергеич! Стреляйте, а то уйдет!

Павел Сергеевич не стал долго рассуждать, он поднял ружье вверх стволами и пальнул вдогонку. Грозно, назидательно прозвучал учительский выстрел. В душе дяди Миши что-то оборвалось раз и навсегда.

Бег на Северный полюс

Странно подействовал выстрел на старый колодец. Дремавший последние двадцать лет колодец вдруг ожил, ворчливо буркнул: «Все путем» – и после этого заглох навсегда.

Дошкольник Серпокрьолов и Коля скатились тем временем к месту происшествия.

– Во чудо-то! – восхищался Коля, хлопая себя восторженно по бокам. – Вот это песец! Во бы кого нарисовать!

– Красив! – соглашался учитель. – Удивительный мех. Давайте отведем его в школу.

– Тиша, вставай! – сказала Вера и дернула веревку.

И тут спасенный Наполеон должен был, конечно, встать, улыбнуться, но вместо этого он злобно оскалился, будто сроду не был знаком с Верой Мериновой.

– Тиш, Тиш, ты чего?

– «Тиша»! – презрительно фыркнул дошкольник. – Его звать Филька.

– Не Филька, а Тиша, – заспорила Вера. – Тоже мне придумал.

Серпокрьолов уважал Веру Меринову и мог без конца снимать ее с айсберга и носить на руках. Но когда его задевали за живое, он становился упрямым как бык.

Поэтому пару минут у колодца только и слышно было: «Тиша... Филька... Дурак... Сейчас по шее... А ну, попробуй... Сейчас попробую... Ну, пробуй, пробуй, что ж стоишь...»

И Леша хотел попробовать, но в дело вмешался учитель.

– Ладно вам, – сказал он. – Неважно, как его зовут. Важно другое: что с ним делать?

– В деревню отведем, – ответила Вера.

– А дальше что?

– Будет жить у меня. Я его воспитаю.

– Ишь придумала! – сказал дошкольник, как будто и не уважал никогда Веру Меринову. Он терпеть все-таки не мог, когда его задевали за живое. – Ну ладно, бери Фильку себе. А мы посмотрим, как ты это сделаешь.

– И возьму.

Вера решительно дернула веревку. Опять померк в глазах недопеска белый свет. Он уперся в землю короткими своими лапами, изловчился и злобно схватил веревку зубами.

– Ну, ловко! Ай да Верка! Прямо животновод.

– Тиша, Тиша, – нежно говорила Вера, – успокойся.

Она достала из кармана конфету, осторожно протянула руку, чтобы погладить песца. Наполеон огрызнулся – конфета упала в снег.

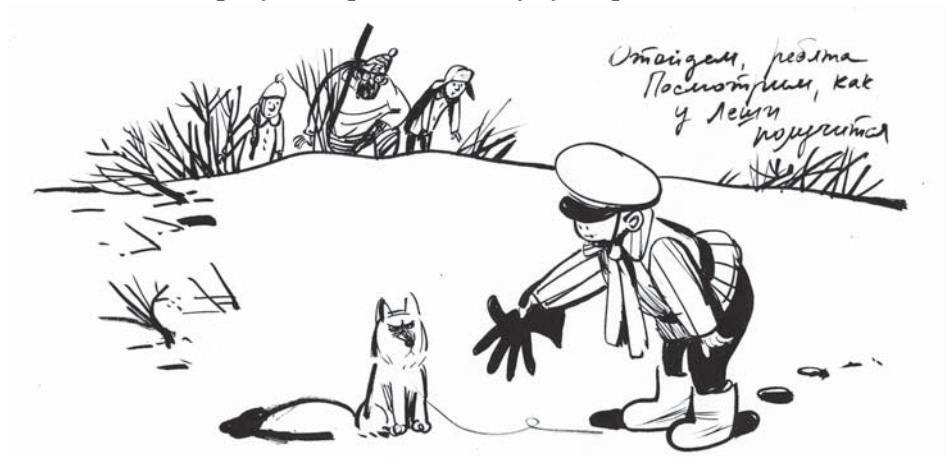
– Фу, какой злой. Тиша, что с тобой?

– А ты думала, из-за конфетки он тебе валенки будет лизать? Дай сюда веревку и отойди в сторону. Он пугается. Вылезай совсем из оврага. За дело берется Серпокрьлов!

– Отойдем, ребята, – рассудительно сказал Павел Сергеевич. – Посмотрим, как у Леши получится.

Павел Сергеевич и ребята вылезли на гребень оврага и стали глядеть сверху, что будет делать дошкольник.

Он ничего не делал, только вытянул из кармана мотоциклетную перчатку и бросил ее прямо под нос Наполеону. Потом не удержался, поднял конфету «Озеро Рица» и сунул в рот.

И больше не шевелился, руками не махал, за веревку не дергал. Правда, порой раздавались в овраге какие-то диковатые звуки, похожие на чмокание лошади, – это дошкольник Серпокрьлов сосал «Озеро Рица». Наполеону эти звуки чем-то понравились, даже успокоили.

Легонечко носом толкнул он мотоциклетную перчатку, взял ее в зубы. Перчатка слабо запищала.

Наполеон тряхнул головой, обнюхал знакомые валенки, установил нос свой на север и решительно стал выбираться из оврага. До-

школьник поспешил за ним, стараясь не натягивать веревку. Неизвестно, что успокоило Наполеона: перчатка или валенки. Наверно, он просто понял, что дошкольник – порядочный человек: веревку не дергает, пешней не машет. Он только бежит следом, вроде Сто шестнадцатого.

– Ну дает дошкольник! – изумлялся Коля Калинин.

Наполеон вылез из оврага шагах в тридцати от ребят и побежал прямо в открытое поле.

– Куда это вы?

– На Северный полюс!

– Поворачивай, поворачивай в деревню! – закричала Вера и побежала за ними вдогонку, а за нею тронулись Коля и Павел Сергеевич.

– Поворачивай! Поворачивай!

Но Наполеон не собирался поворачивать в деревню. Он пробежал озимое поле, пересек клеверище, опустил в овраг, теперь уже в другой овраг, не ковылкинский, а кадошкинский, по гнилым мосткам перебежал речку Мшажку и снова выскочил на поле. На север, точно на север бежал Наполеон и странную вел за собой компанию: дошкольника, двух второклассников и учителя с ружьем.

– Что ж, так и будем бегать? – кричал Павел Сергеевич.

– Ага, – оборачивался дошкольник. – Мы мчимся на Северный полюс! Мы – песцы!

Вера и Коля засмеялись от счастья и тут же стали легонько тявкать на бегу, как, очевидно, делают это песцы.

Павлу Сергеевичу скоро надоела бестолковая беготня.

– Теперь мы не песцы! – закричал он. – Теперь мы охотники! Вера, Коля, заходите справа, прижимайте его к деревне!

Наполеона подогнали к деревне. Павел Сергеевич сбросил куртку и накинул ее на недопеска.

– Отнесем его в школу, – сказал он.

Сикимора

Уроки в школе давно кончились. Ребята разошлись по домам.

Техничка Амбарова мыла в классах полы, а Белов и Быкодоров из четвертого класса, наказанные директором, таскали ей ведра с водой и вообще мешали, как могли.

Перемывши полы в классах и в учительской, техничка вышла на крыльцо и тут столкнулась с Павлом Сергеевичем, который нес на вытянутых руках что-то бьющееся, пушистое, закутанное куртками и шарфами.

Из-под курток и шарфов блистали гордые и угрюмые глаза Наполеона.

– Батюшка, Пал Сергеич! – закричала Амбарова. – Какую-то сикимору принесли!

Так Наполеон Третий получил четвертое в своей жизни, совершенно уж несуразное имя – Сикимора! Что это за слово, откуда оно взялось, этого не могла бы сказать и сама Амбарова. Оно внезапно созрело в груди да и выскочило на язык.

Как водится, самое глупое имя понравилось больше всего.

– Сикимора! Сикимора! – восторженно закричали Белов и Быкодоров. – Тащите ее на пришкольный участок. Посадим ее в клетку!

– Какая он вам Сикимора, – недовольно сказал дошкольник Серпокрылов. – Это – песок, он с Северного полюса.

– Молчал бы, соплячишко! – орали Белов и Быкодоров. – Ты вначале «А» да «Б» писать научись.

– Ты ошибаешься, – сказал дошкольнику и Павел Сергеевич. – Он, конечно, не с полюса. Видимо, он сбежал со зверофермы «Мшага» – от нас семь километров.

– Вовсе я не ошибаюсь. Вот и Вера подтвердит. Она его первая открыла.

И дошкольник Серпокрылов поглядел Вере прямо в глаза.

Конечно, Вере раньше и в голову не приходило, что Тишка мог прибежать с полюса. Сейчас ей такая идея понравилась, но, как ты ни крути, правда жизни брала свое.

– Нет, – вздохнула Вера, отводя глаза. – Тиша не с полюса. Он со звериной фермы.

Камень сорвался с горы и рухнул в пропасть. Точно так, как этот камень, рухнула Вера Меринова в глазах дошкольника Серпокрылова.

Дошкольник не стал больше ни с кем объясняться. Отошел в сторону.

Да и что было делать здесь, в школе, ему, дошкольнику. Школа для него была за горами. Здесь заправляли матерые школьники Белов да Быкодоров.

Под их крики Наполеона отнесли на пришкольный участок, сунули в пустую кроличью клетку. Ничего более позорного не происходило до сих пор в жизни Наполеона Третьего! Его, песца с императорским именем, гордость директора Некрасова, платинового недопеска, рвущегося на Северный полюс, назвали Сикиморой и сунули в кроличью клетку. Это было падение! О Наполеон!..

– Пускай посидит здесь до завтра, – решил Павел Сергеевич. – С утра позвоним на ферму.

Павел Сергеевич ушел в учительскую, а Белов и Быкодоров устроили вокруг Наполеона настоящую карусель: хохотали и свистели в кулак, лупцевали друг друга портфелями, подкидывали в воздух чужие учебники – в общем, веселились, как умели.

Наполеон забился в угол и закрыл глаза.

– Оставьте его в покое! – уговаривал дошкольник. – Он устал.

Но разве мог он остановить эту карусель? Карусель крутится и должна докрутиться до конца.

Дошкольник в ярости сжимал кулаки, чувствовал, что надо принять какое-то решение. Но оно никак не созревало в

его голове. Впрочем, дошкольник Серпокрьлов был человек с философским складом ума.

«Ладно, – решил он. – Пойду обедать».

В каждом приличном доме имеются мыши

После обеда дошкольник Серпокрьлов дома обыкновенно не задерживался и, как правило, прогуливался по деревне. В этот день он решил привычке своей не изменять, а лепешку с творогом, собственноручно испеченную слесарем Серпокрьловым, он есть не стал и попытался засунуть ее в карман. Лепешка, похожая на коричневый таз средних размеров, в карман не влезала.

– Ты куда это лепешку потащил? – спросил уважаемый слесарь, который приходился дошкольнику папашей.

Кстати сказать, слесарь Серпокрьлов действительно человек был в деревне многоуважаемый. Его уважали за хорошую работу. Все трактористы в праздничные дни носили слесаря на руках. Уважал его и плотник Меринов, которому слесарь точил стамески, и председатель сельсовета дядя Федя, уважал его старик Карасев, который говорил, что вокруг слесаря имеется колесо цвета увядшей незабудки.

Жил слесарь вдвоем со своим дошкольником, потому что мамаша уехала в город Гомель. Хоть и жили они без матери, обед в доме Серпокрьловых всегда проходил серьезно. Перед обедом отец долго умывался, стонал под рукомойником, а Леша нарезал хлеб и расстановивал приборы. Слесарь переснимал рубаху, садился к столу, и в тот же миг Леша ухватом выхватывал из печки чугуны с кашей, ставил его посередине стола. Обедали они молча. Леша только успевал подбрасывать отцу добавку.

– Так куда же ты лепешку потащил? – спросил слесарь, отодвинув прибор.

– Куда надо, туда и потащил, – ответил дошкольник, ни секунды не теряясь под слесаревым взглядом.

– Лешка, – сказал отец и постучал кулаком по столу, – ты знаешь, что я обычно делаю с такими сыновьями?

– Знаю, – спокойно ответил дошкольник. – Ты их убиваешь.

– То-то же! – сурово сказал отец. – Пол-лепешки мои.

Дошкольник не стал спорить. Он вытащил лепешку из-за пазухи и разломил ее пополам.

Знаю

Ты знаешь, что
я дичко делаю
с такими
стыковьями?

– Бать, у нас мышей нету? – неожиданно спросил дошкольник.
– Как же нету! – удивился слесарь. – Куда ж они денутся? В каждом приличном доме имеются мыши. Если не станет мышей – пиши пропало. А много ль тебе надо?

– Десятка два. Фильку покормить.

– Возьми мышеловку на потолке да поставь за печкой, – только и ответил слесарь, ничуть не удивляясь, что какой-то Филька ест мышей. Слесарь понимал, что его сын зря ловить мышей не станет, а если ловит, значит, Филька мышей заслужил.

Дошкольник достал с потолка три мышеловки, наживил салом и поставил за печкой.

– Ты всех-то не отлавливай, – попросил слесарь. – Оставь пару на развод.

– Два десятка отловлю, а остальных не трону.

Дошкольник надел офицерскую фуражку и вышел из дома. После обеда он имел обыкновение прогуливаться по деревне и этой привычке сроду не изменял.

Слесарь Серпоккрылов долго еще, задумавшись, сидел за столом, потом встал, помыл посуду и полил увядший на окне закавказский лимон.

— для десятка
отловлю,
остальных
не трону

Масло, подлитое в огонь

Вера сбегала домой и принесла Наполеону два бараньих мосла. Мослы были здоровенны. Они имели таинственное сходство с турецкими барабанными палками.

Хороши были мослы, мозговиты, но даже не глянул на них Наполеон.

Устал недопесок Наполеон Третий. Слишком уж много пережил он за сегодняшний день. Болела шея, нарезанная веревкой, поблек, потускнел драгоценный мех, набилась в боярскую шубу мотоциклетная грязь, припорошила сенная труха и песок из барсучьей пещеры. Не имел уже Наполеон царственного вида, увял, как увял закавказский лимон на окошке слесаря Серпокрылова.

Что поделаешь? Ведь если б даже Жар-птице пришлось ночевать в барсучьей норе, бежать от мотоциклистов, кусаться с дворняжками, небось и она потускнела бы. А если б заперли ее в кроличью клетку да сунули б под нос две бараньи барабанные палки, что сказала б тогда она?

«Ну вас всех к черту!» – вот что бы сказала Жар-птица.

– Ешь, Тишенька, ешь, – уговаривала Вера, подсовывая недопеску кости.

Прибежал Коля Калинин, притащил из дому какой-то сушеной ерунды вроде окуней, стал подкидывать в клетку.

– Оставьте его в покое! – послышалось из-за школьного забора. – Не видите, что ли, он устал!

– Да ладно! – закричал Коля, нехорошо подражая Белову и Быкдорову. – Тебя не спросили. Иди в свои ясли.

Вера искоса только глянула на офицерскую фуражку и промолчала. Она понимала, что камень давно уж сорвался с горы, рухнул в пропасть.

– Он у вас подохнет.

– Что ты все ругаешься, Серпокрылыч, – мягко сказала Вера. – Помоги нам, покорми Тишу.

– Он устал. Сейчас есть не станет, а завтра я наловлю мышей.

– Разве песцы едят мышей?
– Что он, кошка, что ли? – неумно засмеялся Коля Калинин.
– Вот и видно – ни черта не смыслите. И лисы, и песцы едят мышей. Они мышкуют.

Погрубел дошкольник Серпоккрылов. Без уважения глядел на Веру Меринову. И слово удивительное «Серпоккрылыч» пролетело мимо его ушей, как ласточка мимо березы.

– Мышей-то я ему наловлю, – продолжал дошкольник. – А завтра – тю-тю! – увезут нашего Фильку на звериную ферму. Разве ж это честно? К вам на двор он сам прибежал. Значит, он ваш.

– Он государственный, – ответила Вера.

– Ничего подобного. Он к вам сам прибежал. Значит, он теперь ваш, мериновский.

Разбередил дошкольник душу, и ведь действительно, получалось что-то не то: они спасали песца, отнимали его у дяди Миши, а теперь отдавать? Задумалась Вера, а дошкольник усмехнулся и посыпал раны солью:

– Да что мы, сами, что ль, его не воспитаем? Наловим мышей, выкормим, вырастим. А живет он пускай у Пальмы Мериновой или у меня.

– И у меня можно, – вставил Коля.

– Да пускай он живет по очереди, – обрадовался дошкольник, – сегодня у Пальмы с Веркой, завтра у меня, а там у Кольки.

– Ну нет, – сказала Вера. – У нас ему будет спокойней.

– Да пускай живет у кого угодно. Главное – на ферму его не отдавать!

Разгорался понемногу огонь в душе Веры Мериновой и в глазах Коли Калинина. Серьезно поглядела Вера на дошкольника, прежде она никогда так на него не смотрела.

– Не отдадим, – твердо вдруг сказала она. – Ты молодец, Серпоккрылыч.

На этот раз ласточка покрутилась над березой да и нырнула прямо туда, куда надо. Дошкольник поймал эту ласточку, улыбнулся и подлил еще немного масла в огонь.

– А что на ферме, – сказал он, – там его в клетку посадят, а потом воротник сделают!

Третья ночь

Быстро и неожиданно потемнело небо над ковылкинской сосной. В полчаса обволокла темнота раскидистую большелобую крону. Пропала сосна, исчезла в ночной темноте. Гляди – не к пальме ли прекрасной удалилась она?

О ночь! Третья свободная ночь Наполеона Третьего!

Темной волной смыла ночь и сосну, и горбатые ковылкинские дома, беззубые заборы и кирпичный далекий грибок, отмечающий над черными лесами звероферму «Мшага». Заволокла ночь глаза, – кажется, ничего уже не осталось на земле, все пропало, все кануло в колодец, такой огромный, что не только деревня Ковылкино, а и вся земля в нем песчинка. В тот самый колодец, который вечно над головой – и на дне его играет серебряным поясом небесный охотник Орион.

Но нет, все осталось на своих местах. Защищаясь от ночи, зажглись в домах слабые огоньки, задрожали: здесь деревня Ковылкино, прочно стоит на земле, и сосна здесь, у силосной ямы, и нету ей дела до южных, пускай даже прекрасных пальм.

– Ну ладно, – сказал плотник Меринов. – Надо бы в магазин сходить, купить, что ли, махорки-крупки!

Мамаша Меринова ничего в ответ не сказала, но так грозно нахмурилась, что плотник закричал, потрогал для чего-то нос свой и пробормотал рассудительно:

– С другой стороны, махорка вроде бы и оставалась где-то в ките, крупка.

«Жив он или нет? – думала в этот миг Прасковьюшка, укладывавшись спать. – Вдруг да его собаки загрызли?»

Прасковьюшка затуманилась, вспомнив о Наполеоне, стала жалеть его, потом стала жалеть себя. Только директора Некрасова жалеть ей никак не хотелось.

«Воротник! – волновалась Вера, засыпая. – Неужели сделают из него воротник? Сделают, сделают! Как же быть? Надо спасать Тишку. Тишенька. Тишенька...»

Вера хотела вскочить, бежать немедленно куда-то спасать песка, но сон уже охватил ее, теплый и пушистый, как хвост Наполеона.

Целый день ничком лежал Наполеон, а ночью поднялся, облизал бараньи мослы, сжевал окунька. Пусто было на школьном дворе. Черным льдом мерцали окна школы. Млечный Путь отражался в них.

Неизвестным чем-то и неприятным пахло в кроличьей клетке: перепревшей соломой, сгнившими мокрыми досками и зверем – может быть, страшным. Вдруг зверь этот затаился где-то рядом – вот распахнет дверцу и вцепится в горло.

Наполеон сжался в клубок, ошетинился и кинулся на дверцу, затянутую сеткой, – железная сетка ржаво завизжала. Недопесок метался по клетке, царапал стены, бился о железную сетку. В эту ночь он вдруг потерял голову, и никогда раньше на звериной ферме с ним не случалось такого.

Ночь, глухая ночь охватила деревню Ковылкино. Погасли электрические окна, заснула деревня, заснули собаки. Стало очень тихо. И в тишине вдруг громко хлопнуло что-то: раз, другой, третий. Это сработали мышеловки дошкольника Серпокрылова.

Раннее утро в деревне Ковылкино

Часов в шесть утра проснулась техничка Амбарова, стукнувши дверью, вышла на школьное крыльцо.

Она долго зевала на крыльце, жаловалась, что ноют колени, что все ученики просто-напросто головорезы, бранила солнце, которое никак не встает, и рассвет, который долго не наступает. Отзевавши все свои сны, она пошла набрать из поленницы дров и по дороге заглянула в кроличью клетку.

– Не спишь, Сикимора? Спи, спи, а то скоро придут Белов и Быкодоров. Они тебе весь тулуп обциплют.

Техничка наносила дров, затопила школьные печи, и, когда повалил из труб к небу сизый дым, стало ясно, что дым темнее неба, – значит, уже светало.

Вместе с Амбаровой проснулись в деревне все хозяйки – и мамаша Меринова, и соседка Нефедова – словом, все те, кто должен топить с утра печку, ставить в нее чугуны с картошкой, с борщом, с кашей. Проснулся и слесарь Серпокрылов.

Запылали печки во всех домах, затрещали в печках дрова. От треска этого теплей становилось под одеялом, глаза слипались сильней и так не хотелось вставать. Славно спалось под этот утренний согревающий треск дошкольнику Серпокрылову.

Прошел час, печки разгорелись сильней и отогрели серое ковыл-кинское небо. Наметились в нем розовые разводы, похожие на цветы клевера. Пospела утренняя каша, заныли приятно самовары, и хозяйки стали будить своих хозяев, мамыши – детей.

Только слесарь пожалел сына, уселся пить чай один.

– Бать, – сказал в полусне дошкольник, – мыши попали?

– Попали.

– Сколько?

– Много, много... Спи пока.

Слесарь попил чаю, ушел в мастерские, а дошкольнику snились мыши. Вначале приснилась одна мышь, потом другая, третья. Странное дело: во сне в них не было ничего противного. Это были теплые, домашние мыши, от которых пахло валенками.

Скоро мыши доверху заполнили сон дошкольника, и наконец, когда число их перевалило за миллион, он проснулся.

Ранее было еще утро, но взрослые пошли уже на работу, а школьники дожевывали дома последние ватрушки, кидали в портфели учебники.

«Проспал!» – в ужасе подумал дошкольник, вскочил с кровати и не стал даже умываться. Он вытащил из мышеловок пойманных мышей, схватил офицерскую фуражку и дунул к школе. Надо было покормить песца, пока не начались уроки, пока в школе было еще пусто.

Дошкольник мчался по деревенским улицам, перепрыгивая при- мороженные лужи. Над головой его, на розовом зимнем небе, тяжело двигались синие осенние облака.

Скоро дошкольник был уже у кроличьей клетки и кормил Наполеона. И в тот момент, когда Наполеон прикончил третью мышь, проснулся директор школы товарищ Губернаторов.

Утренние взгляды директора Губернаторова

Проснувшись, директор первым делом решил побриться. В потный граненый стакан нацедил он из самовара кипятку, взмахнул помазком барсучьего волоса и мигом покрыл лицо свое мыльной пеной.

От теплых снов огнем пылали щеки директора Губернаторова – белоснежная пена таяла на щеках, как мороженое.

Директор взял в руки очень и очень опасную бритву, придвинул к себе зеркало и так сурово поглядел в него, что, если б это было не зеркало, а, к примеру, Белов и Быкодоров из четвертого класса, вздрогнули бы они и торжественно поклялись никогда больше с криками не бегать по коридору.

Тремя взмахами расправился директор с пеною на щеках, набрал в ладонь одеколону «Кармен» и, хорошенько искупавши лицо в одеколоне, сказал:

– Где яичница?

Через полсекунды на столе перед ним стояла уже сковородка, кривая, как Ладожское озеро. На сковородке щебетала пятиглазая яичница с салом, шептала о чем-то и глядела на директора своими застенчивыми оранжевыми глазами.

Директор Губернаторов поднял вилку и так глянул на яичницу, что если б это была не яичница, а все те же Белов и Быкодоров, то крепко б призадумались они и, возможно, стали бы учиться на одни пятерки.

Скоро яичница закрыла свои незатейливые глаза, директор же нахмурил брови, взял в руки портфель о двух золотых замках и направился в школу.

Бритье и яичница славно освежили директора, а на улице взбодрил утренний морозец. Хороший впереди намечался денек – особый, последний в этой четверти. Сегодня в школе подведут итоги, сегодня станет ясно, сколько в школе отличников и двоечников, сегодня кто-то будет смеяться, а кто-то плакать, а завтра всем будет весело – завтра праздник.

Директор был в отличном настроении. Он решил сегодня же крепко прибрать к рукам Белова и Быкодорова.

У сельсовета директор прибавил шагу, услышав отдаленный шум, который удивил его и насторожил.

Шум усиливался, и теперь директор явно разобрал объединенный голос Белова и Быкодорова:

– Сикимора! Сикимора!

На школьном дворе развернулась настоящая ярмарка: здесь собралось человек сто народу, и все они кричали, гомонили, спорили. В воздухе летали синие, желтые портфели, шапки, кепки, книжки, варежки, то там, то сям вспыхивали красные галстуки, горели щеки и глаза.

Директора никто вначале не заметил, но это его ни секунды не огорчило. Он вошел в самую сердцевину ярмарки, кашлянул, поглядел вправо-влево и сказал:

– Так-так!

И сразу вдруг поблек праздничный базар, побледнели лица, шапки перестали летать, а портфели сами собой все до одного позастегнулись. Стройными ручьями втекли ученики в двери школы. Белов и Быкодоров замешкались было на крыльце, но, попавши под бинокль директорского взгляда, жестоко пожалели, что забыли дома тетради по математике.

Опустел школьный двор. Только у кроличьей клетки остались три человека. Это были Вера, Коля Калинин и дошкольник, на которого директор вовсе не обратил внимания.

– А вам что, особое приглашение надо?

Вера и Коля скромно опустили глаза и расступились перед директором, давая ему дорогу к кроличьей клетке.

Директор заглянул в клетку так строго, что, если б случайно оказались в ней Белов и Быкодоров, они бы просто-напросто превратились в пепел. Но тут получилось иначе. Заглянувши в клетку, вздрогнул сам директор Губернаторов. Из-за решетки злобно и пристально смотрел на него Наполеон Третий.

Характер Веры Мериновой

– Это что такое? – спросил директор, и брови его изумленно поползли по направлению к прическе. – Что это такое, я вас спрашиваю?

-Мак-мак

Вера и Коля испуганно молчали.

В дело вмешался дошкольник Серпокрылов.

– Это песец, – просто ответил он.

Директор перекинул взгляд свой на дошкольника, как бы спрашивая: «А сам-то ты кто такой?» Дошкольник не шелохнулся, а Колю Калинина пробила неприятная дрожь. Он вспомнил, что дневник его до сих пор не подписан родителями. Коля пошевелил плечами и вдруг исчез, легко и неожиданно, как бабочка.

Директор поднял к небу брови и сказал:

– Песец? А откуда он взялся?

Вера попыталась открыть рот, но в разговор снова влез дошкольник:

– Сам прибежал.

– А откуда он прибежал? – спросил директор у Серпокрылова, предполагая, что Вера замолчала надолго.

Но теперь умолк неожиданно дошкольник. Насчет того, откуда прибежал песец, у него было свое мнение, и он решил больше не навязывать его другим.

Дошкольник молчал, а брови директорские летали над ним, как чернокрылая ворона над ковылкинским оврагом.

Когда камень срывается с горы, он на эту гору уже никогда не заберется, если только не найдется человек, который втащит его обратно. И вот неожиданно такой человек нашелся. Взвалил камень на плечи и потащил на вершину.

– Как откуда взялся? – сказала Вера. – Прибежал с Северного полюса.

Услыхав такие слова, «ворона» изумленно сложила крылья и уселась директору точно на переносицу.

Директор задумался, ушел в себя, прикидывая, очевидно, расстояние от полюса до деревни Ковылкино. На лбу его нарисовались параллели и меридианы.

– С добрым утром! – закричал Павел Сергеевич, вбегая на школьный двор. – Видели, кого мы поймали? Это ведь голубой песец!

– Голубой песец?! – повторил директор и сомнительно покачал головой.

Нет, никак не увязывался в его голове песец с пришкольным участком. Взять, например, песца и взять пришкольный участок – нет, это никак не вязалось. Но с другой стороны, вот школа, вот пришкольный участок, а вот в клетке какая-то (верно сказано) «сикимора».

– Откуда ж он взялся?

– Со зверофермы сбежал, – ответил Павел Сергеевич. – Тут недалеко звероферма – семь километров.

– Ах вот оно что!

– Ничего подобного, – сказала Вера. – Совсе не с фермы. Он прибежал с Северного полюса.

– Вера! – изумился Павел Сергеевич. – Что с тобой?!

– Он прибежал с полюса, – ясно повторила Вера. – Серпоккрылыч прав.

– Меринова, в класс! – коротко скомандовал директор, увязавши наконец песца с пришкольным участком.

На крыльцо высунулась техничка Амбарова.

– Движок барахлит! – крикнула она и выхватила откуда-то из-под полы поддужный колокольчик работы валдайских мастеров.

Хорош был колокольчик, а на ободке его отлиты были такие слова:

Купи – не скупись, езди – веселись!

Техничка щедро взмахнула рукой – веселым серебром залился валдайский колокольчик, и, как лихие кони, вскачь, под звон его понеслись школьные уроки.

Три телефонограммы

Горячий выдался в школе денек – последний день четверти. Вспыхивали в журналах четвертные отметки, а за ними кумачом горел завтрашний праздник.

Хлопотливый был сегодня денек: сегодня двойку можно было исправить на тройку, четверку на пятерку. Сегодня можно было стать отличником, а можно и хорошистом.

Директор Губернаторов сидел в учительской и, как говорится, подбивал итоги. К сожалению, итоги не слишком радовали его: уж очень много высыпало в этот день троек, никак не меньше, чем вес-

нушек на носу дошкольника Серпокрылова. Тройки огорчали директора, ему хотелось, чтоб побольше было в школе отличников.

«А тут еще этот песец! – раздраженно думал директор. – Оставлять его в школе никак нельзя. За праздники сдохнет. Надо звонить на звероферму».

Но телефона в школе не было, а оторваться от школьных дел директор Губернаторов не мог, как не может мудрый извозчик бросить на произвол судьбы своих коней.

«Пошлю телефонограмму», – решил директор.

На первой же перемене красным карандашом набросал он на листочке несколько слов, и техничка Амбарова помчалась в сельсовет.

Председатель сельсовета дядя Федя как раз в этот момент разговаривал по телефону с райцентром.

– Тысячу штук яиц уже собрали! – кричал он. – Але! Собрали тысячу!

Из телефонной трубки слышалось грозное шипение и выстрелы, будто где-то на линии топили печь очень сырыми дровами, а то и баловались пистолетом.

– По яйцу? – кричал дядя Федя. – По яйцу больше не могу! Могу по маслу.

Но в райцентре долго его не понимали, и Амбарова сидела скромно на лавке, поджидая своей очереди. От нечего делать она разглядывала плакат, на котором акварельными красками была нарисована большая муха с изумрудными глазами. Под мухой написаны были стихи:

Муха на лапках разносит заразу.

Увидишь муху – прибей ее сразу!

По стихам лениво ползала настоящая живая муха.

– Ну давай, чего там у тебя, – сказал наконец дядя Федя и потер упревший лоб, как бы стараясь выкинуть яйца из головы.

Техничка протянула листок, дядя Федя развернул его и бодро начал читать:

– «Пойман зверь неизвестной породы...» Что? Что такое?

– Пес его знает, что это такое, – бойко ответила техничка. – Право слово, какая-то Сикимора!

– И где ж она?

– Да в ящике сидит.

– Маленькая, что ли?

– Здоровенная. Хвост эвон какой! – И техничка развела руками так широко, что охватила ими и председательский стол, и самого председателя. – Давай звони, мне бежать надо.

Дядя Федя снял трубку, снова телефонный треск наполнил комнату, и в треск этот председатель смело вклинил слова телефонограммы:

Пойман зверь неизвестной породы похож песца содержится ковылкинской неполной средней школе точка

Директор Губернаторов

Добиться зверофермы дядя Федя долго не мог: то попадал на молокозавод, то в ремонтные мастерские, но наконец телефонограмму кто-то принял, кому-то передал, и скоро загредел в ковылкинском эфире ответ зверофермы:

Пропал песец чрезвычайной важности нашедшему премия двадцать рублей берегите песца немедленно выезжаю точка

Директор Некрасов

Подхватив телефонограмму, техничка поспешила в школу и как раз успела грянуть валдайским колокольчиком.

– Премия! – ахнул директор Губернаторов. – Чрезвычайной важности!

Он схватил красный карандаш, и снова техничка Амбарова мчалась в сельсовет, и новая гремела под сводами сельсовета телефонограмма:

Песец надежных руках точка

Директор Губернаторов

Что делать?

Уже на первом уроке диковинные слухи поползли по ковылкинской неполной средней школе. Будто Верке Мериновой с полюса прислали песка, и песец этот дрессированный: если привязать его на веревочку, он, как собака-поводырь, приведет на Северный полюс. В четвертом классе стала собираться группа полярников, которые хотели бежать за песцом и добраться хотя бы до полуострова Канин Нос, пока про это дело не пронюхали родители. Белов и Быков составили на промокашке список походных продуктов.

«Тушонки раз», – написал Белов. «Згущенки два», – добавил Быков.

Всешкольная громкая слава навалилась на Веру Меринову и Колю Калинина. Неприметные второклассники стали героями, за ручку, за ручку здоровались с ними лбы из пятого класса.

Голова Коли Калинина отяжелела от славы, он ничего не видел вокруг себя – ни доски, ни учителя, огненная слава пылала у него на ушах.

На первой же перемене вся школа валом повалила глядеть песца, но тут на крыльцо вышел директор и взглядом разогнал народ по классам. На второй перемене приступил народ к Вере Мериновой, требуя ответа на свои вопросы. Вера и Коля сбивчиво и наперебой рассказывали, как было дело; но слишком уж большая собралась у печки толпа, все кричали, гомонили, и никто ничего не понял. Поняли только, что был овраг, была стрельба, был человек с зеленым сундучком и что в деле этом странным образом замешан дошкольник Серпокрылов.

Куцые сведения еще больше разожгли фантазию, и слухи сделались еще чудесней и странней.

Жил будто на свете полярник с зеленым сундучком, и был у него песец. Погиб полярник, а песца подобрала Верка Меринова. Вопрос: где теперь сундучок, в котором хранились царские червонцы и почтовые марки Оранжевых островов?

На третьем уроке начала сколачиваться группа изыскателей зеленого сундучка, но тут в дело решительным образом вмешались учителя, вызвали

к доске с десятком кладоискателей, и постепенно, под стук мела, под лепет книжных страниц, стали забываться песок и полярник, стрельба и зеленый сундучок. Последний день четверти сделал свое дело.

И только во втором классе о песце не забывали ни на секунду, хотя и здесь был ответственный день, и здесь тройки сыпались, как семечки. Коля, к примеру, Калинин нахватал столько троек, сколько не съест ему за все праздники пирожков с капустой.

Второклассники волновались, и на втором уроке волнение достигло наивысшей точки. Кто-то видел, как техничка Амбарова бегала в сельсовет, кто-то слышал, что ей наказывал директор, и все поняли, что песца немедленно вернут на ферму.

В конце второго урока Вера разослала по классу секретнейшие записки, и все тридцать три второклассные головы слились в одну большую думающую голову, частично обриту наголо.

«Что делать? – думала эта гигантская голова. – Отдавать песца на ферму? Так ведь там из него воротник сделают!»

«Как чего делать! – решила наконец Вера Меринова. – Надо его так спрятать, чтоб не нашли».

Каша, заваренная на большой переменке

Отзвенел валдайский колокольчик, кончился урок. Вынимай бутерброды, баранки, яблоки – началась большая переменка. А большая переменка – это десять минут. За десять минут можно столько каши наварить, что потом и за двадцать не расхлебаешь.

– Как чего делать! – крикнула Вера, как только учитель вышел из класса. – Надо так его спрятать, чтоб не нашли!

Второклассники окаменели. Но ненадолго. Всего лишь на секунду. И за эту секунду сразу поняли, что другого выхода нет.

– Куда?

– Я знаю такое место, – сказал хорошист Миша Чашин. – Только закройте дверь, чтоб никто не слышал.

Дверь заперли учительским стулом, и весь класс столпился вокруг хорошиста.

– Я знаю такое место, – шептал Миша так, чтоб всем было слышно. – Там его никто не найдет. А нас все-таки тридцать три человека – вырастим, воспитаем. Важно только, чтоб среди нас не было предателя.

– Верно, верно! – подхватили второклассники. – Важно, чтоб не было предателя.

Тут все переглянулись и поняли, что предателя среди них нет.

– Ну, давай, давай, не тяни! Что за место? – нетерпеливо спросил Коля Калинин, немного огорченный тем, что его отодвинули на второй план.

Миша приложил палец к губам, огляделся тревожно – не слышит ли его посторонний. Но посторонних в классе не было, разве только знаменитый химик Менделеев, который выглядывал из рамы над классной доской.

И все-таки Миша не решался так просто брякнуть, куда надо спрятать песца. Он выдрал листок из тетради по математике и быстро начиркал:

В баню колдуна Карасева.

– Место хорошее, – шепотом решили все. – Там его никто не найдет!

– Надо поскорей увести песца из школы, – сказала Вера. – А то будет поздно.

– Давайте я сбегу с уроков, – предложил Сашка Самолетов, вылезая неожиданно на первый план.

– Ладно тебе, – сказала Вера, возвращая Самолетова на его место. – Ты лучше двойку по русскому исправь.

– Может, я сбегу? – неуверенно сказал Коля Калинин.

– Не надо никому бегать, – ответила Вера и подошла к окну. – Есть один человек. Он сделает.

Вера стукнула пальцем в стекло, и за окном сразу же появилась круглая голова в офицерской фуражке. Лязгнули шпингалеты, окно распахнулось, и дошкольника Серпокрылова за руки втянули в класс. Отряхнувши снег с валенок, он прислонился к печке.

– Серпокрылыч, – прошептала Вера, – ты был прав. Тишку надо спрятать. Бери веревку и, как только начнется урок, отведи его...

– Стоп! – многозначительно оборвал ее Миша Чашин и, таинственно подмигнув, подал дошкольнику записку.

– «Бэ», – напряженно прочел Серпокрылов, повертел записку, причитался как следует и добавил: – «А-а... Ба...»

– Да он читать не умеет! – восхищенно загомонили второклассники, а Вера наклонилась к дошкольнику уху и что-то щекотно и горячо зашептала.

– Сделаю, – согласно кивнул дошкольник.

– А записку уничтожь, – добавил Миша.

Дошкольник хотел разорвать записку, но тут зазвенел поддужный колокольчик, загремела дверь, зашатался стул, просунутый в дверную ручку.

Дошкольник прощально помахал запиской и вдруг засунул ее в рот. Под огнем шестидесяти шести глаз с тревожным хрустом он сжевал творчество Миши Чашина.

– Дайте чего-нибудь зажевать, – сказал дошкольник, направляясь к окну.

Кто-то кинул ему кособокое яблоко, и со звоном откусил Серпокрылов половину косого бока, вылезая в окно.

Уже будучи ногами на улице, он обернулся, поглядел Вере в глаза и повторил:

– Сделаю.

И ведь сделал, все сделал дошкольник Серпокрылов, и как раз вовремя.

Интересные задумки директора Губернаторова

Ни минуты покоя не было сегодня у директора Губернаторова. То набегали в кабинет совещаться учителя, то приставал с какими-то лопатами завхоз, то сам директор торопился навести в пятом классе необходимый порядок.

Особо много хлопот доставили директору двоечники. На третьей переменке директор устроил в своем кабинете настоящее собрание двоечников.

Двоечники выстроились по росту у книжного шкафа, и первую минуту директор просто прохаживался перед ними.

Испачканные мелом двоечники бестолково переминались с ноги на ногу, сильно чем-то напоминая маляров или штукатуров.

Всю эту бригаду возглавляли отпетые Белов и Быкодоров, которых, впрочем, даже нельзя было назвать двоечниками. Не было в школьном словаре такого слова, чтоб обозначить Белова и Быкодорова. И директор нашел такое слово – «коловики».

С них-то и начал директор и сразу взял Белова и Быкодорова за рога.

– А вы, голуби, – сказал он и ткнул правой рукой в грубую грудь Белова, а левой – в бодрю Быкодорова, – а вы, голуби, доколе позорить будете нашу школу? Вы, наверно, думаете, что я собираюсь хиханьки-хаханьки разводить? Ошибаетесь! Я сделаю из вас настоящих людей! Прямо здесь, в этом кабинете, вы дадите обещание учиться только на «хорошо» и «удовлетворительно».

Припертые к стенке коловики вяло грянули:

– Прямо здесь, в этом кабинете, даем обещание учиться только на «хорошо» и «удовлетворительно»!

После коловиков директор занялся рядовыми двоечниками. Он буквально перепачкал их души и засеял перепачканное разумными семенами. Двоечники, как гуси, вытягивали шеи, уши их загорались от слов директора, а прически вскулдычивались. Особенно сильное впечатление произвел на двоечников рассказ о том, как поступали с такими, как они, в старое время. Некоторые двоечники плакали навзрыд.

Отделав двоечников по первое число, директор отутюжил каждого в отдельности и только после этого распустил их по классам.

Мысли директора побежали по новой дороге и натолкнулись на премию, которая полагалась за чрезвычайного зверя.

«Кто же ее получит? – размышлял директор. – Неужели Меринова? Да зачем же второкласснице деньги! К тому же здесь замешан Калинин, потом Павел Сергеич да еще какой-то дошкольник. А если премию поделить на четверых, что получается? По пятерке на брата. Ну, это чепуха. Пускай Меринова и Калинин пятерки на уроках получают!»

В этом месте своих размышлений директор остановился, прервал размышления на минутку и улыбнулся. Ему понравилась собственная шутка, и он повторил ее вслух, щелкнув ногтем по глобусу:

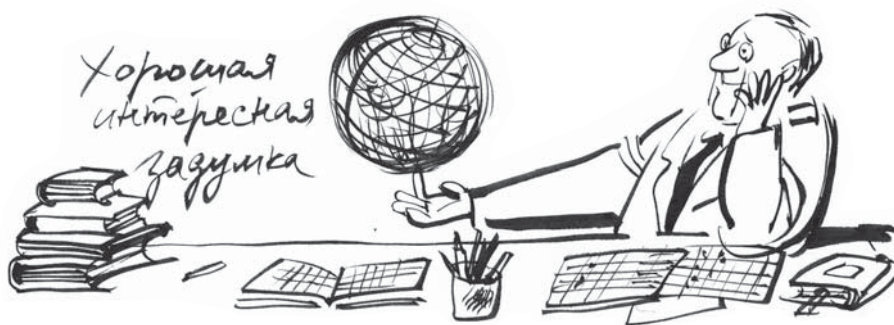
– Да-да, пускай лучше пятерки на уроках получают.

Повизгивая, крутился глобус, мелькали океаны и материки. Крутящийся глобус навел директора на мысли глобального масштаба. Он взглядом остановил глобус и продолжил размышления: «А что, если получить премию и послать ее в какой-нибудь город, пострадавший от землетрясения? Вот это интересная задумка!»

Директор Губернаторов заволновался, снова щелкнул по глобусу и внимательно теперь разглядывал мелькающие части света, как бы выискивая город, пострадавший от землетрясения.

Директор Губернаторов вообще любил интересные задумки и частенько сам задумывал их.

«Ладно, – решил директор. – Получим премию сами и купим на нее десяток глобусов, а Мериновой и Калинин у объявим благодарность. Вот это задумка так задумка! Остается дошкольник Серпокрылов. Но тут дело проще пареной репы. На будущий год, когда он поступит в школу, посадим на первую парту – это будет хорошая награда. Да, да! Сегодня же после уроков надо собрать во втором классе собрание и объявить благодарность. Вот настоящая праздничная задумка!!»

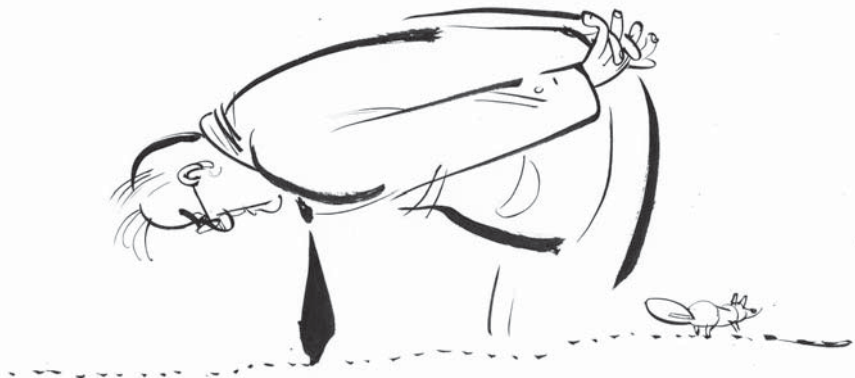

Директор Губернаторов посмотрел на часы. Через три минуты должен был кончиться последний урок, и, наверно, подъезжал уже к школе «газик» со зверофермы.

Директор Губернаторов решил глянуть еще раз на чрезвычайно-го зверя и вышел на крыльцо, повторяя про себя: «Хорошая, интересная задумка!»

Он пересек пришкольный участок, заглянул в кроличью клетку – и, как вспугнутые с дороги грачи, поднялись на крыло директорские брови и вовсе улетели со лба: дверца клетки была распахнута, пропал зверь чрезвычайной важности, исчез, растаял.

И тут залился-заклокотал за спиной директора валдайский колокольчик: кончился, кончился последний урок первой четверти, а завтра каникулы – свобода и веселье. Завтра зазвенят и сбудутся слова, отлитые на колокольчике: «Купи – не скупись, ездь – веселись!»

Второй класс глядит на Менделеева

Барабанной россыпью, пулеметной дробью простучали крышки парт, ученики подхватили портфели, кое-как покидали туда учебники и, как пехотинцы с криком в атаку, бросились из школы на улицу.

Кончился последний урок первой четверти!

Гуляй, двоечники и троечники, отличники и хорошисты, веселись, неслыханные коловики!

Только во втором классе не слышно было криков и веселья. Здесь стояла та самая тишина, которую называют мертвой. Выпрямив спины, сидели второклассники на своих местах, и сидели так ровно, так чисто и хорошо, что даже самый придирчивый человек не мог бы сказать, что вот, дескать, они «плохо сидят».

От окна смотрел на них Павел Сергеевич, покачивал печально головой, а у доски, прямо перед ребятами, как великан перед карликами, возвышался директор Губернаторов.

Во второй класс директор заходил редко, и всем было ясно, что явился он неспроста, что сейчас начнется нехороший разговор.

Огромный, как гора, стоял директор под портретом Менделеева и на плечах своих, казалось, держал грозовую тучу.

Тишина становилась все тише, она нагнеталась, нагнеталась и наконец сгустилась до такого состояния, что ее можно было уж разливать в банки, как сгущенное молоко. Тишину пора было разрядить, и директор сделал это.

– Так, – сказал директор.

Это простейшее слово он произнес настолько сильно, что оно врезалось в головы второклассников, как гвоздь в липовую доску. Во втором ряду кто-то тихо, но явственно задрожал.

– Значит, вы не знаете, куда девался песец. А кто ж тогда знает?

Директор Губернаторов прекрасно понимал, что знает об этом весь класс. Ни секунды не думал он, что песца увел посторонний. Как только увидел пустую клетку, сразу вспомнил разговор с Верой Мариновой и понял, что без нее тут не обошлось. Знал директор, что Веру ребята уважали и, скорей всего, поддались на ее агитацию и спрятали песца. Директор Губернаторов был мудрый человек и всех своих учеников видел насквозь. Одного только не мог он понять: как им удалось спрятать песца, не выходя из школы? Но этот вопрос он надеялся прояснить в самое короткое время.

– Маринова! И ты не знаешь, где песец?

Вера вскочила из-за парты и молча уставилась в портрет Менделеева.

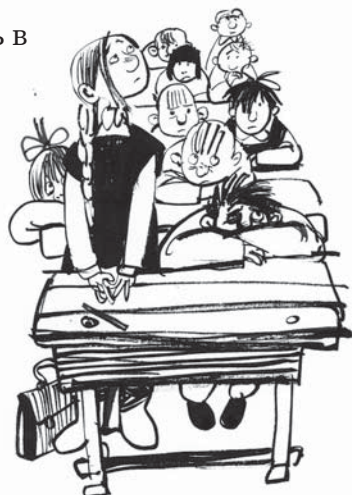
– Что ж ты молчишь?

Вера не отвечала. В тишине слышно было, как колотится ее сердце.

– Маринова, как видно, онемела, – сказал директор.

Он пригляделся, посмотрел на Веру повнимательней, как дровосек, который хочет расколоть полено и выбирает, с какого бока ударить, но решил пока ее оставить и выбрать чурбанчик помягче.

– Калинин!

Коля с громом вскочил из-за парты. С таким громом в лесной тишине вдруг в кустах подымается тетерев.

– А ты что скажешь?

Коля открыл рот, глянул в окно и осекся.

– И этот онемел, – заключил директор. – Ты куда смотришь? Воробья увидал?

– А чего он рожи строит?! – неожиданно и плаксиво сказал Коля.

Директор Губернаторов кинул взгляд в окно и увидел за стеклом дошкольника Серпокрылова, который действительно строил рожи в глубину класса. Тут директор так посмотрел на дошкольника, что состроенная рожа мигом превратилась в симпатичное и милое лицо и скромно скрылась куда-то вниз.

– Ну, Калинин, так куда же пропал песец?

Коля молчал: его заинтересовал портрет Менделеева. Пышная борода знаменитого химика буквально приковывала взор.

– Так, – сказал директор. – Ну что ж, продолжим! Чашин!

Миша Чашин неторопливо встал из-за парты, хотел поглядеть в глаза директору, но не тут-то было. Менделеев притягивал, как магнит.

Минуты через три весь класс стоял уже на ногах и рассматривал портрет великого ученого. Даже дошкольник Серпокрылов, вновь появившийся в окне, тоже глядел на Менделеева.

Опять установилась в классе неприятная тишина. С минуту была она мертвой, но скоро стала превращаться в гробовую. В тишине грозovou тучей темнело лицо директора Губернаторова, задумчивы были ребята, и печально глядел на них Павел Сергеевич.

Только лишь знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев ласково улыбался, распустив свою великую бороду над головой директора.

– Павел Сергеевич, – сказал неожиданно директор, – приведите дошкольника Серпокрылова.

Легкий шелест прошел по классу, и директор Губернаторов понял, что он попал в точку. Директор Губернаторов был мудрый человек, он умел связывать концы с концами.

О мудрый директор Губернаторов!

Как опытный капитан, обходя подводные рифы, ведете вы школьный корабль и без подзорной трубы видите, что творится в душах и сердцах двоечников, троечников и коловиков. Как плотник Меринов видит насквозь стакан с лимонадом, как мамаша Меринова видит насквозь самого плотника, так точно и вы видите насквозь их дочку, а с нею вместе всех своих учеников и даже дошкольника Серпокры-

лова, вводимого в эту минуту в класс. Страшно человеку, случайно разбившему стекло, подойти к двери вашего кабинета, страшно лентяю, нарочно забывшему дома тетрадку по математике, встретиться с вами в коридоре, плохо придется ему, одним взглядом пронизанному насквозь. Лишь человек с чистой душой, с чистыми ногтями и тетрадями, отличник и хорошист может спокойно пройти мимо вас, да и то, наверно, вздрогнет и подумает про себя: «А так ли уж я чист, а не я ли на прошлой неделе обманул самым бессовестным образом классного руководителя?»

– Ну вот, – сказал директор. – Явился главный свидетель. Ну-с, гражданин дошкольник, как вы поживаете?

Дошкольник Серпокрылов почтительно отрянул на пороге валенки и прислонился к печке. Он стоял так скромно, тихо и неподвижно, что можно было усомниться: да Леша ли это, дошкольник ли, не еловый ли это пенек?

И директор понял, что наконец-то попалось ему полешко послабже. Директор уж взмахнул топором, чтоб расколоть его, как вдруг зафырчал у ворот школы «газик», взревел белугой и заглох. Открылась дверца, и высунулась из машины знаменитая пыжиковая шапка.

Два директора

Очень и очень постным да пресным сделалось лицо директора Губернаторова. В глупое, в неприятное положение попал директор. Посылал телефонограммы про надежные руки, а получилась чепуха. Неодобрительно осмотрев свои руки, оказавшиеся не такими уж надежными, он убрал их в пиджачные карманы.

– Садитесь, – сказал директор ученикам, а Павлу Сергеевичу шепнул два слова, и тот побежал на крыльцо встречать представителя зверофермы.

В окно видно было, как пыжиковая шапка пересекла школьный двор, поднялась на крыльцо, а тут перехватил ее Павел Сергеевич и стал что-то объяснять, горячо размахивая руками. Что говорил

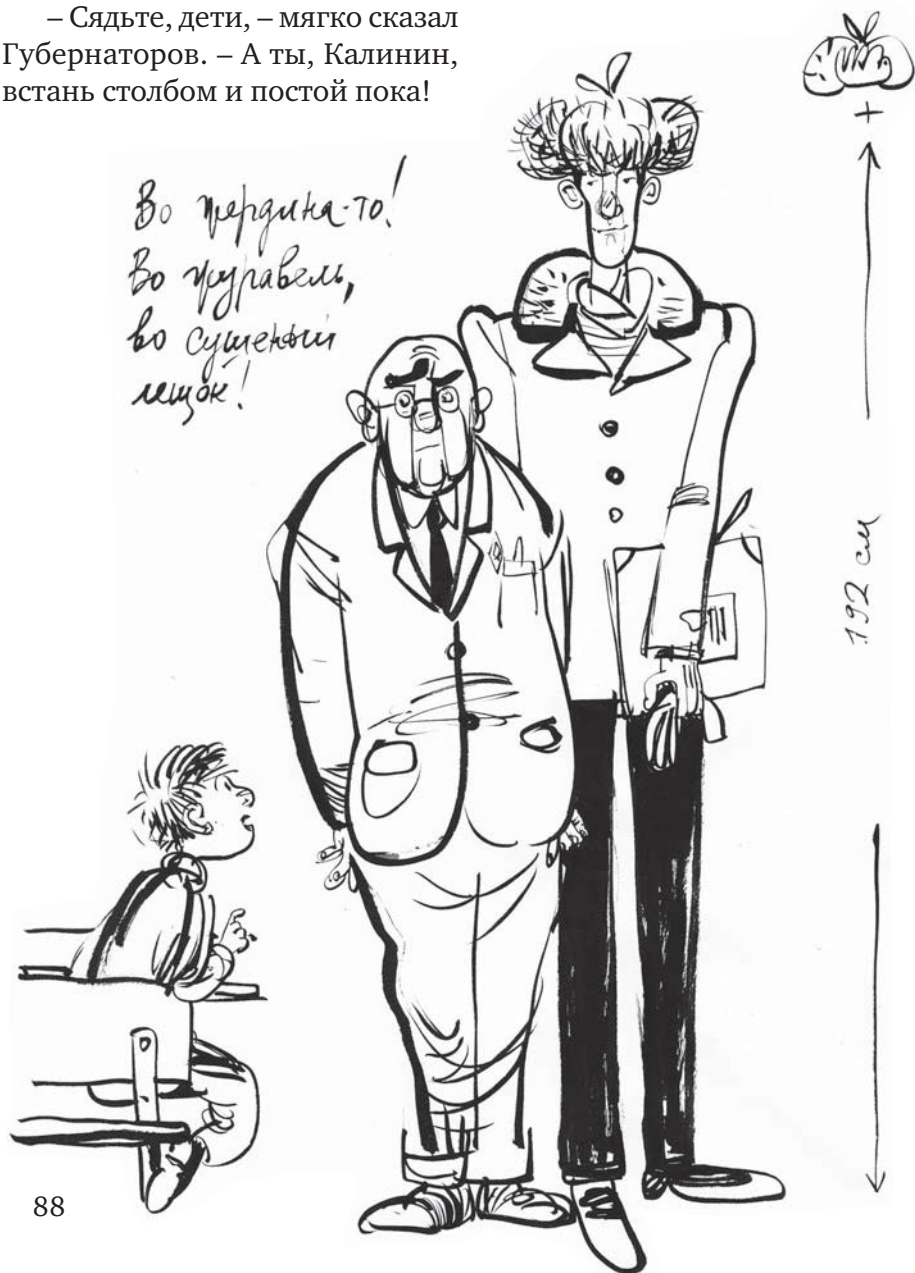
Павел Сергеевич, слышно не было, но пыжиковая шапка недовольно шевелилась в ответ.

Наконец объяснения кончились, простучали по коридору неслышанные еще в школе полуботинки, приоткрылась дверь, и директор Некрасов вошел в класс, длинный, сухопарый, в пыжиковой шапке.

Второклассники с громом вскочили из-за парт, приветствуя директора зверофермы.

– Во жердина-то! – восхищенно шепнул Коля Калинин. – Во журавель, во сушеный лещок!

– Сядьте, дети, – мягко сказал Губернаторов. – А ты, Калинин, встань столбом и постой пока!

– За что? – занял Коля. – Я больше не буду.

Но директор Губернаторов знал за что. Он имел чуткое ухо, которое сразу ухватило и «журавля» и «лещка сушеного». Только лишь «жердину» проморгало оно. Директор Некрасов прошел между парт к доске и протянул руку директору Губернаторову. Встретились два директора и поглядели друг другу в глаза.

Властным был взгляд директора Некрасова, волевым – директора Губернаторова.

Встретились два директора – и тесно стало во втором классе, захотелось чуть-чуть раздвинуть стены, распахнуть окна.

Директора крепко пожали друг другу руки. Некрасов после рукопожатия руку положил в карман и уселся, а директор Губернаторов свою руку, на которой написано было «Таня», поднял в воздух и грозно покачал пальцем.

– Так, значит, вы не знаете, куда девался песок? – сказал он, не глядя на директора Некрасова. – Весь день сидел в клетке, а теперь, когда приехал ответственный товарищ, он вдруг пропал... Так-так, но мне известно, что песка вы спрятали. Его надо вернуть на ферму – и никаких разговоров.

Директор закончил короткую речь и в конце ее поставил яростную точку.

После точки тишина в классе сделалась еще более тягостной и опасной. Никто не шевелился. Попробовал шевельнуться неопытный дошкольник, но тут же устремились на него директорские взгляды, и дошкольник замер.

Наконец у окна зашевелился Павел Сергеевич. Он решил, как видно, спасти положение.

– Ребята, – начал он, – песка надо вернуть. Это не наш песок. Он стоит больших денег и принадлежит государству. А если вам хочется выращивать зверей – пожалуйте. У нас есть кролики, можно завести чернобурых лисиц.

Павел Сергеевич перевел дыхание и, заметив, что второй класс не подает признаков разговора, продолжал:

– Я просто не понимаю: почему вы не хотите его отдавать? Ну объясните мне.

Павел Сергеевич остановился и попытался заглянуть ребятам в глаза. Но взгляды второклассников блуждали по классу и по проторенной дорожке устремились понемногу к Менделееву.

– Вера, – ласково сказал Павел Сергеевич, – я не спрашиваю, где песок. Скажи, почему вы не хотите его отдавать?

Вера любила рисование и очень уважала Павла Сергеевича. К тому же он был замешан в этом деле, и, если б не он, неизвестно, чем бы кончилось приключение в ковылкинском овраге. Павел Сергеевич имел право на ответ.

Вера собралась с духом и выпалила несколько фраз. Однако она так разволновалась, что разобраться в ее словах никто не смог.

– Что такое! Что?

– Что ты сказала? Повтори! – сказал и директор Губернаторов.

И долго еще упрасивали Веру повторить, прежде чем она снова собралась с силами и ясно высказалась.

– Мы Тишку на ферму не отдадим, – сказала она. – Из него там воротник сделают.

– Воротник? – изумился Павел Сергеевич и руками развел от неожиданности. Он хотел было сказать что-то в ответ, но никак не мог подобрать подходящие слова.

Павел Сергеевич замялся, а ребята оторвались от Менделеева и глядели на учителя.

Вот теперь Павел Сергеевич имел возможность посмотреть ребятам в глаза, но взгляд его побрел по классу, уперся на миг в пыжиковую шапку и нашел наконец-таки интересное местечко. Павел Сергеевич смотрел на Менделеева.

Затейливым был все-таки портрет знаменитого химика: багетовая рамка, пышная борода и подпись печатными буквами – «Дмитрий Иванович Менделеев».

«А вот вы, Дмитрий Иванович, как бы вы поступили в таком случае? Что бы вы сказали насчет воротника? Сделают ведь, а?»

Но не успел ответить Дмитрий Иванович – вдруг раздался в классе неожиданный грохот. Это ударился об стол кулак директора Некрасова, и второклассники все, как один, вскочили из-за парт и встали по стойке «смирно».

Директор Некрасов вытянулся во весь рост и снял с головы пыжиковую шапку.

Второклассники, конечно, не знали, что директор Некрасов делает это очень редко. Только в самых ответственных случаях.

*Из него там
воротник
сделают.*

Речь директора Некрасова

Собралась наконец-таки над вторым классом туча. Нависла, нависла над партами грозная пыжиковая шапка, зарницами засверкали сухие некрасовские глаза, и взгляд директора Губернаторова потускнел в сравнении с этим стихийным огнем.

Один только лишь вид директора Некрасова вызывал чувство огромной ответственности, и слова, которые он готовился произнести, должны были прозвучать вулканически. И вот послышался отдаленный гром, который все нарастал, нарастал и взорвался наконец над головами. Это был просто кашель, но, схожий с землетрясением, он вызвал уважение и трепет.

У Веры Мериновой сам собою развязался на косе бант, сполз на плечо голубой змейкой.

– Садись! – медвежьим голосом рявкнул Некрасов и махнул своей шапкой справа налево.

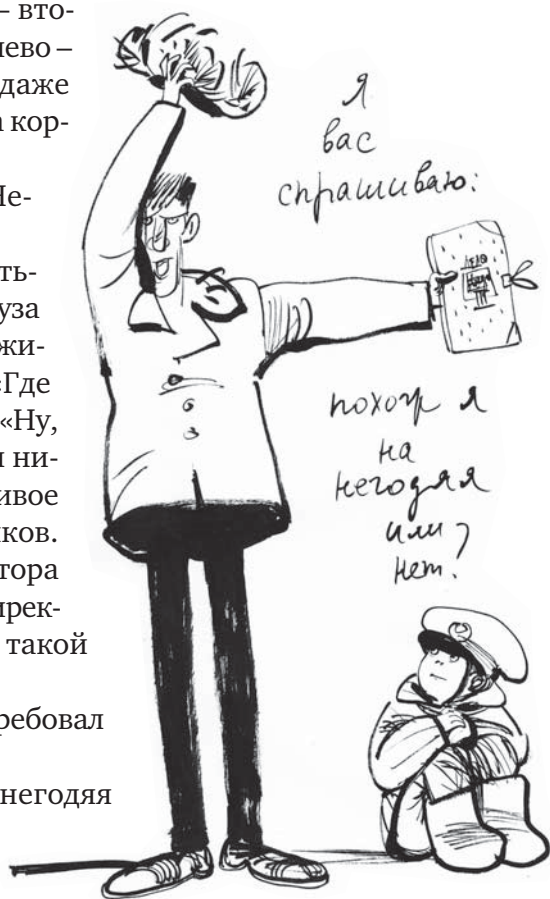
И пока шапка была еще справа – второй класс стоял, а когда уехала она влево – все уже сидели на своих местах. И даже дошкольник Серпокрылов присел на корточки у печки.

– Скажите-ка, ребята, – сказал Некрасов, – разве похож я на негодяя?

Пауза, только пауза могла появиться на свете после такого вопроса, пауза и полная тишина. Все, что угодно, ожидали ребята. Они ожидали крика: «Где песок?!», ожидали чего-нибудь вроде: «Ну, берегитесь!», но такого вопроса они никак не могли ожидать. Общее и пугливое недоумение охватило второклассников. Ошеломленно глядели они на директора Некрасова. Ни Павел Сергеевич, ни директор Губернаторов тоже не ожидали такой постановки вопроса.

Однако вопрос был поставлен и требовал ответа.

– Я вас спрашиваю: похож я на негодяя или нет?

Ребята слегка зашевелились, стали переглядываться, но никто не решался, конечно, открыть рот и ответить: слишком уж необычным и опасным казалось такое дело.

– Вот ты, девочка, – сказал Некрасов и ткнул пальцем в Веру. – Ответь, пожалуйста.

В который уж раз вскочила Вера из-за парты и молча уставилась на директора Некрасова, как будто изучала, что в самом деле – похож или не похож?

– Что ты молчишь, будто в рот воды набрала? – подал голос директор Губернаторов. – Отвечай.

Вера окостенела, и неизвестно, чем бы все кончилось, если б в дело не вмешался дошкольник Серпокрылов.

– Ну, не похож, не похож, – сказал он, спасая Веру.

– Вот и хорошо, – обрадовался директор Некрасов. – На негодяя я не похож и на живодера тоже. Так вот, я вам говорю, а мое слово – закон. Я говорю вам, а вы слушайте: этого песца на ферме никто пальцем не тронет! Понятно? Ах, непонятно? Ну, так я объясню. Этого песца звать Наполеон Третий! Понятно?

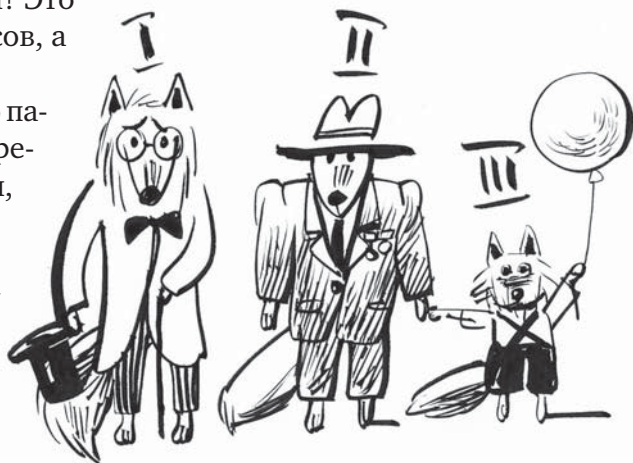
Вздых удивленного облегчения прошел по классу, обстановка немало разрядилась, ребята стали даже перешептываться и подталкивать друг друга под бока.

– Наполеон! Вот здорово!

– Да, да, Наполеон Третий! – подтвердил директор Некрасов, чувствуя, что ледок начал таять. – Его дед был Наполеон Первый, а отец – Наполеон Второй. Так вот, слушайте дальше. Наполеон Третий еще недопесок, щенок, но он очень драгоценный зверь. Вы ведь заметили, какой у него прекрасный мех. Таких песцов, как он, на свете больше нет. Поэтому никто не станет делать из него воротник. Этого песца мы будем беречь как зеницу ока, потому что собираемся вывести от него новую породу. Ясно вам? Это говорю вам я, директор Некрасов, а мое слово – закон.

Директор выждал некоторую паузу, давая второклассникам переварить сказанное, а когда решил, что все переварено, продолжал:

– Я не мастер много говорить. Я мастер много делать. Поэтому я добавлю вот что: все ребята,

которых интересует звероводство, могут приходиться на ферму. Мы организуем кружок звероводов, а вот эту девочку, которая здесь, кажется, главная, мы выберем старостой. Вы сами будете ухаживать за Наполеоном и другими песцами, а также норками. Больше я говорить ничего не буду. Решайте. Все.

Директор Некрасов махнул своей шапкой, с размаху нахлобучил ее на голову и сел. Внутри у него щелкнул какой-то выключатель, и глаза потухли.

Наполеон Пятнадцатый

Мудр был директор Губернаторов, но и директор Некрасов ни в чем ему не уступал. Два метких выстрела – и второй класс, как подбитый рябчик, лежал в охотничьей сумке директора и только лишь взволнованно трепыхался.

Слова Некрасова разворошили мысли второклассников, как ветер ворошит плохо сметанный стог. Разлетелись мысли во все стороны и только минуты через две снова собрались в стаю и потекли по новому руслу. А русло это оказалось весьма широким: Тишка-то был не Тишка, а Наполеон! Вот это новость! И никто не собирался делать из него воротник. Но самое главное – это ворота, которые распахнулись перед ребятами, ворота в новый мир – на звериную ферму! Это действительно здорово!

– Забирайте Наполеона! – крикнул Миша Чашин.

– Он в бане сидит!

– Парится!

– Да здравствует Наполеон Третий!

Хорошо сразу и светло стало в классе, прояснились лица, раздвинулись стены и свободно уже умещали двух директоров.

– Кто хочет записаться в кружок? – крикнул Коля Калинин, и сразу поднялся над партами лес рук, будто кавалерийский эскадрон выхватил сабли наголо.

Коля достал клочок бумаги и с видом ученого секретаря стал записывать желающих записаться.

– Меня, меня запиши! – тербил Колю Миша Чашин. – Я буду ухаживать за песцами.

– И меня за песцами! За Наполеоном!

– Меня за Наполеоном!

– Да нельзя же всем за Наполеоном, – возражал Коля. – Надо бросить силы и на чернобурок.

Но всем хотелось ухаживать за Наполеоном, кормить Наполеона, выращивать Наполеона и будущих его наполеончиков. В глазах второклассников горела мечта о новой породе, о Наполеоне Четвертом, Наполеоне Пятом и даже, если дело пойдет хорошо, о Наполеоне Пятнадцатом.

Гвалт и вороний грай раздался в классе, засиял у окна Павел Сергеевич, с гордостью поглядывая на любимый им второй класс, улыбнулся директор Некрасов, и даже в бровях у директора Губернаторова потеплело. И вот в этот самый момент раздался хрипловатый голос:

– Чепуха!

– Что чепуха? – переспросил Павел Сергеевич.

– Все это чепуха, – повторил дошкольник.

– Почему чепуха? Какая чепуха? – зашумел народ, а дошкольник Серпокрылов снял с головы офицерскую фуражку. Надо сказать, что он делал это в исключительно редких случаях. Когда ложился спать.

Зуб дошкольника Серпокрылова

Все-таки сегодня выдался удивительный денек. Скучать не приходилось.

Дошкольник помахивал рукой, успокаивая народ. Он явно собирался произнести речь, но не знал, как ее начать. Слова типа «ребя» или «пацаны» для такого случая не годились.

Когда класс немного затих, дошкольник простер ладонь свою к Менделееву и сказал:

– Товарищи!

Второклассники опешили.

Директор Губернаторов нахмурился.

Дошкольник понял, что попал в глупое положение. Ему захотелось тут же провалиться на месте, но крепок был школьный пол, который перестилал плотник Меринов.

– Филька бежит на Северный полюс, – упавшим голосом продолжал дошкольник. – Чего ж ему в клетке сидеть?

Он снова растерянно замолчал, как будто ожидая аплодисментов, но не дождался их. Стало страшно. Но деваться было некуда, и дошкольник ринулся в бой.

– Он сбежал с фермы и теперь бежит на полюс, потому что он сам северный. На полюсе ему будет хорошо, хоть и холодно. У него там и дети народятся. Пускай он бежит на север, кому ж охота в клетке сидеть? А потом все песцы изберут его атаманом.

Дошкольник остановился. Хотелось чего-то добавить, но что именно добавить, он не знал. Второклассники почему-то не смеялись – то ли они задумались, то ли, стыдно сказать, немного оробели и решили не связываться с человеком, который городит про Северный полюс. Второклассники оглядывались на директоров.

– Это что еще такое?! – изумленно сказал директор Губернаторов и взмахнул бровями.

Но тут директор Некрасов положил руку на плечо директору Губернаторову, успокаивая его. Директору Губернаторову такое потрепывание никак не понравилось. Не родился еще на земле человек, которому позволил бы директор Губернаторов трепать себя по плечу. Но директор Некрасов тоже был директор, и поэтому директор Губернаторов не стал скидывать с плеча его руку, но просто-напросто взял да и положил свою руку на плечо директору Некрасову. Потрепавши друг друга по плечам, директора успокоились, а потом директор Некрасов улыбнулся и пошел через весь класс прямо к дошкольнику Серпокрылову.

Директор Некрасов приближался и с каждым шагом улыбался все шире и веселей. Когда Серпокрылову улыбались, он тоже обычно не оставался в долгу. Лицо его, похожее все-таки на заварной чайничек, засияло, заискрилось ответной улыбкой.

– А ты откуда взялся, такой маленький? – ласково спросил директор Некрасов.

– Я, дяденька, тутошний, – ответил дошкольник, сияя.

Он улыбался так широко, что директор Некрасов сумел сосчитать все зубы, которые имелись у дошкольника в резерве.

– Семь штук, – сказал директор Некрасов. – Что ж это ты, парень, так обеззубел? Страшно небось к врачу-то ходить, зубы выдирать?

– А я, дяденька, к врачу не хожу, – ответил дошкольник, не оробевши ни на секунду. – Я свои зубы сам вынимаю.

– Хе-хе! – снисходительно сказал директор Некрасов и подмигнул вдруг всему классу. – А ну-ка вынь для меня зубок. На память.

В классе кое-кто слегка засмеялся.

– Ну что ж, – солидно ответил дошкольник, – это можно.

Тут он вдруг поглядел тоскливо на Менделеева, а потом щелкнул пальцами да и выхватил изо рта у себя зуб.

Класс ахнул, а директор Некрасов побледнел.

– Берите, берите, – успокаивал его дошкольник, – у меня новые отрастут.

Директор Некрасов засуетился, снял для чего-то пыжиковую шапку, снова нахлобучил ее и осторожно принял зуб из рук дошкольника.

– Грррыхм! – кашлянул он и сунул зуб в нагрудный карман, из которого торчала золоченая китайская авторучка.

– Нет, нет, – сказал дошкольник, – его надо бросить за печку и сказать:

Мышка, мышка!

На тебе зуб репяной,

А дай мне костяной.

– Ладно, ладно, – сказал директор Некрасов, приходя немного в себя. – Не учи ученого. Знаю, что делаю. Ты скажи, парень, как тебя зовут?

– Леша.

– Так вот, Леша, откуда же это у тебя такие сведения? С чего ты взял, что Наполеон бежит на север?

– А куда же? – не растерялся дошкольник.

– Не знаю, не знаю, – сказал директор и недоверчиво покачал головой. – Но если он рвется на полюс, чего он тогда делает в деревне Ковылкино? Не знаешь? Не можешь ответить. А я знаю. Потому он и крутится возле деревни, что ему кушать хочется. А сам он себе пропитание добыть не может. Он родился в клетке и вырос в ней, и он просто не добежит до полюса, пропадет. Его разорвут собаки, или подстрелят охотники, или задавит машина, или просто он сам помрет от голода. Так что у Наполеона единственный выход – жить на ферме. А что зуб подарил – так за это спасибо.

Последнее убежище Наполеона

Вот так все и кончилось, все разрешилось. Директор Некрасов поставил дошкольника на место, да еще и зуб его унес в нагрудном кармане.

Откуда вообще-то взялся этот дошкольник? И что это он берется рассуждать за Наполеона? С чего взял он, что Наполеон рвется на Северный полюс? А зачем он тогда болтался в деревне Ковылкино? Ночь провел у Пальмы, топтался у магазина. Нет, не прав дошкольник, ни капли не прав.

– Долой дошкольника! – крикнул Коля Калинин, и все охотно засмеялись. Устали второклассники, и пора было кончать затянувшееся собрание.

Кончился последний день четверти. Гуляй, ребята, кончай рассуждать! А после праздников все пойдем на ферму, будем кормить песцов, воспитывать норок и серебристых лис!

– Пойдемте, товарищ директор! Пойдемте в баню! Пойдемте, мы вам покажем! – кричали второклассники, собирая портфели.

Развеселились ребята. Целый день держались они молодцами и теперь заслужили веселье. И Вера Меринова заслужила. Уж она-то сделала все по справедливости, честно тащила камень на вершину горы.

– Леш, – сказала она, подходя к дошкольнику, – а ты пойдешь на ферму?

– На ферму? – переспросил дошкольник, не слишком слушая Веру, а только лишь наблюдая за тем, как директора жмут друг другу руки. – Не знаю... Если меня возьмут...

– Вот и хорошо! – обрадовалась Вера. – Ты не сердись.

Вслед за директорами весь народ повалил на улицу. Все знали, где находится баня старика Карасева, и все хотели показать к ней дорогу.

Впереди, рядом с директорами, шагал Коля Калинин и шофер со зверофермы, который нес на вытянутых руках походную клетку. В самом конце отряда шагали Павел Сергеевич, Вера Меринова и дошкольник Серпокрылов.

– Эх, брат, – говорил дошкольнику Павел Сергеевич, – не всегда так получается, как хочется.

– Это верно, – солидно соглашался дошкольник.

– Взять, к примеру, меня, – продолжал Павел Сергеевич. – Всю жизнь мечтал быть художником, а не получилось.

– Ну уж нет, – возразил дошкольник. – Вы здорово рисуете. И корову можете, и быка.

– Ха-ха! Рисую я и правда неплохо, а Репин из меня не получился. Не я написал картину «Иван Грозный убивает своего сына». Мне только баню карасевскую рисовать.

Карасевская баня между тем действительно заслуживала рисования. Она так скособочилась, что никакой художник из головы придумать такого не мог.

За всю свою долгую жаркую жизнь не видала баня старика Карасева такого скопления народу. Шум, смех, громкие голоса перепугали ее, баня еще сильнее скособочилась, а заметив двух директоров, от страха осела в землю. Нет, баня сегодня была именинница:

и одного-то директора сроду не видала она, а тут сразу двое, да еще какие директора – отборные, матерые, крепкие, как белые грибы.

– Так вот в какую тюрьму спрятали вы Наполеона! – засмеялся директор Некрасов. – Ну, у нас на ферме ему получше. В такой квартире его крысы загрызут.

Смеясь, директор Некрасов распахнул со скрипом щелястую дверь и влез в предбанник, из которого пахло дегтем и березовыми вениками. Директор Губернаторов решил не отставать от своего сотоварища и тоже влез для чего-то в предбанник, проломивши головою низенький потолок.

Перевертывая ушата и громыхая листовым ржавым железом, неведомо для чего наваленным в бане, директора потолкались внутри и вылезли наружу.

– Черт знает что такое! – растерянно сказал Некрасов и развел руками. – Пусто.

– Это что за шутки?! – грозно сказал Губернаторов, одним взглядом охватив всех второклассников. – Это что за шутки?! Где песец?!

– Там, там! – зашумели ребята. – Он там, в бане! Он должен быть там!

Заволновались второклассники, замахали портфелями, и тридцать три руки схватили за шиворот дошкольника Серпокрылова.

– Где песец?

– Где Наполеон? – ревели возмущенные второклассники.

– Какой еще Наполеон? – отбивался дошкольник. – Не знаю никакого Наполеона!

– Говори, где песец? Где Наполеон?!

– Сейчас сколько время? – спросил дошкольник, тряхивая с себя чужие руки.

– Половина третьего, – сказал Павел Сергеевич.

– Ну что ж, – сказал дошкольник, – я думаю, он уже на полюсе.

Окружение и погоня

Верно сказано, что человеческое терпение имеет границы. Оно похоже на яичную скорлупу, внутри которой зреет усталость, отчаяние, гнев.

И вот лопнула скорлупа терпения, и страшный цыпленок гнева выскочил на свет и кинулся клевать дошкольника.

– Где Наполеон? Куда ты его дел?

– Да чего вы пристали? – отвечал дошкольник. – Нет Наполеона! Я его отпустил! На полюс!

– Он его отпустил! – кричали второклассники, обманутые нагло и бесповоротно.

От грозных криков еще больше съежилась карасевская баня, переползла от греха подальше на новое место.

– Товарищи директора! Мы ему доверили! А он отпустил!

– Прекратить базар! – рявкнул директор Некрасов, и даже пыжиковая его шапка побледнела от злости. Он выхватил из кармана зуб дошкольника Серпокрылова и растоптал его.

Дошкольник отошел немного в сторону, независимо, впрочем, выглядывая из-под офицерской фуражки. Он был готов ко всему. А Вера растерялась: никак не могла понять, что же случилось?

Да неужели и вправду Леша отпустил песца? Неужели серьезно толковал он о полюсе и можно ли верить в такую ерунду?

Вера поглядела на дошкольника и поняла раз и навсегда, что сомневаться не приходится. По глазам его было видно, что он верил в ерунду и сделал черное дело – отпустил Наполеона.

– Это Верка виновата, – сказал Коля Калинин. – Она за него ручалась.

– Мы доверились.

– А ты, Меринова, – сказал директор Губернаторов, – приходишь в школу с родителями.

Локтями, портфелями вытолкали второклассники Веру из своих рядов по направлению к дошкольнику, а сами сплотились вокруг директоров.

Недолго продержалась Вера на вершине славы. Все делала по справедливости, а все-таки пал на ее голову гнев второго класса, и бывший помощник Коля Калинин вышел на первое место, да еще и обвинял ее во всем. Как быстро, как неожиданно меняется все в жизни!

– Окружить деревню!

– Окружить деревню! – зычноскомандовал Некрасов.

– Закрывать все входы и выходы! – поддержал его директор Губернаторов.

Размахивая портфелями, бросились второклассники, как воробьи, врассыпную, помчались выполнять приказ директоров. В мгновение ока деревня Ковылкино была окружена. Из-за каждого кустика, баньки, стожка выглядывали второклассники, и не то что Наполеон Третий – мельчайшая курица не вышла бы из деревни незамеченной.

Взявши друг друга под руки, директора посовещались и решили сами взять деревню в кольцо, оглядеть все входы и выходы дозорным взглядом.

Директор Некрасов пошел на север, директор Губернаторов на юг, и минут через десять они уже встретились на востоке. Следов Наполеона они не нашли. Наверно, ушел Наполеон по дороге, которая так была перепахана, что на ней и сам слон не оставил бы следов.

– Надо расспросить местных жителей, – предложил Некрасов.

– Интересная задумка, – поддержал директор Губернаторов.

Около магазина директора сразу наткнулись на местного жителя. Это была соседка Нефедова, которая тащила очередной десяток хлебных кирпичей.

– Здравствуйте, тетушка, – почтительно сказал Некрасов. – Вы не видали маленькую такую собачонку?

– А на кой же мне пес маленькая собачонка?

– Погоди, не ругайся, – остановил ее Губернаторов. – Это не простая собачонка, а вроде лисы. Хвост пушистый.

– С хвостом видала.

– Где?

– Да эвон на дороге.

– Ну так и есть! – воскликнул директор Некрасов. – Ушел по дороге! Скорей к машине!

Директора добежали до школы, повскакивали в «газик», который мгновенно же взревел и помчался вслед за Наполеоном.

Ковылкинская дорога бессовестно подкидывала «газик», хватала за колеса, стараясь их оторвать, швыряла в чудовищные бездны – колдобины, вытряхивала из «газика» душу. Гайки с автомобиля сыпались на дорогу, как чешуя с плотвы.

Минут через десять они увидели на дороге какое-то низкорослое пятно. Это был зверек неясного цвета, кажется, и вовсе без хвоста.

– Наполеон! – закричал директор Некрасов, и в голове его мелькнула ужасная мысль, что хвост чрезвычайному зверю отгрызли дворняжки.

Заслышав рев «газика», бесхвостое существо соскочило в кювет и злобно затывало.

Это была незабываемая Полтабуретка, которая рассорилась со всей деревней и решила покинуть ее навсегда.

Два дерева в чистом поле

Разбежались второклассники ловить Наполеона, ушли директора. Только Вера и дошкольник Серпокрылов остались у бани.

Они стояли поодаль друг от друга, и каждый глядел себе под ноги.

На два дерева были сейчас похожи дошкольник и Вера, на два дерева, которые оторвались от родного леса и стоят посреди поля. Вроде бы вместе растут, недалеко друг от друга, а все-таки поодиночке, и каждое само справляется с ветрами и непогодой.

Павел Сергеевич хотел вначале бежать вместе с директорами, но, увидев такие деревья, задержался.

– Леш, – сказал Павел Сергеевич, подходя к дошкольнику, – объясни все-таки, что случилось? Зачем ты отпустил Наполеона?

Дошкольник молчал.

– Упорный парень, – вздохнул Павел Сергеевич, – но нам-то с Верой ты можешь сказать. Ведь мы тебе друзья.

При слове «друзья» Вера передернула плечами, а дошкольник, увидев такое презрение, совсем одеревенел. Потом вдруг вспомнил что-то, достал из кармана веревку, на которой водили Наполеона, и отдал Вере. Она равнодушно сунула веревку в портфель.

И снова два дерева стояли посреди поля, чуть ближе друг к другу, а все-таки совсем чужие и, наверное, разных пород.

Павел Сергеевич хотел было сказать им какие-то правильные слова, но слов таких не нашел.

– А я, пожалуй, схожу за красками, – задумчиво сказал он, – да баню нарисую. Вы подождите меня, вместе рисовать будем.

Павел Сергеевич похлопал дошкольника по плечу, махнул рукой и скрылся за сараями.

– А тебе нравится баня? – тихо сказал дошкольник.

Вера молчала. Ей даже глядеть не хотелось на человека, который так бессовестно ее подвел, обманул, бросил тень на честное до сих пор имя. Она ушла бы сейчас домой, но почему-то не уходила.

Прошло минуты две. Дошкольник вздохнул и тронул Веру за рукав.

– Вер, – сказал он.

Как противную гусеницу, сбросила Вера дошкольнику руку со своего рукава.

– Ну ладно тебе.

Вера молчала из последних сил. Наконец она не выдержала, окинула дошкольника ледяным голубым взглядом:

– Зачем ты это сделал, Серпокрылов?

– Сама знаешь – ему надо на полюс.

– Какой полюс?! Ты мне-то зубы не заговаривай.

– Я точно знаю.

– Что он, сам тебе рассказал?

– Я проверил. По компасу.

– Ну что ты врешь! Откуда у тебя компас?

– Откуда надо, – ответил дошкольник и достал из кармана плоский и круглый предмет, сильно смахивающий на ручные часы. – Отцовский.

А ведь это и верно был компас, настоящий компас с красной стрелкой, на кончике которой виднелись остатки фосфора.

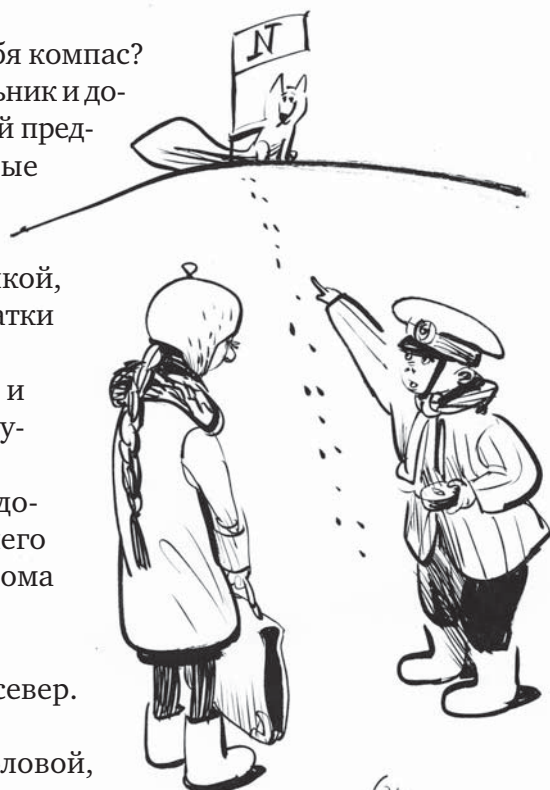
Дошкольник дернул рычажок, и стрелка подскочила на месте, закрутилась, выискивая север.

– Он бежал на север, – сказал дошкольник, – от магазина – до вашего дома – точно на север. От вашего дома к сосне – тоже.

– Ну и что?

– Значит, Наполеон бежал на север. Тогда я взял да и отпустил его.

Вера недоверчиво покачала головой, взяла компас и положила на ладонь: стрелка указала на ковылкинскую одинокую со-

Он
остановился
на
север

сну. Там, где-то далеко за сосною, лежал Северный полюс, макушка земли, и над ним полыхало полярное сияние.

Вера осторожно шагнула на север. Дошкольник потянулся за ней.

Когда Павел Сергеевич вернулся к бане, он не застал здесь ни Веры, ни дошкольника.

Учитель раскрыл альбом, хотел начать набросок – и раздумал. И баня показалась ему неприглядной, серым, скучным – небо над нею, и обидно вдруг стало, что ребята его не дождались.

Гора с плеч

Дорога на полюс шла, оказывается, точно через деревню Ковылкино, мимо магазина, школы, силосной ямы, мимо дома старика Карасева. И Вера шла по ней, глядя на стрелку компаса, и удивлялась, что никто не видит этой дороги и не ходит по ней.

Старик Карасев, который сидел на лавочке у калитки, заметил ребят, хотел достать из кармана очки, но раздумал.

Слишком ярко, наверно, сияли колеса вокруг ребят, и старик улыбнулся, залюбовался ими, как будто букетом полевых цветов.

– Как думаешь, поймают они Наполеона? – спросила Вера.

– Наполеон уже тю-тю, – свистнул дошкольник, – мчится на север!

Дошкольник подпрыгнул и бешено задвигал локтями, показывая, с какой именно скоростью мчится Наполеон. Тут он и сам не выдержал, схватил компас, сорвался с места и помчался прямо на полюс.

– Пстой! – крикнула Вера, но дошкольник уже скрылся за углом.

Вера поглядела ему вслед и пошла домой.

Разные мысли крутились у нее в голове, и главное – решала она сейчас, что сделала в жизни правильно, а что неправильно.

Как только увидела Наполеона – сразу его покормила. Это, конечно, правильно. Потом привязала на веревку. Тоже правильно. Чтоб не убежал. Но если он спешил на полюс, тогда это неправильно. Но ведь она ничего про полюс не знала. Ладно, пускай веревка неправильно. Сажать на веревку всегда неправильно. Но зато в овраге все было правильно, и Вера хорошо сделала, что позвала Павла Сергеевича. Потом Наполеона посадили в клетку. И вот тут уже не поймешь, правильно это или нет. Как государственную собственность его надо было посадить в клетку, но, если он рвался на полюс,

его надо было отпустить. И тут Вера сплеховала. Но зато исправилась – решила спрятать Наполеона. В общем, кое-что сделала она правильно, кое-что неправильно.

Были в жизни ошибки, были удачи.

«Но зато теперь, – думала Вера, – теперь я за него не отвечаю».

И Вера вдруг почувствовала, что с плеч ее свалилась гора. Все! Больше она за песка не отвечает.

Оказывается, целый день Вера таскала гору на плечах, а даже и не заметила. Нелегкий выпал для нее денек: не только камень тащила она в гору, а еще и другую гору держала на плечах.

Вера распахнула калитку и тут почувствовала, что здорово проголодалась. Долго тянулось классное собрание, наверное, обед уж в печке остыл. Ну ладно, главное – гора свалилась с плеч.

Больше Вера ни за что не отвечает. Только за себя. Как это все-таки хорошо и легко – ни за что, ни за кого не отвечать. А обед можно разогреть на плитке.

Услыхав стук калитки, из конуры вылезла Пальма, ласково заворчала. Вера наклонилась погладить ее и вздрогнула.

Утомленно потягиваясь, из конуры вышел недопесок Наполеон Третий с мотоциклетной перчаткой в зубах.

Гора залезает обратно

Когда камень срывается с горы, а потом его тащат обратно – это еще куда ни шло. Но когда гора валится с плеч и вдруг опять залезает на плечи – это уже никуда не годится. Это может человека подкосить.

Царственное появление Наполеона буквально сшибло Веру с ног. Она уронила портфель, пала на крыльцо. Ужасную усталость почувствовала Вера, и гора, хихикая, залезла на плечи второклассницы, навалилась так, что заболели лопатки.

Гордый, независимый, стоял Наполеон у входа в конуру. Как мантия, стелился по земле его императорский хвост, и, как символ власти, держал он в зубах мотоциклетную перчатку.

Редкая выпала доля этой мотоциклетной перчатке. Пропахшая бензином, раньше она только и знала, что хвататься за рогульки мотоцикла, накачивать шины, и каждую минуту чувствовала, что зависит от руки, на которую надета.

Удивительная судьба свела ее с Наполеоном – закружилась перчатка в вихре событий, попала в переплеты, какие не снились ва-режкам и рукавицам.

Но наверно, страсть к приключениям заложена была в перчатке с детства, и хоть потрепали ее, покусали – она прожила яркую жизнь и, если б пришлось начать сначала, снова пошла бы тем же путем.

Редко, очень редко рождаются на земле перчатки, у которых есть в жизни своя собственная, верная, постоянная линия. О мотоциклетная!

Наполеон на Веру внимания не обратил, снова направился в конуру, легким кивком головы пригласив туда и Пальму.

Нет, жизненные передряги никак не повлияли на его характер: все те же благородные манеры, та же глубокая внутренняя культура чувствовались в нем. А шуба Наполеона выглядела теперь чистой, ухоженной. Видно, Пальма постаралась, выбила из нее пыль да грязь, помыла недопеска, причесала. Белей сахарина блестела полоска на его носу черного бархата.

«Опять он здесь, – растерянно думала Вера. – Опять!»

Гора наваливалась на плечи, давила, тянула на дно, погружала в болото размышлений.

Как только вылез Наполеон из конуры, Вера сразу поняла, что теперь ей некуда деться, что судьба Наполеона только лишь в ее руках и нужно немедленно, сию минуту, решать, что с ним делать.

«Серпокрылыч», – подумала Вера и хотела уж бежать за дошкольником, но остановилась.

Она ясно представила себе, что скажет дошкольник. У него была своя верная линия, которая вела прямо на Северный полюс.

Надо было самой решать, что делать: хватать Наполеона или отпустить на полюс.

«Надо отпустить, – думала Вера. – Пусть живет на полюсе. У него будут детки. А как блестит полоска на носу! Отпусти. Пусть бежит на полюс».

На минутку стало легче.

«От него разведутся самые красивые песцы. Только не в клетке, а на воле».

Опять он
здесь.
Опять!

Вера улыбнулась, успокоилась, только какая-то маленькая трещинка мешала успокоиться окончательно.

«Постой, – подумала Вера. – А ведь я его не держу. Если он бежит на полюс – зачем в конуру забился?»

У Веры закружилась голова, от волнения так заколотилось сердце, что Наполеон даже выглянул из конуры: что это, дескать, колотится?

Он пристально глядел на Веру, будто соображал, что ж она за человек – хороший или плохой, почему так странно смотрит и что собирается сделать.

А ты что делаешь здесь, свободный зверь? Зачем забрался в собачью конуру? Беги, если хочешь бежать, живи в клетке, если устал. Видно, не нужен тебе Северный полюс, тебя манит теплая конура, вчерашние щи. Если так, то Вера Меринова ничем не может помочь. Наполеон Третий – государственная собственность и пусть тогда возвращается на ферму. В конуре, быть может, лучше, чем в клетке, но такой уж большой разницы в этом нет.

– Ладно, – сказала Вера. – Подожду еще пять минут. Если уйдет – пусть уходит.

Она подождала пять минут, а потом расстегнула портфель и вынула из него веревку.

Друзья звероводства

«Надо мне тоже завести пыжиковую шапку, – думал директор Губернаторов. – Это настоящий директорский головной убор. И солидно, и красиво».

«Газик» возвращался в деревню, безрассудно подпрыгивая на ковылкинской дороге. Директора рядышком сидели на заднем сиденье и туго толкались плечами над самыми заковыристыми колдобинами.

Директору Губернаторову очень хотелось примерить шапку, но он не решался попросить.

– А то бывают еще шапки из ондатры, – сказал директор Некрасов, будто угадавши мысли своего спутника, – но самые лучшие – из песка.

– Лично мне нравится пыжик, – мягко подчеркнул директор Губернаторов.

– Нет, серьезно? – воскликнул Некрасов. – Мне тоже!

Директора улыгнулись друг другу, радуясь такому чудесному совпадению.

Кстати сказать, директор Некрасов давно уже замечал, что директору Губернаторову чего-то не хватает, и только сейчас понял чего. У директора Губернаторова не было пыжиковой шапки. А что такое директор без пыжиковой шапки? Это все равно что генерал без погон и лампасов. Директору Некрасову стало на миг неловко, что у него есть такая шапка, а у спутника нету. Но в то же время он чувствовал и некоторую гордость, понимая, что такие шапки бывают только у важных директоров.

У ковылкинского оврага «газик» остановился. В кустах бузины директора заметили фигуру с удивительной сосновою головой. Это был Коля Калинин, несущий дозорную службу. Для пущей маскировки он натыкал себе за шиворот сосновых веток и, как белочка, выглядывал теперь из них.

- Разрешите доложить! – по-солдатски рывкнул Коля Калинин.
- Докладывай.
- Наполеон нигде не замечен!
- Снимай посты!

Через десять минут все второклассники собрались у школы. Наполеона они не видали и ужасно хотели есть.

– Ребята! – сказал директор Некрасов, взойдя на школьное крыльцо. – Наполеона мы не поймали. Но кто ищет, тот всегда найдет. И

мы найдем Наполеона. Он далеко уйти не может. Он будет крутиться около деревни, и мы должны быть начеку.

Он придет в деревню за пропитанием. А пока – до свидания!

– Приезжайте к нам еще, – ответили второклассники, собираясь махать руками, но тут слово взял директор Губернаторов.

– Товарищи школьники! – сказал он. – Пионеры и октябрюта! Вы все теперь юные друзья звероводства. И мы должны обещать директору Некрасову, что не будем смыкать глаз, пока не отловим этого Наполеона.

– Обещаем, обещаем! – подхватили друзья звероводства.

– Потому что Наполеон, – продолжал директор Губернаторов, – ценная зверушка и приносит пользу государству. Такие звери, как этот Наполеон, являются настоящим золотом, потому что их шкурка дорого стоит. Она дорогая потому, что у него красивый мех.

Директор Губернаторов считал себя неплохим оратором и, пожалуй, в этом деле мог заткнуть за пояс директора Некрасова.

Некрасов сразу почувствовал, что его затыкают за пояс, и пожалел, что сам не сказал про друзей звероводства и государственную пользу.

– Правильно сказал товарищ директор Губернаторов, – подхватил Некрасов. – Очень большую пользу государству приносит наша звероферма. Только лишь за этот год мы сдали мехов на миллион рублей.

Услыхавши такие замечательные слова, директор Губернаторов хлопнул в ладоши, и юные друзья звероводства дружно зааплодировали. Портфели они зажимали под мышкой.

Директор Некрасов поднял руку, чтоб добавить еще что-то по-сильней миллиона, да так вдруг и застыл.

С вытянутой к небу рукою директор Некрасов напряженно глядел вдаль, в глубину деревни Ковылкино.

Оттуда, из глубины деревни, по дороге, перепаханной тракторами, медленно приближался к школе недопесок Наполеон Третий. Его вела на веревке второклассница Вера Меринова.

Директорское спасибо

Теперь-то Вера была уверена, что все сделала правильно. Но странное дело – гора с плеч никак не сваливалась, давила, давила.

Понурившись, приближалась Вера к школе, глядела на пышный Наполеонов хвост и ничего прекрасного не видела в нем – хвост и хвост, чепуха, меховой огурец.

Наполеон был ей неприятен: слишком уж легко, слишком беззаботно бежал он навстречу судьбе – прямо в клетку.

«Эх ты, недопесок, – думала Вера. – Если б ты бежал на север...»

А Наполеон и сам уже не понимал, куда бежит. Когда дошкольник отпустил его, недопесок побежал было на север, но почему-то оказался у Пальмы. А почему – он и сам не знал.

Он видел сейчас много людей перед собой, очень много. Они напряженно молчали, ожидая его, а ведь должны были кричать и размахивать руками.

Но вот он подбежит – и на голову обрушится человеческий рев. Наполеон остановился.

Вокруг были люди и заборы.

Наполеон лег на землю и закрыл глаза. Точно так лежал Сто шестнадцатый перед шофером Шамовым.

Люди молчали. Чуть заскрипело школьное крыльцо, послышались вкрадчивые шаги. Наполеон почувствовал запах кормовой смеси.

Кто-то подошел к нему, вдруг крепко взял за шиворот и поднял в воздух. Закружилась голова, послышался далекий алюминиевый звон.

– Пойдите, – сказала Вера. – Возьмите вот это.

– Что такое?

– Это его перчатка.

– Ну и ну! – засмеялся директор Некрасов. – Зачем же ему перчатка? Кажется, к тому же мотоциклетная...

Второклассники тоже засмеялись.

Шофер со зверофермы уносил в машину Наполеона.

Наполеон проплывал по воздуху над головами второклассников.

– Умница, – сказал директор Некрасов, обнимая Веру за плечи. – Как тебя звать? Вера? А как ты учишься?

– Хорошистка, – вставил с крыльца директор Губернаторов.

– Ребята! С этой девочки надо брать пример. Она помогла звероферме. Я хочу сказать ей наше звероводческое спасибо.

Второклассники затаили дыхание, ожидая, как директор будет говорить спасибо. Они понимали, что такое важное спасибо, к тому же звероводческое, сказать не просто.

И директор, как видно, чувствовал, что надо это сделать помощнее. Он набрал в грудь воздуху и сказал изо всех сил:

– Спасибо!

Потряс Верину руку и так крепко хлопнул ее по спине, будто хотел сшибить гору, навалившуюся на плечи.

– Пожалуйста, – тихо ответила Вера.

И тут директор Некрасов снял вдруг свою пыжиковую шапку да и нахлобучил ее прямо на голову директору Губернаторову.

– На память! – сказал директор Некрасов.

Директор Губернаторов побелел. Не родилось еще на земле человека, которому позволил бы директор Губернаторов нахлобучивать себе шапку на голову. Но директор Некрасов тоже был директор, а шапка была все-таки пыжиковой, поэтому директор Губернаторов пожал некрасовскую руку и сказал:

– Что вы? Что вы! Зачем это? А как же вы?!

– Не беспокойтесь, – улыбаясь, сказал директор Некрасов и подмигнул своему шоферу.

Шофер мигом понял начальника, подмигнул в ответ и залез в машину. Там он пошарил под сиденьем, торжественно нажал на гудок и выскочил на улицу с новою пыжиковой шапкой в руках. Некрасов принял ее из рук шофера и сам себе возложил на голову.

Две золотом сияющие пыжиковые шапки зажглись на школьном крыльце. Большие и пушистые, как стога сена, они ослепляли второклассников, и только лишь хвост Наполеона мог сравняться с ними в пышности и величавой красоте.

А у Веры на душе было очень плохо.

Гора наваливалась, давила, давила, выдавила из глаз две слезинки. Вере было очень жалко себя и Наполеона. Мир помутнел, пропали лица второклассников, растаял директор Некрасов.

Чтоб не расплакаться, Вера сжала зубы и стала глядеть на одинокую ковылкинскую сосну, подпирающую небо. Но вот сосна покосилась набок, стала понемногу расплываться и слилась наконец с ковылкинским серым небом.

Поздний вечер в деревне Ковылкино

Очень уж рано темнеет осенью в деревне Ковылкино.

Черные дома, крылатые сараи вбирают дневной свет и прячут его на чердак до завтра. Из погребов выползают сумерки, но так они коротки, что не успеешь посумерничать – приходит вечер.

С темнотою тихо становится в деревне. В иных окнах горит свет, а в остальных темно, там уж легли спать, там уже ночь.

Сегодня ночь задержалась. Во всей деревне горел свет, хлопали двери, скрипел колодец. Мамаши и хозяйки месили тесто, рубили лук и капусту для пирожков.

Фрол Ноздрачев затеял резать свинью, вынес на двор лампочку в сто свечей, и огромная его тень легла на соседние дома, шевелилась на крышах и стенах ковылкинских сараев.

Мамаша Меринова хлопотала весь вечер, гоняла плотника то в погреб, то на колодец, а Вера крутила мясорубку – готовила начинку для кулебяки. Начинки получался полный таз.

– Дома хозяева? – слышалось с порога.

– Дома, дома! – закричал плотник.

– Здравствуйте, добрый вечер, – говорил Павел Сергеевич, входя в избу. – Не помешал?

– А вот мы с Павлом Сергеичем грибочки попробуем! – обрадовался плотник.

Мамаша отложила пока месить тесто, вытащила кой-какие грибочки, скорей всего волвяночки.

– Вера-то наша прямо герой! – улыбаясь, рассказывал Павел Сергеевич. – О ней только и разговору: Наполеона поймала. Ей премию дадут.

– А мы на ту премию тесу купим, – радовался плотник. – Крышу перекрывать.

– Да что ты сегодня какая вареная! – недовольно сказала Клавдия Ефимовна. – Что молчишь?

Вера улыбнулась Павлу Сергеевичу, но никак не знала, что сказать.

– Где ж ты его поймала?

– Он у Пальмы был.

– Вишь ты! – засмеялся плотник. – К Пальме присусежился.

Взрослые о чем-то смеялись, хвалили грибы, а Вера крутила мясорубку. Плохие мысли лезли ей в голову. Вера гнала их от себя, так гнала, что все выгнала, и ни одной мысли в голове не осталось – ни хорошей, ни плохой.

– Надо нам пельмени лепить, – говорил в этот момент слесарь Серпокровлов. – Ты слепишь сто штук, и я сто штук, а тогда и спать ляжем.

– Давай кто быстрее, – сказал дошкольник.

Вера-то наша прямо герой!

– Давай, – согласился слесарь, стаканом нарезаая кружочки из теста. Дошкольник схватил тестяной кружочек, чайной ложкой положил начинки и мигом скрутил заливчатский пельмень.

– Один – ноль!

– Один – один! – возразил слесарь.

Пельмени посыпались как из мешка.

Они ложились в ряд на доске, присыпанной мукою. Иные получались кривы, другие великоваты, но все были живые, веселые пельмени, серпокрьловские.

– Отстаешь, отстаешь! – разжигал слесарь. – Э, да у тебя начинка вываливается!

– Ну где же, где? – волновался дошкольник. –
Вовсе не вываливается.

В окошко кто-то постучал. Слесарь отодвинул закавказский лимон, выглянул на улицу.

– Вера! – обрадовался он. – Заходи, Вера.

Вера вошла в дом, остановилась у двери.

– Помоги ему пельмени лепить, – сказал слесарь. – А то он отстает.

– Ему помоги, – обиженно сказал дошкольник.

Но слесарь лепил пельмени великолепно. Быстро он прикончил свою сотню, понес в погреб на мороз.

– Возьми, – тихо сказала Вера, протягивая дошкольнику мотоциклетную перчатку. – Это тебе.

– Положь на сундук. Руки в тесте.

Вера вздохнула, положила перчатку на сундук.

– Вот и все, – сказала она. – Ничего не осталось от Наполеона. Только перчатка.

Дошкольник хмыкнул, старательно вылепливая особенно какой-то большой и фигурный пельмень. Это хмыканье Вере не понравилось. Кажется, дошкольник ее не понимал. Конечно, он только и думал о полюсе.

– Ты что ж считаешь – я виновата?

Дошкольник искоса глянул на Веру, а после – на перчатку.

– Вовсе он не бежал на полюс, – сказала Вера. – Он у Пальмы был.

– Ну и что?

- Значит, полюс ему не нужен.
- Чепуха. Он забежал попроситься.
- Это люди прощаются, – сказала Вера и печально покачала головой, – а звери нет. Он же не человек.
- Не человек, а тоже понимает.
- Звери не прощаются.
- Еще как прощаются.
- Что это у тебя пельмень такой кривой получился?
- Да это не пельмень, – ответил дошкольник Серпокрылов, придвигая к Вере странную фигурку из теста.
- Наполеон! – ахнула Вера.
- Видишь, он кланяется тебе, прощается...

– Не знаю прямо, что и делать, – говорил в этот же момент директор Некрасов, – то ли пельмени лепить, то ли кулебяку закручивать. Давай, Катюша, заделаем и то и другое.

Сильными белыми директорскими руками он схватил колобок теста и принялся его разминать. В этот вечер директор Некрасов вылепил полторы сотни пельменей, но и в голову ему не пришло, что директор Губернаторов слепил двести.

Наконец и дошкольник разделался с пельменями, отряхнул руки, примерил мотоциклетную перчатку.

- Значит, я виновата, – сказала Вера.
- Он снова сбежит, – успокаивал ее дошкольник. – Не волнуйся. Теперь его не удержишь.
- За ним знаешь как будут смотреть!
- Сбежит, сбежит...

Долго тянулся вечер, задерживал, отодвигал ночь, но вот наконец она нахлынула на землю, погасила все окна, а в небе над одинокой сосною, по дороге, сотканной из мельчайших звездочек, медленно помчался Орион. Тускло горела красная звезда на его плече, сверкал кинжал, звездным острием указывал на водокачку, отмечающую над черными лесами звероферму «Мшага».

Песцы давно уж заснули. Только Маркиз и Сто шестнадцатый метались по клеткам, корябали решетки и глядели не отрываясь на свернувшегося в клубок Наполеона.

Долго в эту ночь не спал Наполеон. Он глядел на водокачку и слушал, как что-то бурлит, переливается в ее кирпичном брюхе.

Издалека, из деревни Ковылкино, доносился слабый собачий лай.

Далеко за деревней, за горбатыми домами и заборами, лежал Северный полюс – макушка земли, но только Орион видел, как полыхает над ним полярное сияние.

На этом заканчивается повесть о недопеске Наполеоне Третьем. Добавить больше нечего, кроме того, что ровно через месяц недопесок снова сбежал. На этот раз он нигде не задерживался и наверняка добрался до Северного полюса.

Коваль был охотником, рыбаком, путешественником и хорошо знал природу. И в «Недопеске», где реальный мир порой кажется нереальным, где оживают мотоциклетные перчатки, где колодец распоряжается эхом по собственному желанию, а вокруг людей горят разноцветные колеса, зоологическая сторона повести удивительно верна. Верна настолько, насколько это вообще возможно в подобной книге.

Путешествия не раз приводили Юрия Иосифовича на зверофермы. Например, он побывал в хозяйстве, где работал Вадим Силис, брат скульптора Николая Силиса. Видимо, это было Солецкое зверохозяйство в деревне Хвойное, на реке Шелони. Совсем рядом – в четырех км – есть деревни Мшага Ямская и Мшага Воскресенская (давшие название ферме, откуда бежал Наполеон). Там у Коваля и родилась идея знаменитой теперь повести.

Тут надо заметить, что Коваль написал «Недопеска» на пике развития звероводства в СССР. Наша страна в 1970-х годах вышла на первое место в мире по производству «клеточной» пушнины.

Вообще, в России пушных зверей разводили издавна. Сначала это делали кустарным способом, в собственных избах, а в середине XIX века появились первые большие пушные хозяйства. Кроме песцов, там выращивали соболей, норок и лисиц.

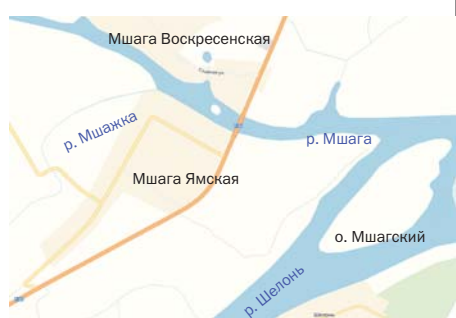
Сегодня у отечественного звероводства масштаб уже не тот, но и теперь можно найти фермы, где содержатся десятки тысяч животных.

В природе водятся песцы двух цветов – белые и голубые. В неволе разводят голубых, которые бывают нескольких разновидностей. Одна из самых красивых – платиновая. мех платинового песца отличается белыми остевыми волосками с темными кончиками. Причем на спине волос более темный и насыщенный, а на горле – белый воротник.

Содержат песцов в небольших клетках длиной от одного до нескольких метров. Более просторных клеток хозяйства, рассчитанные на тысячи животных, просто не могут себе позволить. В таких условиях животные страдают разными физическими и психическими отклонениями. Поэтому недавно пушное звероводство было запрещено в нескольких странах Европы.

В неволе песцов кормят смесью, которая включает отходы мясопроизводства, рыбу, обезжиренный творог, молоко и овощи.

Деревня Мшага Ямская, (Новгородская область), при впадении речки Мшажка в реку Мшага, напротив деревни Мшага Воскресенская и в виду острова Мшагский

Скриншот видеоролика «Звероферма. Ленинградская обл. 2012», снятого Центром защиты прав животных «Вита» (<http://www.vita.org.ru>)

В природе песцы, конечно, питаются более разнообразно. В основном они охотятся на леммингов и птиц (тундровых куропаток, казарок, белых гусей, кайр и других). Не брезгают выброшенной на берег рыбой, останками тюленей и моржей. Из растительной пищи песцы предпочитают ягоды: морошку, чернику, бруснику и голубику, но могут есть и лишайники, и морские водоросли. Всего же в их рацион входит около ста двадцати пяти видов животных и десятки видов растений.

В редких случаях песцы могут напасть на животных крупнее себя, например, на телят. Но никогда бы взрослый песец не стал связываться с барсуком, хищником куда более крупным и сильным. Ведь у барсуков, в отличие от песцов, в природе нет врагов, если не считать человека. Так что ночевавшим в глубинах веревки Недопеску и Сто шестнадцатому повезло, что на них наткнулся очень старый барсук, и Недопеску достаточно было «каркнуть» на него, чтобы прогнать. Кстати, Коваль удачно сравнил голос песца с карканьем. Хотя еще более точным было бы сравнение с сиплым, как бы придушенным криком сойки.

Возможно, барсук не стал связываться с песцами еще и потому, что места на веревке достаточно для всех. Такие барсучьи городки – изрытые норами холмы – могут существовать целые тысячелетия, и в них может быть до полусотни нор с обширными гнездовыми камерами.

Песцы очень выносливы. В поисках пищи они способны пробежать за сутки до 90 километров. Тело этих животных отлично приспособлено к холодному климату – у них даже подошвы лап покрыты мехом, как у зайцев. Собственно, за это песец и получил научное название *Vulpes lagopus*, что означает «зайценогая лисица». И не зря дошкольник Серпокрылов при встрече с Наполеоном назвал его «лисицей-псицей»! Но также ясно, что дошкольник никогда не видел россомаху, за которую он поначалу принял песца. Россомаха крупный и очень сильный хищник, который нападает даже на оленя!

Гораздо легче перепутать песца с английским шпицем, как это сделал плотник Меринов. И прав был охотник Фрол Ноздрачев, который заметил, что «это шпиц не чистокровный». А если бы глаза Фрола к тому времени основательно не за-

Песец (слева), он же – полярная лисица, Arctic Fox (фотограф Marc Dumont, www.flickr.com/photos/wcdumonts), и английский шпиц, он же, как ни странно, померанец, Deutscher Spitz. Открытка (1924) приведена для пояснения размера померанца

туманились, он бы, конечно, еще обратил общее внимание на то, что «шпиц» как минимум в два раза крупнее обычного, что ноги у него гораздо крепче и длиннее, чем требуют стандарты породы. Да и не такой песец пушистый, как настоящий «англичанин».

Хотя надо сказать, что иногда песцов содержат в квартирах в качестве домашних животных. Они быстро приучаются к лотку и поводку. Но все-таки абсолютно ручными не становятся и если сорвутся с поводка, то к хозяину вряд ли вернуться.

Теперь, пожалуй, следует прояснить вопрос, куда же все-таки бежал Недопесок¹? Область распространения песца лежит за Северным полярным кругом. Причем нередко этот вид животных встречали во льдах не только на большом удалении от береговой линии Северного Ледовитого океана, но даже вдалеке от самых северных островов. Там песцы живут в основном тем, что подбирают остатки пищи белых медведей, которых сопровождают в путешествиях по льдам.

В российском секторе Арктики крайняя граница распространения песцов лежит около 85° северной широты и отстоит на 550 км от острова Рудольфа, самого северного из островов Земли Франца-Иосифа. А в американском секторе песца наблюдали даже на 88° северной широты, в 800 км от Земли Элсмira. То есть всего в двух градусах от самой северной точки планеты! Эти факты дают основания предполагать, что песцы добирались до Северного полюса.

Однако выращенным в неволе животным и потом убежавшим с фермы вряд ли пришло бы в голову отправиться на полюс. И прав был директор Некрасов, когда говорил, что до полюса Недопеску не добежать, что он крутится в Ковылкино, потому что «ему кушать хочется». Вот типичный пример судьбы покинувшего звероферму животного. В 2014 году песец сбежал со зверофермы в Выборгском районе Ленинградской области. Несколько летних месяцев он прожил возле дачного поселка недалеко от фермы, подкармливаемый дачниками, а осенью был отправлен в приют для животных – зимой без помощи людей он бы погиб.

И в конце, пожалуй, надо заметить, что все-таки лукавил директор Некрасов, обещая Наполеону длинную и благополучную жизнь на звероферме. В неволе песцы при хорошем уходе могут жить до двадцати лет. Но у звероферм свои законы, и законы суровые. Содержать животных, которые себя не окупают, никто не будет. Поэтому даже самых ценных песцов-производителей забивают после семи лет, когда животные теряют способность к размножению.

Остается надеяться, что Недопеска миновала эта участь, и наперекор обстоятельствам он действительно сумел еще раз сбежать со зверофермы и, если не на полюсе, то где-нибудь поближе обрел счастливую и свободную жизнь.

¹ Карта СССР (по состоянию на 1974 год, когда в журнале «Костер» была опубликована повесть «Недopесок»). Масштаб 1:36 500 000 (в 1 см – 365 км).

Современные названия отмеченных на карте и переименованных впоследствии городов: Актобе (Актюбинск, Казахская ССР), Астана (Целиноград, Казахская ССР), Бишкек (Фрунзе, Киргизская ССР), Екатеринбург (Свердловск), Нижний Новгород (Горький), Самара (Куйбышев), Санкт-Петербург (Ленинград), Тверь (Калинин). Цифрами обозначены:

1 Эстонская ССР **2** Латвийская ССР
3 Литовская ССР **4** Молдавская ССР
5 Грузинская ССР **6** Армянская ССР
7 Азербайджанская ССР.

1 деревня Мшага Ямская, Шимский район Новгородской области (звероферма «Мшага»);
2 граница распространения песцов в советском секторе Арктики, 85° северной широты.

..... возможный путь Наполеона III к Северному полюсу (протяженность – около 4000 км, т.е. Недопесок мог преодолеть его, делая перерыв только на сон, примерно за 45 дней).

Галина Ельшевская Геннадий Калиновский – иллюстратор «Недопеска»

«Недопесок» 1975 года – первая встреча Геннадия Калиновского и Юрия Ковалю. Встреча практически случайная – книгу должен был иллюстрировать другой художник – и не сразу задавшаяся: начальный вариант рисунков писателю не понравился, пришлось переделывать. Однако впоследствии соавторство продолжилось и «Приключениями Васи Куролесова», и «Пятью похищенными монахами» в разных изобразительных версиях (1977, 1993), и возвращением к тому же «Недопеску», поменявшему обложку и форзац (1979). А долговременность союза свидетельствует если не о творческом родстве, то во всяком случае о взаимном понимании.

Калиновскому не слишком часто приходилось работать с живыми авторами: его «партнерами», как правило, были классики, в основном, зарубежные, от Льюиса Кэрролла до Джонатана Свифта. Именно первый цикл иллюстраций к «Алисе в Стране Чудес» (1974) сделал его едва ли не культовой фигурой в среде коллег по

Иллюстрации Г. Калиновского к книгам: Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес (М.: Дет. лит., 1974) и Д. Свифт. Путешествия Гулливера (М.: Дет. лит., 1985).

профессии. Однако «культовость» вовсе не означала всеобщего признания: художественные репутации в советском искусстве 1970–1980-х годов формировались по разным осям и в разных «цеховых зонах» выглядели не одинаково.

Книжные графики на официальном поле считались своего рода «элитным подразделением», в котором соседствовали и последователи школы Фаворского, и реорганизаторы типографики, дизайнеры, внедряющие в обиход жесткую структуру модульной сетки, и концептуалисты, нашедшие здесь официальное «место кормления». «Детское» образовывало отдельный кластер – Калиновский фор-

Московские
концептуалисты –
детям:
иллюстрации
Ильи Кабакова
к повести
Оттфрида Пройслера
«Маленькая Баба-яга»
и Виктора Пивоварова
к повести
Антония
Погорельского
«Черная курица,
или Подземные жители» (обе – М.: Дет. лит.,
1973)

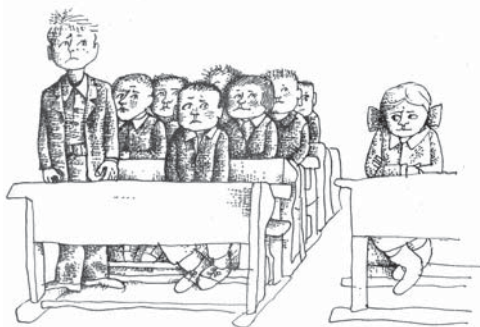
мально числился именно по этому ведомству, хотя и не входил ни в одну из присутствующих в нем подгрупп или компаний. (К слову, Ковалю тоже нелегко было втиснуть в какой бы то ни было «коллективный список»). Положение наособицу, в роли «чужого среди своих» можно, конечно, списать на свойства характера или решить, что статус гения вообще способствует «капсулированию». Но существовало и внутреннее обстоятельство, позволяющее понять, почему в данном случае признание за художником такого статуса не распространялось за пределы довольно узкого сообщества, и почему даже в этом кругу оно не было безоговорочным.

Дело в том, что рисунки Калиновского не складывались в единый корпус; при всей исполнительской виртуозности в них не наблюдалось сквозных приемов, позволяющих безошибочно опознать автора – он ускользал, прятался за текстом. А вопрос об индивидуальном почерке в это время в отечественном искусстве стоял довольно остро – и «протеизм» манеры воспринимался как некая «недостача». Даже в книжном искусстве, где, казалось бы, умение «менять руку» должно было считаться видовой необходимостью. Забота об узнаваемости почерка прокламировалась как забота об утверждении «авторского мира» – именно такое словосочетание было в ходу, – вопреки господствующим установкам на «хождение строем». В условиях тотальной регламентации и тотальных запретов этот мир, единый, если и не в мотивах, то в языковых элементах, мыслился условием художнического самостоянья, «верности себе» (еще одно устойчивое словосочетание). Как ни парадоксально, но именно иллюстрация, заведомая «игра на чужом поле», была тем отсеком, где художнику отчасти позволялась свобода стилистического самовыражения – свобода быть узнаваемым. Не секрет, что просто графике, чтобы попасть на выставку, имело смысл притвориться иллюстрацией (лучше к зарубежной литературе) – конечно же, авторы этой лазейкой пользовались. Но и собственно иллюстраторы часто стремились быть «вообще художниками», творцами, а не «преложителями» – в текстах, подлежащих интерпретации, искались соответствия собственной поэтике, существующей как некое системное целое индивидуального языка, и возможность эту поэтику всякий раз демонстрировать. Кстати, отношения между теми, кто принадлежал книжному цеху (то есть был связан

«прикладными» обязательствами сотворчества с литераторами), и теми, у кого подобных обязательств не было, нередко выстраивались психологически не просто; установление иерархий, случалось, проходило болезненно.

Калиновский словно бы не учитывал в своей работе этот важный для большинства нервный узел. «Я считаю, что основой основ профессии иллюстратора книги является способность острейшим образом чувствовать специфику данного текста, его темп и тембр. Книги бывают чисто фигуративные, книги действий, книги состояния, книги – роман души, – в разнообразных комбинациях этих и других качеств. Есть бытие – это, так сказать, первый слой. Потом идет слово. Иллюстрация – третий слой... В разных книгах я стараюсь быть разным». Или то же кредо, выраженное другими словами: «Строго говоря, иллюстратор – “освещающий”, в переводе с латыни... Станешь перед фонарем и закроешь объект освещения. Надо забыть себя. Художник-иллюстратор имперсонален. Важно лицо книги, а не лицо художника». В своем роде это позиция переводчика, вчитывающегося в словесную ткань, но не склонного вчитывать в нее собственные смыслы. Следовать за писателем, не позволяя себе волевых художественных жестов, раствориться в материале – примерно так. И все же не совсем так. В «Недопеске» это «не совсем» видно отчетливо.

Как любая хорошая проза, проза Юрия Коваля с трудом поддается визуальному пересказу. Ее реалии слишком плотно впечатаны в языковой пласт; охотник Фрол Ноздрачев храпит словом «Фейеррр-бах!», директор зверофермы Некрасов дает песцам красивые имена – Казбек, Травиата, Академик Миллионщиков, – и подобного рода детали изобразить нельзя. Однако любопытно, что как раз там, где текст, напротив, словно бы просится в рисунок, художник ему в этом отказывает. Вот второклассники, не желая сознаваться, где спрятан недопесок Наполеон, упорно глядят на портрет Менделеева («Затейливым был все-таки портрет знаменитого химика: багетовая рамка, пышная борода и подпись печатными буквами – “Дмитрий Иванович Менделеев”»), – но портрета в иллюстрации нет. Техничка Амбарова в сельсовете наблюдает за мухой, ползущей по антимушину плакату, – но ни плакат, ни муха изображения не удостоились. В черно-белых рисунках не показать ни нос старика Карасева «кисельного цвета», ни разноокрашенные «колеса», которые Карасев видит вокруг людских голов (на задней стороне обложки цветные колеса появятся – в виде колец от карасевской трубки); даже песцы – рыжеватый Маркиз, платиновый Наполеон и голубой Сто шестнадцатый – становятся неразличимы.

Здесь и далее – иллюстрации Г. Калиновского в издании «Недопеска» 1975 года (М.: Дет. лит.)

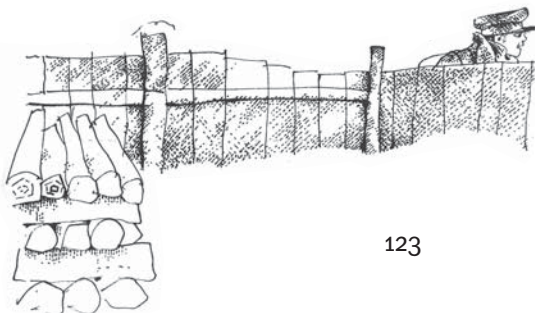
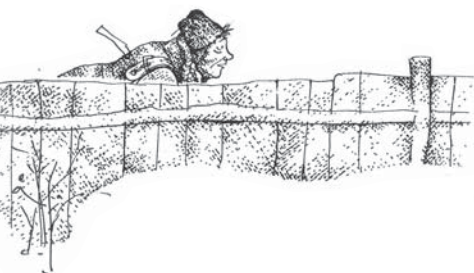
В сделанных на несколько лет позже иллюстрациях к «Пяти похищенным монахам» Калиновский введет второй цвет, которым будут отмечены фоновые события, своего рода аккомпанементом к реперным точкам фабулы, – но здесь он предпочитает аскетический вариант. Простая история: Недопесок бежит, его догоняют, направление бега следует вектору переворачивания страниц, – а Северный полюс, до которого герой, как предположительно обещано, доберется уже за рамками повествования, надо полагать, окажется и за рамками книжного блока.

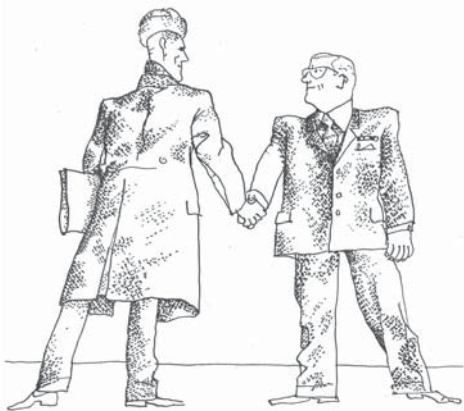
Погоня – своего рода двигатель изобразительного сюжета, однако и Наполеон, и его преследователи вполне уютно располагаются на полосах и разворотах, ничей неуместный порыв не драматизирует пространство листа. Интонация прозы Ковалея вообще неспешная; ведь несмотря на интенсивную событийность – сколько всего происходит в деревне Ковылкино за четыре дня! – здесь никто не суетится. (Разве что злонамеренные попытки поймать песцов требуют сильных диагональных ракурсов, да еще второклассники-«коловики» Белов и Быкодоров позволяют себе активную жестикуляцию.) Калиновский соответствует этой интонации и прозрачной фактурой рисунков, и композиционным ритмом. Среда обитания персонажей вы-

явлена минимально, двумя-тремя штрихами, обозначение пространственных планов (выезжающей вперед поленницей, случайным деревом, перспективным расположением фигур) не нарушает плоскости книжной страницы, путь Недопеска на север то и дело прерывается статичными сценами, «массовками» в магазине или в школе. Моменты фабульной динамики вынесены на обложку (в обоих изданиях), а внутри текста проза прочитана как сказ: «темп и тембр» сказа не предполагают резких скачков.

Сказ – и деревню Ковылкино – населяют «люди множества». Множества, во-первых, условно говоря, народного: техничка Амбарова, Прасковьюшка со зверофермы, «соседка Нефедова» индивидуальных черт лишены. Если возможно словосочетание «иронический эпос», то это именно он – характерно, что потерпевший от дворняг Наполеон ищет защиты не у плотника Меринова, как положено по тексту, а у охотника Фрота Ноздрачева, которого, в свою очередь, нетрудно спутать с шофером Шамовым. Другое множество – дети: только Вера Меринова и замечательно круглый дошкольник Серпокрылов являются действующими лицами и соответственно

опознаются. И наконец, номенклатурные персонажи – два директора, увиденные крупным планом (к ним примыкает эпизодический председатель сельсовета); здесь очевидно, как художник реагирует на социальные обертона прозы.

Директор Некрасов выше по положению и, соответственно, выше ростом («жердина!» «журавель!»). Ему по рангу положена пыжиковая шапка, которой он «с барской головы» одаряет директора Губернаторова; можно, кстати, вспомнить, что прежде эта шапка была живым пыжиком, олененком, – так что

опасения детей, что из недопеска на ферме «шубу сделают», получают косвенные основания. («А то бывают еще шапки из ондатры, – сказал директор Некрасов, будто угадав мысли своего спутника, – но самые лучшие – из песка».) Некрасов, конечно, горяч и распекает свой персонал (оба директора строги), но ему не приходит в голову «зажать» премию за поимку песка – такую «задумку» как раз лелеет Губернаторов. Который вообще-то – тип завистника и комплексанта, – и Калиновский тонко обыгрывает эту характеристику. Директор школы в его рисунках меняется в размерах: он непомерно возвышается над учениками («как великан перед карликами»), но столь же непомерно съезживается в присутствии более высокого начальства. А вот с шапкой в иллюстрациях все не совсем так, как в тексте, – она оказывается на голове Губернаторова задолго до подарка; правда, это не некрасовский «пыжик», а скорее «пирожок» – тоже вполне номенклатурный и семантически означенный головной убор, однако менее престижный. При этом оба директора неуловимо похожи – люди в пиджаках и габардиновых пальто, – а третьим «взрослым» в заботах о Недопеске оказывается учитель рисования Павел Сергеевич, совсем иной типаж: бородатый интеллигент-шестидесятник. Юрий Коваль предполагал себя на эту роль (он действительно работал сельским учителем), но художник предпочел автопортрет.

Геннадий Калиновский, 1970-е годы

Впрочем, гротескности нет ни в изображении персонажей, ни в самой графической лексике. Как нет ее у Коваля – его ирония не предполагает акцентов, она как-то в целом распространяется на ощущение мира и языка. Даже зло здесь не успевает осуществиться, оно задумчивое, неуверенное в себе, – как дядя Миша, незадачливый похититель песка; вот шофер Шамов хочет зашибить «серую лису» гаечным ключом, – а оборачивается его хищническое намерение всеобщим хэппи-эндом. Никто не знает, что правильно – ни девочка Вера, ни автор, – и Недопесок не знает, что гонит его на север, и выбирает ли он на самом деле свободу – может

быть, лучше остаться в конуре у доброй Пальмы? «Чудный зверь, ни дикий, ни домашний – искусственный, выведенный человеком», «что там бьется у него в груди – сердце или моторчик, заведенный на время человеком?» Не случайно у Калиновского Наполеон лишен портретных черт: вообще песец с «торжественнейшим» хвостом, и этот горделивый хвост, «формой похожий на дирижабль», в рисунке, где Пальма вылизывает пришельца, от счастья теряет контуры, растворяясь в белизне листа.

Доминирование белизны отвечает отсутствию утвердительности; изображения вписываются в пространственный «воздух» деликатным штрихом – точечным, игольчатым. И то, что этим штрихом материализуется, при внимательном взгляде может оказаться сюрреалистичным: например, в сцене, где второклассники решают спрятать недопеска, вторая справа фигура, строго говоря, принадлежит фантому. Стилистика иллюстраций точно реагирует на стилистику прозы – все всерьез (слой бытия и действия), но все опосредовано словом, творящим совсем иной слой реальности, эпическое начало корректируется авторским юмором. Сельская жизнь, обстоятельная и «укладистая», причастна мировым стихиям: здесь растет лермонтовская сосна, в интерпретации Калиновского напоминающая древо жизни, а ночное небо сворачивается в пружинные завитки, напрямую процитированные из знаменитой картины Ван Гога

«Звездная ночь» (это первая «вольная» ночь песцов). «Одну ногой оперся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечаящей над черными лесами звероферму «Мшага». Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звездочек, – нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звездные рога»; эта конфигурация светил вынесена на форзац и отмечена цветом. (В следующем издании «Недопеска» художник откажется от мифологического «нарратива» и изобразит этот всеобщий космос практически абстрактно, как безграничную протяженность, в которой лишь угадываются зоны неба, земли и воды.)

слева: Винсент Ван Гог. Звездная ночь. 1889 год

У иллюстраций к «Недopesкy» было немало авторитетных ценителей. Например, Юрий Норштейн: «...совершенно невероятные рисунки Калиновского. Я их просто рассматривал отдельно и думал, что Коваль, наверное, был в полном восторге, потому что это такая адекватность тексту, текст изобразительный» (Ковалиная книга. Вспоминая Юрия Ковалю / сост. И. Скуридина. М., 2008. С.397). Именно к адекватности художник и стремился – и не видел никакого ущерба для самовыражения в подпитке чужим словом. «Каждая новая книга делает и меня другим. Забрасываешь в себя новую тему и сам меняешься» (из интервью в журнале «Детская литература», 1990, №7, с. 65). Иллюстратор par excellence, идеальный читатель, Протей.

Геннадий Калиновский. Форзац издания «Недopesкa». 1979 год

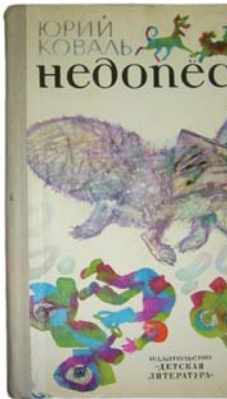

Сергей Андреев Купюры в повести «Недопесок».

Сравнение авторской версии¹ с текстом первого книжного издания повести²

¹ Эта версия воспроизведена по изданию: Ю. Коваль. Поздним вечером ранней весной. М.: Детская литература, 1988. Редактор – Л. Я. Либет.

² Ю. Коваль. Недопесок. М.: Детская литература, 1975. (ниже – переплет этой книги, передняя сторона).

№ с., название главы (2018/1975)	* восстановленный в нашем издании авторский текст и сделанные по цензурным или иным соображениям вставки (1975) выделены полужирным	
С. 4 / 4 часть первая, «Побег»	– Ах вот как! – ответила Прасковьюшка и задохнулась. У нее от гнева даже язык онемел. – Себе-то небось премию выдал, – закричала Прасковьюшка, – хоть и прошлый месяц получал! Так пропади ты пропадом раз и навсегда! Директор Некрасов пропадом, однако, не пропал. Он ушел в кабинет и хлопнул дверью. Рухнула премия... – Ах вот как! – ответила Прасковьюшка и задохнулась. У нее от гнева даже язык онемел. Рухнула премия...	
С. 6 / 5 «Характер директора Некрасова»	Цепляясь кормовым тазом за Доску почета , в кабинет директора вбежала Прасковьюшка. Цепляясь кормовым тазом за ручки дверей , в кабинет директора вбежала Прасковьюшка.	
С. 7 / 8 «Давило»	...Всех зверей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Травиата, Академик Миллионщиков. ...Всех зверей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Чингисхан, Маугли.	
С. 12 / 16 «Кто стрелял?»	...зато услышали директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами. Отругавшись, охотник потоптался на месте и пошел потихоньку туда, куда вел его собственный характер. – Не волнуйтесь, Петр Ерофеич... ...зато услышали директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами. – Не волнуйтесь, Петр Ерофеич...	

С. 19 / 26 «Сто шестнадцатый разрывается на части»	<p>Душа его разрывалась на части. С одной стороны, хотелось перекусить и выспаться, с другой – тянул за собой недопесок, убегающий в открытое поле.</p> <p>Душа его разрывалась на части. С одной стороны, хотелось вроде пожрать и выспаться, с другой – тянул за собой недопесок, убегающий в открытое поле.</p>
С. 21 / 29 «Серая лиса»	<p>Больше гаечных ключей у него не было. Была отвертка, но для охоты на лису она не годилась. Пошарив под сиденьем, он вытащил огромную стальную рукоятку, которой заводят грузовик, и мощно метнул ее в серую лису. Заводило до лисы не долетело.</p> <p>Волнуясь, он скинул телогрейку...</p> <p>Больше гаечных ключей у него не было.</p> <p>Волнуясь, он скинул телогрейку...</p>
С. 22 / 30	<p>Тут в голове Шамова началась сложная работа: что делать – затаить ли добычу или везти на звероферму как государственную собственность?</p> <p>«Затаю – найдут, – огорченно думал Шамов. – Зря, дьявол, ключами кидался».</p> <p>Лениво нажал он на педаль...</p> <p>Тут в голове Шамова началась сложная работа: что делать – затаить ли добычу или везти на звероферму как государственную собственность?</p> <p>Лениво нажал он на педаль...</p>
С. 23 / 32 «Бой с дворняжками»	<p>Наполеон сидел в трубе и слушал, как ругались мотоциклисты.</p> <p>Наполеон сидел в трубе и слушал, как ругались колпаки, вытаскивая на дорогу мотоциклы.</p>
С. 24 / 33	<p>У крыльца стояла желтая дворняжка Дамка. Она поджидала своего хозяина, который уже битый час торчал в магазине.</p> <p>Увидев недопеска...</p> <p>У крыльца стояла желтая дворняжка Дамка. Она поджидала своего хозяина. Увидев недопеска...</p>
С. 26 / 36 «Хороший плотник Меринов»	<p>В магазине было шумно, народ толпился у прилавка, а на ящике с макаронами в уголке сидел охотник Фрол Ноздрачев.</p> <p>– Кому щенка? – закричал плотник...</p> <p>В магазине было шумно, народ толпился у прилавка.</p> <p>– Кому щенка? – закричал плотник...</p>
С. 26–27 / 36	<p>– Иди, Мерин, домой. Надо нам твоего щенка!</p> <p>Охотник Фрол Ноздрачев поглядел на недопеска туманными глазами и сказал:</p> <p>– Это шпиц не чистокровный. У него хвост лисий. Брось его.</p> <p>Плотник Меринов покричал еще...</p> <p>– Иди, Мерин, домой. Надо нам твоего щенка!</p> <p>Плотник Меринов покричал еще...</p>

С. 30–31 / 42 «Ночь в конуре»	<p>...который бродит сейчас неизвестно где, голодный и одинокий.</p> <p>Шофер Шамов, укладываясь спать, думал только об одном: что делать с премией – отдать жене или затаить на личные нужды?</p> <p>«Затаю пятерочку», – решил в конце концов он и на этом заснул, и снилась ему ровная дорога без луж и без колдобин. На небо набежала глубокая снежная туча...</p>
	<p>...который бродит сейчас неизвестно где, голодный и одинокий.</p> <p>На небо набежала глубокая снежная туча...</p>
С. 32 / 44 «Большая Вера Меринова»	<p>Мамаша Меринова Клавдия Ефимовна, обширная, как копна сена, вышла на крыльцо с полотенцем в руках.</p> <p>Мамаша Меринова Клавдия Ефимовна вышла на крыльцо с полотенцем в руках.</p>
С. 32 / 45	<p>...К тому же задняя ось, похоже, треснула.</p> <p>– У тебя я знаю, где треснуло, – сказала мамаша Меринова, недовольно поглядевши плотнику в глаза.</p> <p>– Ты скажи-ка лучше, что это ты у магазина делал?</p> <p>...К тому же задняя ось, похоже, треснула.</p> <p>– Ты скажи-ка лучше, что это ты у магазина делал?</p>
С. 33 / 46 «Вчерашние щи»	<p>Она сходила в дом и вынесла чугунок тех самых щей, что так вкусно пахли вчера. Эх, были в запасе у мамыши Мериновой бараньи вареные мослы, но не сумела она их оторвать от сердца!</p> <p>Пальме налили в миску...</p> <p>Она сходила в дом и вынесла чугунок тех самых щей, что так вкусно пахли вчера.</p> <p>Пальме налили в миску...</p>
С. 34 / 47	<p>...и Наполеон упал в снег.</p> <p>Нет, Наполеон, не убежать вам от плотницкой веревки. Простейший предмет, а легко превращает в собачку свободного зверя. И Пальма, и теплая конура, и вчерашние сытные щи – это только обман, пригодный дворовым собачкам. На север, на север надо было, Наполеон, как раз ведь туда показывает верный компас, рассеченный белою полосой. Пропал, пони Наполеон, попался в петлю, сложенную бантиком из плотницкой веревки.</p> <p>– Не волнуйся, не волнуйся, – успокаивала его Вера...</p> <p>...и Наполеон упал в снег.</p> <p>– Не волнуйся, не волнуйся, – успокаивала его Вера...</p>
С. 36 / 49 «Полтабуретка»	<p>Псы свились в клубок, связались двойным морским узлом.</p> <p>Псы свились в клубок, связались морским узлом.</p>

С. 40–41 / 56 часть вторая, «На полюс!»	<p>«Назову его Филькой», – думал он.</p> <p>Кто из нас, людей деревенских или городских, поймет сердце песка, душу недопеска? Даже и в собачьей душе мы только чуть научились читать, а о песцах и ведать не ведаем. Есть, конечно, десяток на земле знатоков, которые расскажут о песцах. Но что скажут они о душе песка, не того, что бродит по белым пустыням тундры, а вот этого – искусственного, платинового, выведенного в клетке! Что там бьется у него в груди – сердце или моторчик, заведенный на время человеком? Не видно в платиновом Наполеоне сходства с его свободными родственниками, и не слишком похож он на придуманного плотником английского шпица.</p> <p>Более всего схож Наполеон с тюфячком на коротких ножках. И вся душа его ушла, наверно, в этот густой теплейший мех, в этот красивый волос. А сердце бьется лишь для того, чтобы волос становился все длиннее и краше.</p> <p>Наполеон спешил.</p>
С. 49 / 68 «Приключения на Северном полюсе»	<p>«Назову его Филькой», – думал он.</p> <p>Наполеон спешил.</p> <hr/> <p>Куда больше на них сверкало звезд, чем в созвездии Ориона, и установить армейский чин дошкольника было трудновато.</p> <p>Получалось что-то вроде супергенералиссимуса.</p> <p>Вслед за песцом...</p> <hr/> <p>Куда больше на них сверкало звезд, чем в созвездии Ориона, и установить армейский чин дошкольника было трудновато.</p> <p>Вслед за песцом...</p>
С. 65 / 88 «В каждом при- личном доме имеются мыши»	<p>В каждом приличном доме имеются мыши. Если не станет мышей – пиши пропало.</p> <hr/> <p>В каждом приличном доме имеются мыши. Если не станет мышей – плохо дело.</p>
С. 66 / 89 «Масло, подлитое в огонь»	<p>...как увял закавказский лимон на окошке слесаря Серпокрылова.</p> <p>Что поделаешь? Ведь если б даже Жар-птице пришлось ночевать в барсучьей норе, бежать от мотоциклистов, кусаться с дворняжками, небось и она потускнела бы. А если б заперли ее в кроличью клетку да сунули б под нос две бараньи барабанные палки, что сказала б тогда она? «Ну вас всех к черту!» – вот что бы сказала Жар-птица.</p> <p>– Ешь, Тишенька, ешь, – уговаривала Вера, подсовывая недопеску кости.</p> <hr/> <p>...как увял закавказский лимон на окошке слесаря Серпокрылова.</p> <p>– Ешь, Тишенька, ешь, – уговаривала Вера, подсовывая недопеску турецкие кости.</p>

С. 75–76 / 102
«Три теле-
фонограммы»

К сожалению, итоги не слишком радовали его: уж очень много высыпало в этот день троек, **никак не меньше, чем веснушек на носу дошкольника Серпокрылова**. Тройки огорчали директора...

К сожалению, итоги не слишком радовали его, уж очень много высыпало в этот день троек. Тройки огорчали директора...

С. 77 / 105

...и как раз успела грянуть валдайским колокольчиком.

– **Премия!** – ахнул директор Губернаторов. – **Чрезвычайной важности!**
Он схватил красный карандаш...

...и как раз успела грянуть валдайским колокольчиком.

– **Песец!** – ахнул директор Губернаторов. – **Чрезвычайной важности!**

Он схватил красный карандаш...

С. 96 / 131
«Зуб
дошкольника
Серпокрылова»

– Грррыхм! – кашлянул он и сунул зуб в нагрудный карман, из которого торчала золоченая **китайская** авторучка.

– Грррыхм! – кашлянул он и сунул зуб в нагрудный карман, из которого торчала золоченая авторучка.

С. 97 / 133
«Последнее
убежище
Наполеона»

...Пойдемте, **мы вам покажем!** – кричали второклассники, собирая портфели.

...Пойдемте, **я вам покажу!** – кричали второклассники, собирая портфели.

С. 98–99 / 134

...а заприметив двух директоров, от страха осела в землю. **Нет, баня сегодня была именинница: и одного-то директора сроду не видала она, а тут сразу двое, да еще какие директора – отборные, матерые, крепкие, как белые грибы¹.**

– Так вот в какую тюрьму...

...а заприметив двух директоров, от страха осела в землю.

– Так вот в какую тюрьму...

С. 99 / 136

– Сейчас сколько время? – спросил дошкольник, **страхивая с себя чужие руки.**

– Сейчас сколько время? – спросил дошкольник, **освободившись немного от дружеских тисков.**

Коваль Ю. Недопесок. М.:
Детская литература, 1975,
задняя сторона переплета

¹ Представленная таблица – яркое свидетельство стремления редакторов разных изданий «причесать» текст Ю. Коваля. И они в этом не были одиноки – еще более причесанным выглядит «Недопесок» в лишенных иронии иллюстрациях художника Г. Сояшников, выполненных для диафильма «Недопесок» (1976 год, см. на с. 132–133 настоящего издания).

С. 107–108 /
148

«Друзья
звероводства»

...и туго толкались плечами над самыми заковырыстыми колдобинами.

Директору Губернаторову очень хотелось примерить шапку, но он не решался попросить.

– А то бывают еще шапки из ондатры, – сказал директор Некрасов, будто угадавши мысли своего спутника, – но самые лучшие – из песка.

– Лично мне нравится пыжик, – мягко подчеркнул директор Губернаторов.

– Нет, серьезно? – воскликнул Некрасов. – Мне тоже!
Директора улыбнулись друг другу, радуясь такому чудесному совпадению.

Кстати сказать, директор Некрасов давно уже замечал, что директору Губернаторову чего-то не хватает, и только сейчас понял чего. У директора Губернаторова не было пыжиковой шапки. А что такое директор без пыжиковой шапки? Это все равно что генерал без погон и лампасов. Директору Некрасову стало на миг неловко, что у него есть такая шапка, а у спутника нету. Но в то же время он чувствовал и некоторую гордость, понимая, что такие шапки бывают только у важных директоров.

У ковылкинского оврага «газик» остановился.

...и туго толкались плечами над самыми заковырыстыми колдобинами.

У ковылкинского оврага «газик» остановился.

Здесь директор Губернаторов похож на «ролевую модель» школьного учителя-мужчины времен Оттепели – Илью Семеновича Мельникова в исполнении Вячеслава Тихонова («Доживем до понедельника», Киностудия им. Горького, 1967 год. Режиссер С. Ростоцкий). С поправкой на возраст, естественно, – фильм старше диафильма почти на десятилетие.

Горячий выдался в школе денёк – последний день четверти. Вспыхивали в журналах четвертные отметки, а за ними кучмачом горел завтрашний проздик. «А тут ещё этот песец, – роздрожённо думал директор. – Надо звонить на звероферму.»

– Пожалуйста, – тихо ответила Вера.

И тут директор Некрасов снял вдруг свою пыжиковую шапку да и нахлобучил ее прямо на голову директору Губернаторову.

– На память! – сказал директор Некрасов.

Директор Губернаторов побелел. Не родилось еще на земле человека, которому позволил бы директор Губернаторов нахлобучивать себе шапку на голову. Но директор Некрасов тоже был директор, а шапка была все-таки пыжиковой, поэтому директор Губернаторов пожал некрасовскую руку и сказал:

– Что вы? Что вы! Зачем это? А как же вы?!

– Не беспокойтесь, – улыбаясь, сказал директор Некрасов и подмигнул своему шоферу.

Шофер мигом понял начальника, подмигнул в ответ и залез в машину. Там он пошарил под сиденьем, торжественно нажал на гудок и выскочил на улицу с новою пыжиковой шапкой в руках. Некрасов принял ее из рук шофера и сам себе возложил на голову.

Две золотом сияющие пыжиковые шапки зажглись на школьном крыльце. Большие и пушистые, как стога сена, они ослепляли второклассников, и только лишь хвост Наполеона мог сравняться с ними в пышности и величавой красоте.

А у Веры на душе было очень плохо.

– Пожалуйста, – тихо ответила Вера.

На душе у неё было очень плохо.

Так диафильм трактует историю взаимоотношений двух директоров – Губернаторова и Некрасова. Конечно, и в диафильме шапку Губернаторов не получит, хотя его коллега по директорскому цеху уже, кажется, готов расстаться с нею – он даже положил ее на учительский стол.

Директор Некрасов прошел между парт к доске и протянул руку директору Губернаторову. Встретились два директора и поглядели друг другу в глаза. Властным был взгляд директора Некрасова, волевым – директора Губернаторова.

Вздых удивленного облегчения прошел по классу. – «Все ребята, которых интересует звероводство, могут приходить на ферму. Вы сами будете ухаживать за Наполеоном и другими пещцами. Кто хочет записаться в кружок?»

Илья Бернштейн, Роман Лейбов, Олег Лекманов, Комментарий

Список сокращений, принятых в комментарии

Ковалиная книга – Ковалиная книга. Вспоминая Юрия Ковалю / сост. И. Скуридина <И. Волкова>. М., 2008.

Коваль 1975 – Коваль Ю. Недопесок. М., 1975.

Коваль 1989 – Коваль Ю. «Смотрите хорошенько, о волки!» // Московский комсомолец. 1989. 4 июня.

Коваль 1993 – Коваль Ю. Главное – любовь ко всему, что делаешь // Библиография. 1993. № 4.

Коваль 1999 – Коваль Ю. АУА. Монохроники. М., 1999.

Коваль 2017 – Коваль Ю. Три повести о Васе Куролесове / комм. О. Лекманов, Р. Лейбов, И. Бернштейн. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017.

Костер-4, Костер-5, Костер-6 – Коваль Ю. Недопесок // Костер. 1974. № 4–6.

По признанию самого Юрия Иосифовича Ковалю (1938–1995) (далее – Ю.К.), над небольшой повестью «Недопесок» он работал восемь лет (Ковалиная книга. С. 349). До читателя эта повесть добиралась в несколько очень непростых этапов.

Сначала «Недопесок» был напечатан в № 4–6 ленинградского детского журнала «Костер» за 1974 год, причем принят он был к публикации не сразу. Валерий Воскобойников, которого как раз в это время поставили заведовать в «Костре» отделом прозы, вспоминал:

«Поразительное дело, в первые же дни в стопке отказов нашел письмо приблизительно такого содержания: “Уважаемый Юрий Иосифович. Благодарим вас за внимание к нашему журналу, но, к сожалению, вашу повесть “Недопесок” мы опубликовать не можем, потому что нам нужны произведения на школьно-пионерскую тему”. Вместе с еще не отправленным, к счастью, письмом я обнаружил и саму повесть. Передо мной прозой заведовала дама, <...> она и говорит: “Вы что же, мне не доверяете, раз вы хотите эту повесть опубликовать?” А я говорю: “Но это же замечательная литература”. А она: “Так вот в том-то и дело, что это замечательная литература”. Я говорю: “Ну тогда почему вы не хотите ее печатать?” – “Потому что она привлечет внимание всех, а там есть такие аллюзии!..” Пришлось мне немедленно залезать в словарь и смотреть, что такое аллюзии, потому что слово это я прежде не слышал.

Тут надо обязательно сказать, что у главного редактора, Святослава Владимировича Сахарнова, который как раз меня и позвал, сам только начав работу на этом

месте, было отличное чутье на хорошую прозу, и повесть, которую боялись издавать в Москве, была напечатана у нас в «Костре»» (Ковалиная книга. С. 136–137).

Впрочем, московский журнал «Мурзилка», предназначенный для самых маленьких читателей, тоже напечатал (в № 4–5 за 1974 год) несколько глав из повести Ю.К.

Пальма у художника и штатного сотрудника «Мурзилки» Юрия Молоканова вышла свирепая. Прямо не Пальма, а Мать Волчица

Нужно признать, что в словах дамы-предшественницы Валерия Воскобойникова был резон. Повесть «Недопесок» устроена особым образом. Любая детская литература двунаправленна. Согласно современной исследовательнице этого поля текстов Зоар Шавит и аудитория, и смыслы произведений для детей амбивалентны. «Детские» тексты одновременно предполагают возможность прочтения детьми и (несколько или даже кардинально иначе) взрослыми. Повесть Ковалева можно прочесть глазами ребенка как яркий образчик анималистического жанра (о том, насколько точно Ю.К. описывает в произведении повадки зверей, см. статью Стаса Востокова на с. 116–119) или – как веселую предпраздничную историю со множеством увлекательных приключений и уморительно смешных подробностей. А можно увидеть в «Недопеске» вполне взрослую историю о притворности жестокого мира людей и свободного зверя, которому в итоге удастся выжить и победить благодаря чуду и вопреки суровым законам здравого смысла. При этом «взрослые» смыслы не прячутся в повести за «детскими», а неотделимы от них, растворены в них.

Не ради защиты дамы из редакции, а ради справедливости отметим, что вариант «Костра» в некоторых отношениях был даже жестче и радикальнее, чем будущий книжный. В журнальной версии окружающий Наполеона Третьего мир людей, представленный взрослыми и детьми из деревни Ковылкино, был показан еще более склонным к агрессии, равнодушию и конформизму, чем в окончательной редакции повести. Самые выразительные в этом отношении фрагменты из «Костра», впоследствии удаленные Ю.К. и его редакторами из произведения, приведены в нашем комментарии. В то же время ряд сюжетных линий и эпизодов был из «Недопеска» в журнальной публикации исключен (как, например, почти все

сны персонажей и все эпизоды с колдуном Карасевым) или значительно сокращен (как занимающий в книжном варианте несколько глав, а в «Костре» – страницу рассказ о злодее дяде Мише).

Когда дело дошло до издания повести о приключениях псаца Наполеона Третьего отдельной книгой, ситуация для Ю.К. еще усложнилась. Заместителя главного редактора Детгиза (так по старой памяти продолжали тогда называть бывшее «Детское государственное издательство», переименованное в 1963 году в «Детскую литературу») Бориса Исааковича Камира (1907–2004) настолько не устроили «аллюзии» «Недопеска», что он вычеркнул повесть из плана издательства (см.: Ковалиная книга. С. 324). Не забудем, что как раз в период публикации книги Ю.К. разворачивалась драматическая история с печатанием «Архипелага ГУЛАГ» на Западе и выдворением А.И. Солженицына из страны, что могло дополнительно напугать и без того сверхосторожного Бориса Исааковича. После серьезного разговора с отцом автора «Недопеска», полковником милиции в отставке и преподавателем Высшей школы МВД СССР Иосифом Яковлевичем Ковалем Камир несколько смягчился, но потребовал внести в текст множество поправок (Ковалиная книга. С. 327–328; о роли И.Я. Коваля в писательской судьбе сына см., например: Коваль 2017. С. 196–197, 218, 225–226). В интервью Ирине Волковой (Скуридиной) автор «Недопеска» привел реплику отца, который предупредил его после разговора с Камиром: «...он крошить тебя будет страшно <...> Ты, знаешь что, сопротивляйся, но в меру. Все-таки важно, чтобы была издана книга» (Ковалиная книга. С. 328). Список вынужденных изъятий и замен, которые были сделаны тогда Ю.К., показался нам настолько выразительным, что мы решили привести его в виде таблицы (составленной Сергеем Андреевым) в одном из приложений к настоящему изданию повести (см. с. 127–133).

В 1975 году «Недопесок» все-таки вышел в главном детском издательстве с прекрасными рисунками Геннадия Калиновского (читайте о них статью Галины Ельшевой на с. 120–126). Однако публикация неискаженной авторской версии произведения была впервые осуществлена Ю.К. лишь в 1988 году, в составе его книги «Поздним вечером ранней весной» (М.: Детская литература). По этой публикации, дополненной некоторыми

фотографию И.Я. Коваля 1970-х годов мы уже публиковали (Коваль 2017. С. 264). Пользуясь случаем, напомним, что в 1930-е Иосиф Яковлевич возглавлял угрозыск Курска, а во время войны – Московской области. Фотографировался вполоборота, чтобы не был виден след пулевого ранения (в глаз).

поправками (в частности, появившимся в последней прижизненной публикации книги посвящением) мы и приводим текст «Недопеска» в настоящем издании.

Нам уже приходилось отвечать на законный вопрос: «Кому адресованы эти комментарии?» (Коваль 2017. С. 193–194). Сказанное тогда остается в силе: всем, кому они могут быть интересны. Мы старались приблизить комментарии к научно-популярному жанру, что продиктовало некоторую их облегченность. Например, мы сознательно не загромождали свои объяснения ссылками на источники. Также читатель заметит, что в одних случаях мы объясняем реалии и слова, хорошо известные старшему поколению читателей (например, «махорка»), а в других используем литературоведческие термины вроде «нарратора» или «остранения», не давая к ним пояснений. Однако мы старались несколько оживить исторические комментарии (интонационно или фактологически) и не злоупотреблять терминами.

Отдельный пласт в комментариях составляют замечания о текстах, которые полезно помнить читателю «Недопеска». Это другие произведения Ю.К., а также стихи и книги (и фильмы, и картины) других авторов, на которые в тексте есть прямой отклик, но также и те сочинения, которые создают более широкую смысловую перспективу повести. Там, где важность текстов предшественников в какой-то степени поддерживается прямыми свидетельствами (например, интервью автора или мемуарами современников, многочисленностью параллелей в «Недопеске»), мы старались указывать на это. Но есть в комментариях и параллели другого типа, иногда вполне гипотетические (и это мы также старались подчеркивать). Иногда мы позволяли себе отойти от текста чуть дальше, чем принято в жанре серьезного комментария, – надеемся, нам удалось при этом не потерять чувства меры. В большинстве случаев цитаты сопровождаются ссылками, однако мы отступаем от этого правила, если цитата по объему невелика.

Особо скажем о комментариях, интерпретирующих текст. Вообще-то считается, что не дело комментатора навязывать читателям свое понимание, он должен лишь разъяснять темные места, связанные с культурным разрывом между временем создания произведения и современностью. В научных изданиях исключения иногда делаются для сложных текстов, в которых необходимо разъяснять не непонятные слова, а странные сочетания привычных слов (например, для стихов Мандельштама). Однако в нашем случае речь идет о повести, которая изначально была адресована детям, а следовательно, была заведомо простой, понятной и не требующей вмешательства комментаторов. Тем более что переиздается «Недопесок» постоянно (в том числе – в популярных сериях вроде «Школьной библиотеки» и в виде аудиокниги), а значит, особых усилий для понимания повести и сегодня не требуется.

Это и так, и не так. Мы вовсе не считаем, что ученые филологи читают текст лучше, чем простые читатели. Они читают по-другому, и это (хочется надеяться) помогает им (по крайней мере, иногда) избегать обычных ошибок, связанных с недостаточным вниманием к деталям, которые увлеченный развитием фабулы произведения читатель проскакивает, не останавливаясь на них специально, как пассажир поезда не вглядывается в мелькающие за окном подробности пейзажа.

Приведем пример, связанный как раз с повестью Ковалья. Недавно современный читатель оставил отзыв о «Недопеске» на сайте одной из бесчисленных сетевых

библиотек. Он обратил внимание на странность финала книги (конец текста всегда привлекает внимание: поезд останавливается, замедляет ход, и мы из окна вглядываемся в лица и одежды людей на перроне). Наш рецензент недоумевает:

«Совершенно удивил меня поначалу последний абзац книги <...>.

Он явно был дописан уже после завершения книги с какой-то целью. С какой же? Тут можно предложить два объяснения.

Первое. Чтобы не расстраивать детей. Ведь без него становилось совершенно ясно, что из Наполеона скоро сделают-таки воротник.

И второе объяснение. Добавление потребовал сделать желчного облика тип с огромной фиолетовой печатью “ПРОСМОТРЕНО”. Чтобы придать повествованию коммунистической уверенности в будущем. <...> (Для тех, кто не застал, поясню: без такой печати, поставленной худым желчного вида чиновником, ничего не могло выйти в печать, даже сугубо детская книжка.)

Второе объяснение мне хочется считать более верным, чтобы найти автору этого мрачного произведения хоть какое-то оправдание. <...> Итак, детям читать не рекомендую, взрослым тем более. Кому читать? Не знаю. Разве что филологам» (<https://www.livelib.ru/work/1000330191/reviews-nedopjosok-yurij-koval>).

Мы надеемся, что та часть наших комментариев, которая посвящена композиции и стилистике, внутренним и внешним переключкам деталей и эпизодов повести, характеристике героев, будет хоть немного полезной читателям (и не только читателям-филологам) и позволит понять, по крайней мере, с какой целью именно так написан финал веселой и печальной повести о недопеске Наполеоне Третьем.

Выражаем сердечную благодарность всем тем преданным любителям творчества Ю.К., без щедрой помощи которых предлагаемый комментарий просто не был бы составлен: Сергею Андрееву, Павлу Антошкину, Елене Байбиковой, Светлане Веднёвой, Ирине Волковой, Екатерине Козловой, Тимуру Майсаку, Илье Симановскому, Инне Ляховицкой, не забывая о многих других. Особая и отдельная благодарность Вере Семеновой, регулярно снабжавшей нас полезными советами и библиографическими ссылками на «ковалеведческие» статьи и книги. Также благодарим Юлию Юрьевну Коваль за ценные подсказки и суровую критику. Комментарий осуществлен в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

Наше издание выходит в год восьмидесятилетия Юрия Иосифовича Коваля. В оформлении комментария использованы рисунки участников всероссийского конкурса «Звезды Ориона», посвященного «Недопеску» и приуроченного к юбилею его автора (подробнее об этом – см. статью Юлии Коваль на с. 234–237).

Юрий Коваль. Рисунок участницы конкурса «Звезды Ориона» Светы Киреевой (далее под рисунками конкурсантов будут указываться только имя и фамилия)

С. 3 Недопесок О существительном, вынесенном в заглавие повести, Ю.К. в позднейшем интервью говорил так: недопесок – «молодой песец <...> Слово это давно запало в память, почему-то очень мне нравилось, я “лелеял” его» (Тарощина С. Наполеон III и другие // Литературная газета. 1986. 19 ноября. С. 7).

На самом деле слово «недопесок» чаще означает не возраст животного, а сезонное состояние его меха (вполне соответствующее времени действия повести), и относится оно не к голубым, а к белым песцам. Как указано в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «по цвету шерсти песцы разделяются на белых и голубых, вернее, серовато-дымчатых. <...> Белый П. видоизменяется по временам года: с весны во время пребывания в норе, П. имеет шерсть тонкую и чуть не черную, называясь норилками или норчиками, к августу П. делаются крестоватиками, с серою спиною, пересеченною крестообразно серыми же полосками, идущими по ребрам; в октябре они принимают одноцветно-серый вид и называ^ются голубцами-чалками, синяками и недопесками: около Николина дня, в декабре, становятся настоящими рослопесцами, с совершенно белую шерстью. Голубые П. никогда белыми не бывают и летом только темнеют» (Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. XXIII. С. 420). Объясняется это существительное и в словаре В.И. Даля: **НЕДОПЕСЬ** – ж. **недопесок** м. недокунь, недолисок из песцов; молодой или летний песец, голубоватый, не дошедший до белого, с неполной остью; они добываются в сентябре и бывают: *голубые, белые, впробель, крестоватики, норники. Недопесковая, недопесья шубка* (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.–М., 1882. Т. II. С. 514).

Заметим попутно, что в меховой индустрии традиционно используют мех молодых или даже новорожденных животных. Так, многократно упоминаемый в повести пыжик, шапку из которого круглый год носит директор Некрасов – это северный олень не старше одного месяца, опоек («Высший шик – опойковые сапоги с высокими кожаными калошами». В. Гиляровский, «Москва и москвичи») – не пивший еще молока ягненок или теленок, а такой привычный каракуль – кожа с мехом, которые снимают с ягнят каракулевой овцы не позже чем на третий день после их рождения.

Знакомство Ю.К. с процитированной словарной статьей В.И. Даля и ориентация именно на нее почти несомненны. По наблюдению С. Веднёвой (*Веднёва С. Слово Юрия Коваля. Южно-Сахалинск, 2007. С. 193–194*), в зачине главы «На полюс!» далевским словечком «недолисок» пользуется дошкольник Серпокрылов, подбирая подходящее определение для встреченного им Наполеона: «“Это, наверно, росомаха, – думал дошкольник, выходя из калитки на дорогу, вдрызг перепыханную тракторами. – А может, барсук? Как раз полосочка на носу. Нет, он похож на лису. Но не очень. Какой-то недолисок!”

Тут мысли дошкольника побежали по дороге, проторенной уже плотником Мериновым: “Может, это помесь собаки с лисой? Лисья собачка? Лисопес... Лисица-псица!.. Лисец...”

– Песец! – закричал вдруг дошкольник, подпрыгнул на месте и выпалил из водопроводной винтовки. – Песец! Песец! Чтоб мне треснуть! Это песец!»

Почему слово «недопесок» «запало в память» Ю.К. и «очень нравилось» ему? Вероятно, из-за своего экзотического, необычного звучания. «...он любил слова или старые, или странные, или которые он сам как-то повернул новой гранью», – свидетельствовала Татьяна Бек (Ковалиная книга. С. 393). А еще существительное «недопесок» могло приглянуться Ю.К. потому, что благодаря приставке «недо-» в нем воплотилось дорогое Ю.К. состояние *недовзрослости*, обеспечивающей

свежесть восприятия мира. Впрочем, именно незрелость, незрелость Наполеона ближе к финалу повести обернется трагической непоследовательностью его поведения: «“Эх ты, недопесок, – думала Вера. – Если б ты бежал на север...”» (глава «Директорское спасибо»).

Название повести встраивается в традицию текстов, сразу знакомящих читателя с заглавным героем. Как правило, это имена собственные (и крайне редкое слово «недопесок» отчасти удовлетворяет этому требованию; Ю.К. несколько раз использовал подобные заглавия – «Алый», «Шамайка», «Куклакэт» и др.). Но такие заглавия могут включать и возрастную, социальную или иную характеристику героя. Если искать заглавию «Недопесок» место в русской литературе, то оно обнаружится где-то между «Белолобым» Чехова и «Подростком» Достоевского. Интересно, что «Наполеона Третьего» автор в заглавие не вынес, вероятно, чтобы сразу не отпугивать ребенка-читателя двумя незнакомыми или полунзнакомыми словами, стоящими рядом. В написанной Ю.К. для фильма «Недопесок Наполеон III» (1978) песне поется: «Название странное фильму дано. / А вдруг иностранное это кино? / Вопрос необычен, ответ неизбежен: / Для многих земель этот фильм зарубежен. / Увы, даже авторам знать не дано, / Про что они, собственно, сняли кино. / Им даже неясно, кто главный герой, / Но в жизни нам с вами встречались порой / Недокоровы, недособаки и недопетухи. / Недомедведи, недомартышки, недобурундуки» (на экране во время исполнения этой песни мелькают изображения детенышей перечисленных животных).

С.4 Посвящается Белле Ахмадулиной В интервью С. Тароциной Ю.К. сообщил: «Повесть, между прочим, имеет посвящение. Правда, это не удалось пока отразить ни в одном издании. И писал я, не думая о посвящении. Белла Ахмадулина сказала: “Недопесок – это я”, – раз и навсегда решив вопрос...» (Тароцина С. Наполеон III и другие. Литературная газета. 19.11.1986. С. 7.) Сравним со знаменитым высказыванием Флобера о героине своего романа: «Мадам Бовари – это я». Посвящение поэтессе Белле Ахатовне Ахмадулиной (1937–2010) Ю.К. «удалось отразить» в последнем прижизненном издании «Недопеска» 1994 года (издательство «Малыш»). Подробнее об отношении Ахмадулиной к повести ее автор рассказал в интервью Ирине Волковой (Скуридиной): «Белла <...> прочла “Недопеска” и <...> рехнулась <...> Она сошла слегка с ума на этой почве. Она даже разговаривала голосом недопеска. То есть у нее был особый голос такой, она говорит: Вы понимаете, каким голосом я с вами разговариваю? Я говорю: Каким? Говорит: Это голос недопеска. (Смеется) Это чудно, но это факт. И она написала на книжке, которую попросила, чтоб я подарил дочери Льва Ошанина, она написала “Недопесок – это я”. А я пожалел, что на моей-то она так не написала. У меня-то этой нет надписи» (Ковалиная книга. С. 353).

Белла Ахмадулина и один из любимых писателей автора «Недопеска» Юрий Казаков в недорогих шапках из меха. Переделкино, 1967 год

Юрий Коваль с песцом
Машкой на звероферме.
Фото Виктора Ускова

С. 4 Ранним утром второго ноября со зверофермы «Мишага» бежал недопесок Наполеон Третий. В интервью С. Тарощиной Ю.К. вспоминал о зарождении замысла произведения: «...повесть “Недопесок” началась на звероферме. Мой друг профессиональный охотник Вадим Силис вдруг пошел туда работать. Это удивило всех его друзей, и мы поехали на Север проведать Вадима. На ферме он мне дал подержать песца, да я не удержал, началась беготня, с полчаса все бегали и топали, ловили зверя. Поймали, но я уже увидел дырку в заборе. А что, Вадя, спросил я, бегут звери? И буквально не успел он ответить, как у меня “пошла вещь”. И ничего не искал, все приходило само, и немедленно: и недопесок по имени Наполеон Третий, и директор Некрасов, и Прасковьюшка, и дошкольник Серпокрылов, и деревенские дворняжки, и великое созвездие Орион. Вещь строилась сама, я только попевал <...> Вообще-то я не сторонник немедленной записи того, что видишь. Самое

нужное – это то, что ты запомнил, пережил, переварил» (Тарощина С. Наполеон III и другие. С. 7). Еще больше подробностей Ю.К. о возникновении замысла книги сообщил в интервью 1984 года: «“Недопесок” <...> появился на свет не случайно. Есть у меня друг – промысловый охотник, настоящий таежник. И вот он вдруг оставил тайгу, поехал работать на звероферму под Новгород. Отправился я проведать Вадима – так и попал на звероферму. Показал он мне песцов, одного даже достал из клетки, дал “подержать”. Долго “держать” я его не смог, песец вырвался, бросился к забору. Начался переполох. Песца, конечно, быстро поймали. Но Вадим сказал, что бывали и другие случаи... Он только намекнул, а у меня уже начала строиться повесть о “Наполеоне Третьем”. Я расспрашивал у друзей со зверофермы про таких беглецов, вычислил, проверил и обошел все пути, изучил всю окрестность зверофермы...» (О чем мечтает писатель? Беседу с Ю. Ковалем записала Н. Новикова // Учительская газета. 1984. 26 июля. С. 4). О том, как Ю.К. держал на руках песца, вспоминает и брат Вадима Силиса скульптор Николай Силис: «...мы были на звероферме, и Вадим вытащил единственного на всю ферму ручного недопеска по имени Машка и дал Ковалю подержать...» (Ковалянина книга. С. 431). А в 1990 году Ю.К. говорил юным зрителям, пришедшим посмотреть фильм «Недопесок Наполеон III»: «Вся история <...> в сущности-то, подлинная. Потому что я наткнулся на судьбу недопеска, когда ездил в Новгородскую область и там познакомился с работниками зверофермы. Они мне все это рассказали. Так что, в принципе, история эта правдива» (Юрий Коваль в детском кино-клубе. Полная стенограмма встречи 17.10.1990. <https://community.livejournal.com/suer-vyer-/434210.html>)

Это утверждение нуждается в серьезных уточнениях. Хотя в интервью С. Тарощиной Ю.К. и говорил, что многое в своей повести «запомнил» и «пережил», то есть взял из реальности, далее он употребил глагол «переварил», что означает здесь – творчески переосмыслил, превратил реальность в

Вадим Силис своих подопечных
не отпускал из рук никогда

художественную реальность. В воспоминаниях Александра Дорофеева о Ю.К. зафиксированы рассуждения автора «Недопеска» об идеальном соотношении реальности и художественной реальности в тексте: «“Конечно, насочинять можно с три короба, – говаривал бывало Юра, – но все это вряд ли удержится без точных образных деталей, которые надо узреть собственными глазами”» (Ковалиная книга. С. 114).

Касается это и устройства пространства повести. В 15 километрах от Великого Новгорода действительно есть деревня с фонетически интересным и явно этим приглянувшимся Ю.К. названием Мшага (см. наст. издание, с. 116). Однако зверофермы совсем рядом с деревней нет. Виктор Усков, сопровождавший Ю.К. в поездке и рассказавший нам про нее, не помнит, какую именно звероферму они посещали. По устному предположению Веры Семенович, это было Солецкое зверохозяйство, находящееся в Солецком районе близ Великого Новгорода в деревне Хвойное (от Мшаги оно отстоит на четыре километра). Как мы увидим далее, это не единственный случай совмещения в едином художественном пространстве повести Ю.К. разных, иногда (хотя и не в данном случае) – далеко находящихся друг от друга мест.

По наблюдению С. Веднёвой, зачин повести Ю.К. «звучит в духе детективного жанра, а может быть, и “лагерной прозы”» (Веднёва С. Слово Юрия Ковалева. С. 191). Это наблюдение справедливо: говоря о домашних животных, мы обычно употребляем глагол «сбежал», в то время как форма «бежал» (в совершенном виде, отличающем это употребление) используется при разговоре о местах заключения и их обитателях. Ю.К., конечно, не случайно в первой же фразе вводит этот смысловой оборот, отсылающий к большой традиции (от «Записок из Мертвого дома» Достоевского до произведений Солженицына). В связи с этим можно вспомнить о том, что «Недопесок», как рассказывал сам автор в интервью И. Волковой (Скуридиной), «выходил» в свет «очень тяжело», с большими цензурными трудностями (Ковалиная книга. С. 324). Характерно, что абзацем выше в этом интервью Ю.К. процитировал фразу о себе художника Виктора Белова: «Коваль – это детский Солженицын» (Там же). В этом же интервью он определил свой писательский метод так: «...я писал, может быть, о взрослых проблемах, но языком, понятным для детей» (Там же).

Восприятию «Недопеска» как повести с двойным дном может способствовать прочтение этого произведения на фоне уже безусловно написанного «эзоповым языком» стихотворения Евгения Евтушенко «Монолог голубого песка» (1968, для пущей безопасности автор действие переносит в США), ключевые мотивы которого, как было многократно замечено, переключаются с книгой Ю.К.:

Я голубой на звероферме серой,
но, цветом обреченный на убой,
за непрогрызной проволочной сеткой
не утешаюсь тем, что голубой.

И вою я, ознобно, тонко вою
трубой косматой страшного суда,
прося у звезд или навеки волю,
или хотя бы линьку навсегда.

И я бросаюсь в линьку. Я лютую,
себя сдирая яростно с себя,
но голубое, брызжа и ликуя,
сквозь шкуру прет, предательски слепя.

Заезжий мистер на магнитофоне
запечатлел мой вой. Какой простак!
Он просто сам не выл, а мог бы тоже
завыть, сюда попав, – еще не так.

И падаю я на пол, подыхаю,
а все никак подохнуть не могу.
Гляжу с тоской на мой родной Дахау
и знаю – никогда не убегу.

Однажды, тухлой рыбой пообедав,
увидел я, что дверь не на крючке,
и прыгнул в бездну звездную побега
с бездумностью, обычной в новичке.

Вокруг Аляска высилась сугробно,
а я скакал, отчаянный, чумной,
и в легких танцевала твист свобода,
со звездами глотаемая мной.

В глаза летели лунные караты.
Я понял, взяв луну в поводыри,
что небо не разбито на квадраты,
как мне казалось в клетке изнутри.

Я кувыркался. Я точил балясы
с деревьями. Я был самим собой.
И снег, переливаясь, не боялся
того, что он такой же голубой.

Но я устал. Меня шатали вьюги.
Я вытащить не мог увязших лап,
и не было ни друга, ни подруги.
Дитя неволи – для свободы слаб.

Кто в клетке зачат – тот по клетке плачет,
и с ужасом я понял, что люблю
ту клетку, где меня за сетку прячут,
и звероферму – родину мою.

И я вернулся, жалкий и побитый,
но только оказался в клетке вновь,
как виноватость сделалась обидой
и превратилась в ненависть любовь.

На звероферме, правда, перемены.
Душили раньше попросту в мешках.
Теперь нас убивают современно –
электротоком. Чисто как-никак.

Гляжу на эскимоску-звероводку.
По мне скользит ласкательно рука,
и чешут пальцы мой загривок кротко,
но в ангельских глазах ее – тоска.

Она меня спасет от всех болезней
и помереть мне с голоду не даст,
но знаю, что меня в мой срок железный,
как это ей положено, – предаст.

Она воткнет, пролив из глаз водицу,
мне провод в рот, обманчиво шепча...
Гуманны будьте к служащим! Введите
на звероферме должность палача!

Хотел бы я наивным быть, как предок,
но я рожден в неволе. Я не тот.
Кто меня кормит – тем я буду предан.
Кто меня гладит – тот меня убьет.

(Евтушенко Е. Поющая дамба. Стихи
и поэмы. М., 1972. С. 97–99)

II	
У римской забытой дороги	95
Монолог голубого песка на аляскинской звероферме	97
«В мадриском том отеле, где живу...»	100
Любовь по-португальски	102
Фатима	103
«Хромой Мигель—строитель кораблей...»	105
Шахматы Мексики	107
Исповедальня	110
Баллада о смерти	112
Труба Армстронга	114
Нью-Йоркская аллея	118
Под кожей статуи Свободы. Поэма	118

Полное название стихотворения – «Монолог голубого песка на аляскинской звероферме». Фрагмент содержания поэтического сборника Е. Евтушенко «Поющая дамба» (М.: Советский писатель, 1972)

И за стихотворением Евтушенко, и за повестью Ю.К. можно различить самое знаменитое русское стихотворение, поминающее голубых песцов – «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931–1935) Мандельштама (стихотворение Евтушенко

даже и завершается тем же словом в рифменной позиции, что и стихотворение Мандельштама):

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, –
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.
(Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1974. С. 153)

Тут мы можем разглядеть важные для повести мотивы: Север (у Мандельштама географически – Восток, но окрашенный в нордические тона), противопоставление космического вечного мира природы и низкого и кровавого мира современной истории, наконец, у Мандельштама упомянуты не только хищные и/или пушные звери, но и меховые изделия, которые еще встретятся нам в повести Ю.К.

Нужно также отметить, что в рассказе о бегстве Наполеона со зверофермы Мшага на Северный полюс в советском контексте середины 1970-х годов легко было увидеть иносказательно описание эмиграции из СССР. Именно так повесть понял Б.И. Камир. В интервью Ирине Волковой (Скуридиной) Ю.К. вспоминал свою реплику из разговора с отцом, Иосифом Яковлевичем Ковалем: «Камир говорит, что еврей бежит... в Израиль» (Ковалиная книга. С. 327).

«Наполеоном» недопеска, как выяснится далее из повести, назвал директор зверофермы, любивший давать самым ценным зверям из своего хозяйства пышные имена (такая традиция действительно поддерживается в зверохозяйствах, хотя «прототипа» Наполеона, как мы помним, звали простецким именем «Машка»). А Третьим он стал в качестве представителя уже третьего поколения Наполеонов на ферме: «– Да, да, Наполеон Третий! – подтвердил директор Некрасов, чувствуя, что ледок начал таять. – Его дед был Наполеон Первый, а отец – Наполеон Второй» (глава «Речь директора Некрасова»). Нужно отметить, что герой повести Ю.К. совсем не похож на малосимпатичного Наполеона III (Шарля Луи Наполеона Бонапарта, 1808–1873), сначала президента Французской республики, а затем, после ковар-

ного переворота, императора французов. А вот черты сходства с Наполеоном I Бонапартом у недопеска отыскиваются, начиная с его упорного, почти маниакального следования своей цели и бегства с фермы (которое можно уподобить бегству Наполеона с острова Эльба) и завершая его склонностью к полноте (для русского читателя эта портретная черта императора французов, конечно, связана в первую очередь с эпопеей Толстого): «Более всего схож Наполеон с тюфячком на коротких ножках» (глава «На полюс!») Именно Наполеону I уподобляет недопеска злодей дядя Миша в главе «Сервелат»: «Ты будешь Наполеон, а я Кутузов».

Это сходство недопеска с императором Франции несколько раз обыгрывается Ю.К. в произведении: «В этот момент принял недопесок решение, тряхнул императорской головой и на глазах превратился из побитой собачки в настоящего песца» (глава «Сто шестнадцатый разрывается на части»); «Наполеон взволнованно выглядывал из конуры и чем-то напоминал, в конце концов, своего знаменитого тезку, который наблюдает из маршальского шатра за ходом сражения» (глава «Полтабуретка»); «Наполеон успокоился, в глазах его мелькнуло действительно что-то императорское. Он глядел на дядю Мишу снизу вверх, но в то же время и сверху вниз» (глава «Все путем»); «Не имел уже Наполеон царственного вида» (глава «Масло, подлитое в огонь»); «Последнее убежище Наполеона» (название главы); «Царственное появление Наполеона буквально сшибло Веру с ног <...> Как мантия, стелился по земле его императорский хвост, и, как символ власти, держал он в зубах мотоциклетную перчатку» (глава «Гора залезает обратно»).

Наполеон здесь, конечно, не столько исторический персонаж, сколько центральное лицо так называемого «наполеоновского мифа» – одинокий, загадочный герой, пленник или изгнанник, наделенный от природы исключительными дарованиями и страстями, противопоставленный пошлой толпе, торжествующей

Слева: вот как выглядел настоящий Наполеон III. В центре: Александр Орловский. Император Наполеон I Бонапарт на острове Святой Елены за два месяца до смерти (1823). Справа: Антуан-Жан Гро. Наполеон Бонапарт на Аркольском мосту (1797)

победу над героем. Миф, однако, предполагает не только сюжет пленения и заточения Наполеона, но и введение мотива возвращения на родину. Оно может быть описано в романтическом жанре фантастической баллады («Ночной смотр» Цедлица – Жуковского, «Воздушный корабль» Лермонтова) или развернуто в сюжет, связанный с жизнью и судьбой Наполеона Бонапарта лишь метафорически («Граф Монте-Кристо» А. Дюма-отца). Итак, уже в первой фразе повести повествование о происшествии на советской звероферме встраивается в сложную литературную перспективу, которая будет развернута в ряде эпизодов повести.

Снабдим эту перспективу двумя иллюстрациями, также по-своему связывающими советскую литературу с пушным звероводством.

Вверху: Элеонора Гурвич, Осип Мандельштам (в шапке из каракуля) и Надежда Мандельштам. Москва, 1931 год.

Подпись к фотографии на обложке журнала «Огонёк» (№ 9, февраль 1987, слева): «Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава и Роберт Рождественский в Переделкино. Январь 1987 года. Фото Дм. Бальтерманца». Дополним описание: все в шапках-ушанках из натурального меха (Евтушенко – в лисьей, Вознесенский – в песцовой, Окуджава в ондатровой и Рождественский – в норковой). Также в культурно-антропологических целях отметим неслучайность гардероба писателей: шубу Евтушенко, белый плащ Вознесенского, телогрейку Окуджавы и номенклатурно-аристократическую дубленку Рождественского

С. 4 *Он бежал не один...* В Костер-4 в первом абзаце о Наполеоне тоже говорится, как о заключенном – «бежал»; во втором, однако, Ю.К. пишет о нем, как о звере – «сбежал» (С. 22).

С. 4 *...голубым песцом за номером сто шестнадцать.* Эта деталь сразу же и многократно усиливает ассоциации с «лагерной прозой». Напомним, что самое известное произведение этого жанра – повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1959) первоначально включало лагерный номер главного героя в название – «Щ-854. Один день одного зэка».

В интервью 1992 года Ю.К. процитировал первые два предложения «Недопеска» в качестве иллюстрации к следующему своему писательскому тезису: «Какая-то фраза, построенная стилистически интересно, это уже разговор. Это не только сюжет, но самой фразой я разговариваю с читателем <...> Мне всегда хотелось с первой же фразы <...> найти своего читателя. Чтобы он сразу понял – это надо читать» (<https://www.youtube.com/watch?v=tvCWUdVMxQI&feature=youtu.be&t=7m40s>). О роли, которую Ю.К. отводил первой фразе произведения, см. также: Коваль 2017. С. 197.

С. 4 ...*Прасковьюшка*... Имя этого персонажа позаимствовано у реальной женщины, жены промыслового охотника Васи по прозвищу Червячок, героя одноименного рассказа в книге Ю.К. «Избушка на Вишере». Об этой женщине заходит речь в письме Ю.К. к жене Вадима Силиса Людмиле: «Прасковьюшка пусть никого не целует, готовит пельмени к нашему будущему приезду» (копия этого письма доступна в Интернете, благодаря И. Волковой. См.: <https://d-serpokrylov.livejournal.com/68778.html#cutid1>). По наблюдению М. Звягиной, образ Прасковьюшки восходит сразу к двум женским персонажам «Мастера и Маргариты» Булгакова: «Оплошность Прасковьюшки, забывшей запереть клетки, стилистически и ритмически напоминает оплошность Аннушки, разлившей подсолнечное масло, а ситуативно – рассеянность фельдшерицы Прасковьи Федоровны, благодаря которой Мастер получил небольшую свободу передвижения» (Звягина М. Поэтика прозы Ю. Ковалю. Материалы к спецкурсу. Астрахань, 2002. С. 39).

Имя героини воспринимается как архаическое и простонародное, до революции оно было распространено в крестьянской среде в связи с почитанием святой Параскевы Пятницы (имя которой по-гречески означает «приготовление, канун праздника», что перекликается с календарем повести Ю.К.).

С. 4 ...*директор зверофермы Некрасов*... по воспоминаниям Ю.К., реальная фамилия директора той зверофермы, на которой он побывал, «была Барков, а я уж после заменил фамилией другого русского поэта» (Коваль 1999. С. 212). Эта озорная, сделанная в рамках игры для себя самого замена может, тем не менее, послужить иллюстрацией двойной адресации «Недопеска» – и детям, и взрослым. Как известно, поэт Иван Семенович Барков (1732–1768) прославился своими «срамными», порнографическими стихотворениями.

Почему, выбирая фамилию для своего героя, автор остановился именно на Некрасове? Скорее всего, ему нужна была фамилия достаточно частотная, чтобы литературные ассоциации звучали приглушенно. Несомненно, свою роль сыграла репутация Некрасова как «народного поэта», творчество которого было в значительной (и канонизированной школьной программой) части посвящено русской деревне. Наконец, можно вспомнить и о хобби классика: он был заядлым охотником, но он же воспел гуманизм старого Мазая.

С. 4 ...*премии, которая ожидалась к празднику*. Не просто к празднику, а к главному советскому празднику – 7 ноября, дню Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

С. 4 *Ты прошлый месяц получала, – сказал Некрасов. – А теперь пускай другие.* В эти годы в СССР работников государственных предприятий (к ним не относились колхозы, но зверофермы относились) могли, в зависимости от обстоятельств, премировать к государственным праздникам. Финансовые дела «Мшаги», как можно понять из дальнейшего, были вполне благополучны, а ссылка директора на «прошлый месяц» делает обиду Прасковьюшки еще острее: очевидно, в этом случае речь идет не о праздничной, а о ежемесячной и меньшей по объему премии (по сути – прибавке к зарплате), которую, скорее всего, получили и «другие».

С. 4 *...в теплушку...* Здесь это, конечно, не отапливаемый товарный вагон, а просто обогреваемое подсобное помещение.

С. 5 *...поэтому у Прасковьюшки и мысли такой в голове не было.* В Костер-4 далее следует: «В голове у нее была премия – двадцать рублей» (С. 22). В 1974 году на экраны вышел фильм С. Микаэляна (по пьесе А. Гельмана) «Премия», в центре которого стоял сакраментальный вопрос: получают ли честные советские рабочие нечестно выписанную им премию? Повесть Ю.К. под определенным углом тоже можно рассмотреть как произведение о том, кому достанутся сэкономленные на Прасковьюшке двадцать рублей премии. В итоге, директору зверофермы Некрасову (по поговорке «Скупой платит дважды») придется заплатить не двадцать, а сорок рублей (20+20). Попробуйте сами быстро ответить на вопрос: кому они достались?

С. 5 *...удивлялась Полинка, молодая работница, только из ремесленного.* В зачине этого фрагмента – еще одна литературная шутка Ю.К. Если вспомнить хрестоматийную строку из второй главы «Евгения Онегина» Пушкина («Звала Полиною Прасковью»), то молодая работница зверофермы предстанет своеобразным двойником старой.

Как бы мимоходное упоминание в комментируемом фрагменте того, что Полинка лишь недавно окончила ремесленное (училище), предупреждает внимательного читателя об очень важной особенности произведения: не только пространство, но и время в нем будет по принципу монтажа собрано из разнородных деталей. С деталями времени написания повести (первая половина 1970-х годов) будут соседствовать детали времени юности ее автора (конец 1950-х – начало 1960-х годов) и даже еще более ранние. В частности, ремесленными училищами в СССР с 1940 по 1959 год официально назывались учебные заведения начального профессионального образования по подготовке квалифицированных рабочих для промышленности, транспорта и сельского хозяйства. В 1959 году они были преобразованы в ПТУ (профессионально-технические училища).

Все же комментируемая деталь слишком явно выпирала из текста. Она указывала на определенное время, да и непонятна уже была современному ребенку. Поэтому Ю.К. в последнем прижизненном издании повести наспех заменил «только что из ремесленного» на «бывшую пэтэушницу» (Коваль Ю. Недопесок. М., 1994. С. 6). Однако ряд других анахронизмов (на них мы еще обратим внимание читателя комментария) автор «Недопеска» в издании 1994 года оставил. И это

была не небрежность, а прием, который использовался Ю.К. неоднократно и сознательно. В одном из интервью Ирине Волковой (Скуридиной) он говорил о том, как устроено время в повестях о Васе Куролесове: «...какого времени мои детективы – это трудно очень сказать. Они вроде и сегодня, а вроде и вчера, не поймешь. Они как бы вне времени, в каком-то литературном времени находятся, конечно» (Коваль 2017. С. 198–199).

«Как бы вне времени, в каком-то литературном времени» и находятся в «Недопеске» звероферма «Мшага» и ее окрестности.

Мы попытаемся учесть эту особенность текста в комментариях и призываем читателей помнить о том, что конкретные реальные детали в «Недопеске» могут отсылать к разным периодам послесталинской истории страны.

С. 5 *...песцы стали «играть на тарелочках» – крутить свои миски-пойлушки.* Эта деталь вновь напоминает о местах заключения, на этот раз – не о лагерях, а о тюрьмах. Окошко в двери, через которое заключенные получают пищу, забрано запирающейся металлической заслонкой, его называют обычно «кормушкой». Раздача пищи в тюрьме сопровождается бряканьем этих форточек.

Доска Почета. Фотограф Владимир Воробьев, объединение «ТриВА», Новокузнецк, конец 1970-х годов

С. 6 *Цепляясь кормовым тазом за Доску почета, в кабинет директора вбежала Прасковьюшка.* В одном из интервью Ю.К. рассказывал о злополучной судьбе этого предложения в советских подцензурных изданиях: «Нормально написано, я был доволен. Но – как бы чего не вышло... и Доску почета убрали. Я и так и сяк всовывал ее обратно, да не смог» (Коваль 1989). Возможно, впрочем, что бдительных редакторов и в (Костер-4) и в (Коваль 1975) смутила не столько Доска почета, сколько намеренно спрятанная Ю.К. в комментируемом фрагменте шутка для взрослых (ведь и «таз» и «корма» могут выступать в роли синонимов задней части тела).

С. 6 *...Петр Ерофеич!..* Взрослый читатель, возможно, вспомнит здесь о русской водке «Ерофеич», настаивавшейся на разнообразных пахучих травах. Между прочим, эта водка упоминается в известном стихотворении Некрасова «Эй, Иван! (тип недавнего прошлого)»: «Пил детина ерофеич, / Плакал да кричал». Вопрос: намекает ли отчество директора зверофермы на его пристрастие к крепкому алкоголю?

С. 6 *Наполеон сбежал!* Бегство низложенного после военного поражения Наполеона I с острова Эльба у итальянского побережья и его триумфальное возвращение во Францию в 1815 году стали впечатляющим финалом политической карьеры императора французов (так называемые «Сто дней» второго правления Бонапарта).

С. 5 ...и уронил на пол папку с надписью: «Щенение». с надписью «Наши показатели» (С. 23).

В Костер-4 было: «...папку

С. 6 – Отвинтил лапкой крючок, – забормотала Прасковьюшка, – и сбежал, а с ним сто шестнадцатый... и далее. В радиоспектакле по «Недопеску» (1982), поставленном Николаем Литвиновым с участием Ю.К., читавшим текст от автора, этот эпизод дополнен резонным вопросом директора Некрасова об обстоятельствах побега второго пса:

«– Коготком?

– Коготочком! Ох, лишенько... Ногтиком подковырнул.

– А сто шестнадцатый тоже ногтиком?!» (см.: <https://www.youtube.com/watch?v=J1NHZEAWzoo>).

Рисунок Юлии Дюкиной

С. 7 Он ходил круглый год в пыжиковой шапке. То есть в шапке из пыжика, как называют детенышей северного оленя (в возрасте от одного до шести месяцев). В позднем СССР настоящая пыжиковая шапка являлась отличительной принадлежностью представителя партийной элиты. Была в ходу загадка: «Что это: зайчики идут, а пыжики стоят?» Ответ: «Трудящиеся идут на демонстрации мимо трибуны мавзолея, на которой стоят члены Политбюро ЦК КПСС».

Соответственно, в упоминании пыжиковой шапки на голове начальника советские цензоры и редакторы тоже усмотрели сатирический политический намек. В интервью Ирине Волковой (Скуридиной) Ю.К. рассказывал о диалоге своего отца с Б.И. Камиром. Иосиф Яковлевич: «Я там не увидел ничего такого. Тот: Ну как

Вот они, эти самые пыжики – правда, не на трибуне мавзолея, но рядом. Руководители СССР и Коммунистической партии Советского Союза. 1982 год / ТАСС (слева направо: товарищи Б.Н. Пономарев, М.С. Соломенцев, А.А. Громыко, В.И. Долгих, В.В. Гришин, К.В. Русаков, Н.А. Тихонов, И.В. Капитонов, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев, К.У. Черненко, Ю.В. Андропов, П.Н. Демичев, В.В. Кузнецов, М.В. Зимьянин)

же, Иосиф Яковлевич, а вот это, а вот это? А отец отвечает: Ну это что – это чепуха. Ну, пыжиковые шапки, ну и что, а у вас какая, Борис Исаакыч, шапка? Он говорит: пыжиковая. Отец говорит: И у меня тоже. Ну и что такого – пыжиковые шапки, ну неудобно... Могут подумать...» (Ковалиная книга. С. 328). Тем не менее, в одном из позднейших интервью Ю.К. признался, что образ начальника в пыжиковой шапке действительно содержал ироническое указание на типичного партийного деятеля: «В “Недопеске” выкинули отрывок о пыжиковых шапках. В нем, очевидно, усмотрели намек на людей, большую власть имущих. Конечно, намек был. Это же смешно, когда все функционеры ходят как один в пыжиковых шапках» (Коваль 1989).

С. 7 ...а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Травиата, Академик Миллионщиков. Казбек – это ледяной пик на Кавказе и название очень популярных в СССР папирос; Травиата – знаменитая опера Джузеппе Верди по мотивам романа Александра Дюма-младшего «Дама с камелиями» о куртизанке, умирающей от чахотки. Само слово *la traviata* переводится с итальянского как «падшая» или «заблудшая» и происходит от глагола «traviare» – сбиться с пути (как собьется с пути Наполеон Третий). Физик, академик АН СССР (с 1962 года) Михаил Дмитриевич Миллионщиков (1913–1973) в последние десятилетия своей жизни – не столько ученый, сколько организатор науки и видный государственный деятель. В частности, с 1967 по 1973 год он был председателем Верховного Совета РСФСР. В 1973 году в честь академика Миллионщикова назвали улицу в Москве. Директору Некрасову «красивым», должно быть, казалось не только звание Миллионщикова – академик, но и сама его солидная и «богатая» фамилия, намекающая на солидные доходы зверофермы (см. хвастовство директора о миллионе рублей в главе «Друзья звероводства»).

Понятно, что в (Коваль 1975) «Травиате» было не место, как слишком «взрослому» имени, а «Академик Миллионщиков» «оскорблял» память председателя Верховного Совета (в Костер-4 и Травиата, и академик остались не вычеркнутыми). Поэтому в (Коваль 1975) появилась подцензурная заплатка: «...а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Чингисхан, Маугли» (С. 8). Заметим, что в этом варианте подбор имен тоже не случаен: оба персонажа, именами которых

Гора Казбек
на одноименной
пачке папирос
и марка, выпущенная
в честь академика
М.Д. Миллионщикова

названы предшественники Наполеона, «рифмуются» с его прозвищем. Исторический Чингисхан – двойник исторического Наполеона I, великий завоеватель, основатель империи. Литературный Маугли, человеческий детеныш, выросший в мире джунглей – зеркальный двойник рожденного в неволе героя Ю.К. Об авторе истории про Маугли Ю.К. говорил в одном из интервью: «...есть, есть писатель, который стоит для меня отдельно. Это Редьярд Киплинг. Я это понял недавно и внезапно, хотя мечтал изучать его творчество еще в студенческие годы. Тогда это не очень позволяли: советский студент изучает “певца империализма”?! И все же меня никто не научил любить Киплинга <...> Киплинг – вполне великий детский писатель. Маугли, добрый медведь Балу, пантера Багира нам дороги, близки, понятны. Про волков и медведей писал и я» (Коваль 1989). В комментируемой повести Ю.К. выступил в роли певца если не империализма, то императора.

С. 7 ...тесу нету. Тесом называют тонкие доски, которые получают, распиливая бревно вдоль.

С. 7 Прыгнули в «газик»... Так в бытовой речи называли и называют самый популярный автомобиль повышенной проходимости в СССР – ГАЗ-69 (аббревиатура от «Горьковский автомобильный завод», хотя с 1956 года и до конца срока производства – до 1972 года – он выпускался на Ульяновском автомобильном заводе). Впрочем, «газиками» (а еще – «козликами») называли и предшественные модели – ГАЗ-64 и ГАЗ-67.

ГАЗ-69 имел открытый кузов с брезентовым тентом

С. 7 ...помчались в деревню Ковылкино. Так называлась деревня в Мордовии (с 1960 года – город), где Ю.К. во время Великой Отечественной войны был в эвакуации вместе с матерью и братом Борисом. А вот при описании быта (особенно школьного) деревни Ковылкино Ю.К. воспользовался в первую очередь собственным опытом. Этот опыт был накоплен им в тот год, когда после окончания Московского педагогического института им. В.И. Ленина будущего автора «Недопеска» распределили учительствовать в село Емельяново Лаишевского района Татарской АССР. Емельяновская «старенькая деревянная школа, по признанию самого писателя, довольно точно обрисована им в повести “Недопесок”», – со слов Ю.К. рассказывал С. Сивоконь (Сивоконь С. Веселые ваши друзья. Очерки о юморе в советской литературе для детей. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 253). См. также подборку материалов: Емельяново. Учитель // Библиотека в школе. 2011. № 12. С. 24–28.

Ю.К. с учителями и учениками Емельяновской школы. Внизу: в этом доме жил молодой учитель Ю.К.

С. 7 Там жил охотник Фрол Ноздрачев... Литературным предком этого выпивохи, «обормота» и любителя собак, кажется, был один из любимых героев Ю.К. – помещик Ноз-

древ из «Мертвых душ» Гоголя. «...у него даже был свой глагол – поноздредить», – со слов жены писателя Натальи рассказывала Татьяна Бек (Ковалиная книга. С. 392). Даже финал бесславного преследования Ноздрачевым Наполеона (добыл зайца вместо песка) можно соотнести со знаменитым рассказом Ноздрева о том, как он «сам своими руками» поймал зайца «за задние ноги». Напомним, что среди разных прочих диковинок из своего имения Ноздрев показывает Чичикову «волчонка, бывшего на привязи. “Вот волчонок!” сказал он: “я его нарочно кормлю сырым мясом. Мне хочется, чтобы он был совершенным зверем!”» (Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Мертвые души. Том первый. [М.; Л.], 1951. С. 73).

С. 7 ...гончий пес по имени Давило... Эта порода собак (ниже будет уточнено – русский гончий Давило) была выведена специально для охоты на зайцев и лис. Кличка «Давило» для гончих собак мужского пола была чрезвычайно распространена в России еще в дореволюционные времена, а намекает она на главное качество этой собаки – давить преследуемого зверя. Также популярными были клички Басило, Водило, Вопило, Душило, Колотило и прочие в том же роде. Имя «Давило» входит в перечень песых кличек из припева песни Ю.К. «Пятнадцать собак»: «Заливай, Зажигай, Гай, Давило, / Обругай, Докучай, Чай, Чудило, / Купорос, Патронташ, Плакса, Чайка, / Virtuоз, Ералаш, Балалайка».

С. 7–8 Он стоял у прилавка с двумя приятелями и смеялся... Характер Фрола Ноздрачева любил сидеть в теплом магазине с приятелями. Учитывая, что приятелей было двое, можно предположить, что помещение магазина использовалось мужским населением деревни Ковылкино в холодное время года как питейное заведение. Обычай «соображать на троих», распивая спиртные напитки, не так давно ушел из повседневного обихода, а в те времена расцветал повсеместно. Это подозрение поддерживается в повести дальше: Клавдия Ефимовна Меринова не случайно настойчиво интересуется, что делал у магазина ее супруг; плотник Меринов не случайно в ответ смущается, а Фрол Ноздрачев в магазине не случайно смотрит на Меринова «туманными глазами».

Традиционный советский жест – приглашение «сообразить на троих» – демонстрирует Шурик (актер Александр Демьяненко) в кинофильме «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (Мосфильм, 1966 год. Режиссер Л. Гайдай). Строго говоря, Шурик – в силу интеллигентности и слабого знания алкогольных порядков – жестукулирует неверно. Один человек выкладывал на борт пиджака или пальто два пальца, свидетельствуя свое желание найти двух собутыльников. После появления первого один палец убирали – в ожидании «третьего». «Соображали» втроем как

по финансовым соображениям (цена пол-литра водки позволяла в этом случае «сбрасываться» по рублю с небольшим, что было не чрезмерно обременительно), так и по чисто питейным – 170 граммов крепкого спиртного на каждого было вполне достаточно для опьянения.

С. 8 *Нехотя, без голоса, побежал Давило по следу.* На почтовой марке изображено «правильное» поведение русской гончей. В современном стандарте породы (утвержден президиумом Российской Кинологической Федерации 8 апреля 2015 г.) прямо указано: русских гончих ценят за их легендарную нестомчивость (т.е. способность бодро и неутомимо преследовать зверя) и сильный музыкальный голос.

С. 9 *Они родились в клетках и только глядели оттуда на землю – на снег и на траву.* О животных, родившихся и живущих в неволе, Ю.К., цитируя, между прочим, Некрасова, сочувственно говорил в одном из интервью 1984 года: «Я уважаю аквариум с рыбками, морских свинок и собаку в доме. Даже городская собака, в городской квартире уважаема мной. Уверен, что любовь к живому – самое главное свойство, которым должен обладать человек. Помните, когда-то еще в XIX веке “Плакала Саша, как лес вырубали”... Я и до сих пор плачу вместе с ней» (О чем мечтает писатель? Беседу с Ю. Ковалем записала Н. Новикова).

С. 9 *Когда это было, он вспомнить не мог, но холодные искры, вспыхивающие под солнцем, вкус снега и свежий, бьющий в голову вольный его запах он помнил точно.* Иррациональные чувственные импульсы, пробуждающие в герое воспоминание о потерянной родине – устойчивый литературный мотив. Можно вспомнить половецкого богатыря Отрѹка из баллады Аполлона Майкова «Емшан» (1874), понюхавшего пучок степной полыни и после этого решившего отказаться от роскошной жизни на Кавказе и вернуться в родные бесплодные степи. А можно – героя лермонтовской поэмы «Мцыри» (1839), в котором воспоминания пробудились от созерцания кавказского пейзажа:

В дали я видел сквозь туман
В снегах, горящих как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

(Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Поэмы и повести в стихах. М.–Л., 1935. С. 436).

Бегство Наполеона Третьего с фермы с бегством лермонтовского Мцыри из монастыря коротко соотнес Б. Рогинский (Рогинский Б. Пцу-пцу. Литература. Кино. Фотография. Школьный конкурс. М., 2011. С. 99).

С. 10 *...на осине сидел черный дятел, долбил дупло.* В Костер-4: «...на осине сидел черный дятел, бил в осину головой» (С. 25).

С. 10 ...сороку это только раззадорило. С дерева на дерево перелетала она над песцами и кричала на весь лес: дескать, вот они, беглецы со зверофермы, лови их, держи! Сравните в сказке-были «Кладовая солнца» (1945) М. Пришвина, на которую, как мы увидим далее, Ю.К. ориентировался в своей повести:

«...сороки отозвались ему и, перелетая с елочки на елочку с обычным их тревожным стрекотанием, мало-помалу окружили всю Слепую елань и, сидя на верхних пальчиках елок, тонкие, носатые, длиннохвостые, стали трещать, одна вроде:

– Дри-ти-ти!

Другие:

– Дра-та-та!

– Дрон-тон! – крикнул ворон сверху.

И очень умные на всякое поганое дело сороки смекнули о полном бессилии погруженного в болото маленького человечка» (Пришвин М. Кладовая солнца. Рассказы и очерки о подмосковной природе. М., 1946. С. 29).

С. 10 ...спал заяц-беляк. Он гулял-жировал... Заяц-беляк (не путать с зайцем-русаком) ведет ночной образ жизни. Его жировка (кормежка), как правило, начинается после захода солнца, а заканчивается к рассвету. Осенью и зимой заяц-беляк питается веточками кустарников, корой и побегами деревьев. Сравните в «Кладовой солнца» М. Пришвина о весне: «Это было в то время года, когда ночное животное, заяц, не ложится при первом наступлении утра, чтобы весь день в страхе лежать с открытыми глазами» (Пришвин М. Кладовая солнца. С. 23).

Куст ракиты (козьей ивы) над рекой

С. 11 ...на ветку козьей ивы... более известной как ракета. Это растение любят обгладывать козы и овцы, отсюда и происходит его видовое название.

С. 12 ...в высоких сапогах-броднях... Более известное название таких сапог – бахилы, или болотники. Высокие и мягкие кожаные сапоги-бродни с закрывающимися бедрами голенищами используют на охоте и рыбалке.

С. 12 ...кислым бездымным порохом «Фазан». Эта дешевая марка пороха пользовалась у охотников не слишком большой популярностью – предпочтение отдавалось бездымному пороху «Сокол».

С. 12 *Я тут все кругом знаю, не уйду.* В Костер-4 далее было: «Директор молчал, охотник Фрол Ноздрачев перестал для него существовать.

– Возьми хоть зайчишку, – сказал Ноздрачев. – Хозяйке в подарок!

Директор не отвечал, а бригадир Филин взвесил зайца за уши и, сказавши “жидковат”, пустился нагонять начальство.

– Эй, а как же премия? – вдогонку им закричал Ноздрачев» (С. 26).

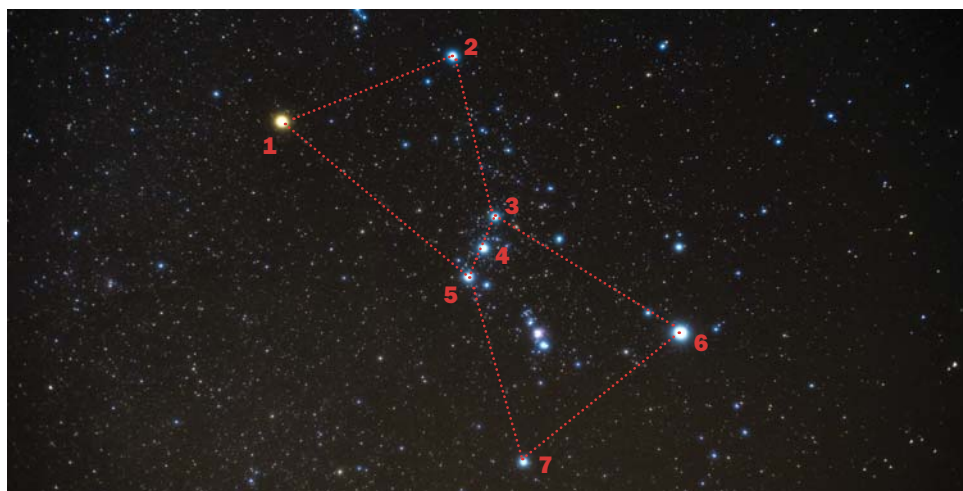
С. 13 *...робкие деревенские огоньки за лесами...* Учитывая плотность цитат из Лермонтова в «Недопеске», можно предположить, что эта деталь была взята Ю.К. из лермонтовского стихотворения «Родина»: «И, взором медленным пронзая ночи тень, / Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, / Дрожащие огни печальных деревень».

С. 14 *Из-за еловых вершушек взошла красная тусклая звезда...* и далее. В одном из интервью Ю.К. рассказывал: «Звездным небом я занялся специально, чувствуя, что просто нельзя быть безграмотным в этой области. Не в детстве, значительно позже, но уже достаточно давно. Во всяком случае, когда росла моя дочка Юля, она с моей помощью быстро познакомилась со всеми созвездиями... И теперь может сказать: “Пап, гляди, какая сегодня Кассиопея!” или “Как здорово Плеяды смотрятся!”» (Коваль 1993. С. 49).

Орион – созвездие в области небесного экватора, названное в честь охотника из древнегреческой мифологии. Приведем здесь заведомо неполную подборку цитат из поэзии и прозы отечественных предшественников Ю.К., изображавших созвездие Орион, разумеется, не настаивая на том, что автор «Недопеска» все цитируемые произведения читал – обозначить контекст нам в данном случае кажется более важным, чем указать на прямые заимствования: «Мечты души моей прелестны / Недостижимы были мне, / Как смертным Орион небесный / В неизмеримой высоте» (А. Беницкий «Печаль», 1806); «Как светлый, яркий Орион / Подвластные ему планеты освещает / И с прочими хранит гармонии закон...» (В. Дмитриев «Гармония мира», 1809); «В безмолвном утра мраке / Сияет Орион; / Но звезд царя при зраке / Бледнеет, меркнет он» (Г. Державин «Целение Саула», 1809); «Узоры те же все сплетают хоры звезд, / Красавец Орион горит все так же ясно...» (П. Якубович «Как сотни лет назад, сегодня ночь прекрасна...», 1908); «И, ставя сеть у древних стен Хавона, / В тиши ночной видали рыбаки / Алмазный торс гиганта Ориона, / Ловца зверей, любовника зари» (М. Волошин «Созвездия», 1908); «В шесть часов, тотчас же после заката солнца, увидел над самой своей головой, над мачтами, в страшно большом и еще совсем светлом небе, серебристую россыпь Ориона. Орион днем! Как благодарить Бога за все, что дает он мне, за всю эту радость, новизну!» (И. Бунин «Воды многие», 1911); «И раз пред рассветом, / Встречая восход Ориона, / Я понял / Ужас ослепшей планеты» (М. Волошин «Отроком строгим бродил я...», 1911); «Орион подьмет щит / В царствах мертвенно-безбрежных» (М. Лозинский «Полночь», 1912); «Месяц, бледнея, склонялся к западу. Орион, три поперечных звезды его низко стояли на юго-западном горизонте серебряными пуговицами, стал ближе и ярче» (И. Бунин «Игнат», 1912); «Вставал из волн / Орион, декабрем освеженный» (Г. Шенгели «В звездный вечер помчались...», 1920); «Ночью мы всегда смотрим на небо. Днем мы его не видим.

Днем оно маленькое, серое, сдавленное, перерезанное трубами, крышами, столбами, проволоками. Ночью – всегда большое, как бы ни было мало видимое нами пространство. Мы чувствуем его, огромное, прозрачное, и поднимаем к нему глаза. Нам, русским, почему-то всегда кажется, что мы должны отыскать Большую Медведицу. На что это нам – сами не знаем, но ищем озабоченно, деловито крутя шей и тыча пальцем в созвездие Ориона. Почему стараемся – никому неизвестно. Может быть, потому, что жутко ночное небо и хочется поскорее найти на нем старых знакомых, чтобы не чувствовать себя чужим и одиноким. Глядя на звездное небо, всегда думаешь о бесконечном пространстве, о вечности – о смерти и одиночестве» (Н. Тэффи «Башня», 1930-е); «Шагом героя на бранном поле / Из-за вершины встал Орион» (Д. Андреев «Святое вино», 1938); «Насколько более величественной стала бы любимая поэтами тема звездного неба, если бы они хорошо знали астрономию. Одно дело – ночь с безымянным и потому недостаточно выразительным небом и совсем другое дело – та же ночь, когда поэт знает законы движения звездной сферы и когда в воде озер отражается не какое-то созвездие вообще, а блистательный Орион» (К. Паустовский «Золотая роза», 1955); «Я терпелив, я подождать могу, / Пока взойдет за жертвенным Тельцом / Немыслимое чудо Ориона» (А. Тарковский «Телец, Орион, Большой Пес», 1958); «Подлодка, скинув море со спины, / Вновь палубу подставила муссонам, / С подветренной цепляясь стороны / Антеннами за Пояс Ориона» (Ю. Визбор «Командир подлодки», 1963).

Ю.К. продолжил эту традицию. В его прозе созвездие Орион – один из сквозных образов-символов, придающий смешным похождениям земных персонажей иной – романтический и/или метафизический масштаб. В повести «Самая легкая лодка в мире» (1984) Ю.К. признавался: «Не знаю отчего, но я всегда радуюсь и волнуюсь, когда увижу созвездье Орион. Мне кажется отчего-то, что созвездье это связано с моей жизнью. Как будто даже Орион – о, небесный охотник! – наблюдает за мной,

Созвездие Ориона и его главные звезды: **1** Бетельгейзе (красный сверхгигант, диаметр превышает солнечный в 1000 раз); **2** Беллатрикс (на латыни – воительница, одна из самых ярких звезд небосвода); три бело-голубые звезды, образующие «пояс Орион» – **3** Минтака (по-арабски – пояс), **4** Альнилам (жемчужный пояс) и **5** Альнитак (кушак); **7** Саиф; **6** Ригель

хоть и маленьким, а живым» (Коваль Ю. Самая легкая лодка в мире: повесть, рассказы. М., 1984. С. 111). В рассказе «Орион» Ю.К. изобразил свое любимое созвездие в окружении трех других: «Орион – небесный охотник, и за ним идут по ночному своду два верных пса – Большой и Малый. А где-то внизу, под ногами охотника, спряталось маленькое созвездие – Заяц» (Коваль Ю. Поздним вечером ранней весной: рассказы, повести: избранное. М., 1988. С. 236). Нельзя ли увидеть в сцене охоты Фрола Ноздрачева и его пса Давило на зайца-беляка юмористическую вариацию на тему Ориона и шутовское предсказание его появления в повести?

И. Васюченко в «звездных» фрагментах повести Ю.К. почудился «тютчевский – между строк – лейтмотив: “Сражайтесь, боритесь, о храбрые друзья, / Как бой ни жесток, ни упорна борьба! / Над вами безмолвные звездные круги, / Под вами немые, глухие гроба...”» (Васюченко И. Из колдовства и обломков. Заметки о книгах Ю. Коваля // Детская литература. 1992. № 11/12. С. 12). А М. Звягина пишет о финале главы «Веря» так: «...автор очерчивает единое пространство, где Орион-охотник гармонирует с идущими на охоту барсуками и контрастирует с человеческим голосом, напоминающим о гайках, которые нужно затянуть» (Звягина М. Поэтика прозы Ю. Коваля. Материалы к спецкурсу. С. 39). Впрочем, следует отметить, что созвездие это в повести не столько противопоставляет, сколько соединяет небесный и земной, природный и культурный миры, сравните: «Одной ногой оперся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над черными лесами звероферму “Мшага”» – в этом фрагменте ассоциации со стихотворением Мандельштама выходят на первый план («сосна до звезды достает»). Упомянутая здесь водокачка – это водонапорная башня, без которой невозможна была бы нормальная работа зверофермы, своего рода антипод ковылкинской сосны в пейзаже повести.

В фильме «Недопесок Наполеон III» звучит такая песня Ю.К. про звездное небо и знаки зодиака:

Ночные холода, холода
Полярная приносит звезда.
И выплыли из мрака
Все знаки зодиака,
Которые с нами всегда.

А ночи так длинны, так темны
И долго еще ждать до весны,
Но светят нам, однако,
Все знаки зодиака,
Внушая спокойные сны.

Водонапорная башня в деревне Кузьево
Раменского района Московской области

Внимательный читатель заметит, что в повести ни разу не упоминаются созвездия Большой и Малой Медведиц, как и Полярная звезда. Это – значимое умолчание, звездные ориентиры не нужны героям, и Наполеон, и Серпокрылов могут найти полюс по компасу, у дошкольника он на руке, а у недопеска – внутри (а полоска на носу песка сравнивается с магнитной стрелкой).

«Прилетающий» в пространство произведения в темноте человеческий голос, привносящий в текст дополнительную порцию таинственности и неожиданности (в комментируемом фрагменте эта таинственность юмористически контрастирует с прозаичностью самого вопроса про гайки) будет позднее слышаться в рассказах Ю.К. «Про них» («– Юра, Юра, про нас напиши, – снова явственно проговорил кто-то») и «Ножевик» («Совсем уже стемнело, когда я услышал издалека: – Иду-у...»).

С. 14 *О Орион! Небесный охотник...* В «Недопеске» Ю.К., по замечанию Т. Троицкой, несколько раз обращается к не самому характерному для русской литературы жанру – «гимническому». (Троицкая Т.С. Земля и небо Юрия Коваля (художественный мир повести «Недопесок») // В измерении детства. Сборник статей по материалам Международного научного семинара «Русская детская литература: национальное и региональное». Пермский государственный педагогический университет. Пермь, 2008. С. 242–243). Следующий «гимн» встретится нам в главе «Сто шестнадцатый разрывается на части» («О недопесок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех!»), затем восславлены будут «О ночь! Третья свободная ночь Наполеона» (глава «Третья ночь») и директор ковылкинской школы («О мудрый директор Губернаторов! Как опытный капитан...», глава «Второй класс глядит на Менделеева»), а последний, завершающий гимн будет посвящен верной спутнице Наполеона – перчатке: «О мотоциклетная!» (глава «Гора залезает обратно»).

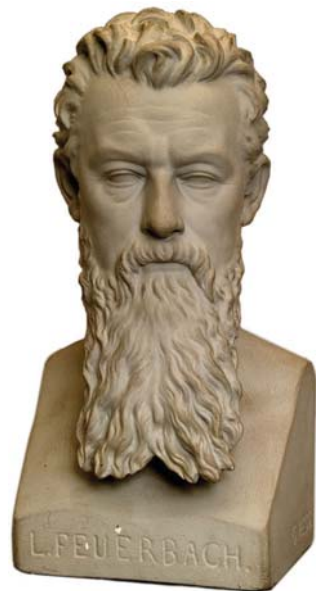
С. 14 *...прямо в лоб Тельцу...* то есть зодиакальному созвездию, лежащему на небе к северо-западу от Ориона на воображаемой небесной сфере, внутри которой мы находимся.

С. 15 *Это была последняя, как видно, барсучья ночь перед зимней спячкой.* Как правило, барсуки впадают в спячку в октябре–ноябре и спят до марта–апреля. Прекрасный знаток природы, Ю.К. в «Недопеске», изображая зверей и их повадки, часто балансировал на грани между добросовестным природоведческим очерком и сказкой с ее почти неизбежным антропоморфизмом. Именно в связи с образами барсуков в повести М. Звягина отмечает: «В “Недопеске” люди и звери в равной степени выступают героями произведения. О животных автор рассказывает так же, как о людях» (Звягина М. Поэтика прозы Ю. Коваля. Материалы к спецкурсу. С. 36). По-видимому, стилистическим образцом для Ю.К. послужила сказка-быль «Кладовая солнца» М. Пришвина (хотя, конечно, и не только она) в которой звери, не теряя своих отличительных видовых признаков, тоже иногда думают и ведут себя, как люди. См. также статью Стаса Востокова в настоящем издании (с. 116–119).

С. 15 *Снились директору... И Прасковьюшка спала неровно... Славно спал в эту ночь Фрол Ноздрачев...* Это серийное описание снов разных персонажей (с вариациями повторенное в главе «Ночь в конуре») провоцирует взрослого читателя вспомнить многие произведения русской литературы, в которых применен сходный прием: от «Белой гвардии» М. Булгакова до повести В. Аксенова «Затоваренная бочкотара» (1968). Подробнее об этом приеме см.: Щеглов Ю.К. Затоваренная бочкотара Василия Аксенова. Комментарий. М., 2013. С. 72–132.

С. 15 ...так хрпел, будто выговаривал фамилию знаменитого немецкого философа: «Фейерррр-бах! Фейерррр-бах!» Между прочим, Людвиг Фейербах (1804–1872) был заядлым охотником, то есть в каком-то смысле коллегой Фрола Ноздрачева. Упоминание его имени должно было оживить в памяти взрослого читателя в первую очередь обязательную для советских людей политграмоту. Работа основоположника марксизма Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886) входила в обязательные программы советских высших учебных заведений. Поскольку философская система Фейербаха подверглась там благожелательной критике, шутить над его фамилией не запрещалось.

Сходное обыгрывание звучания экзотической фамилии находим в повести Ю.К. «Пять похищенных монахов» (1977): «– Музыка утешает печаль, – сказал Жилец и мягко отобрал музыкальный инструмент. <...> Он <...> сложил губы бантиком и бантик приблизил к ладам-окошечкам. Гармоника удивленно прошептала: “Финкельштейн”». (Коваль 2017. С. 103)

Людвиг Андреас фон Фейербах. Скульптор Г. Гесс

С. 16 *Под утро ушел Орион за край земли, только кровавая звезда с его плеча долго еще светила над елками, тусклая звезда с таким певучим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием – Бетельгэйзе.* Название этой яркой звезды из созвездия Ориона, скорее всего, представляет собой искаженное арабское «Яд аль-Джуза» (то есть «рука близнеца» – в арабской астрономии созвездие Орион иногда называли Близнецами). Другое название звезды Бетельгейзе (Альфа Ориона) упоминается в стихотворении Арсения Тарковского «Звездный каталог» (1945). Приведем также начальную строфу стихотворения поэта-астронома Грааля-Арельского «Свершение» (1913):

Млечный путь, как исполинский гейзер,
Залил светом звездные поля...
Со звезды далекой Бительгейзе (так в тексте! – *Комм.*)
Мне видна печальная Земля.

Обратим особое внимание на эпитет «кровавая» при «звезде» в комментируемом фрагменте. С одной стороны, Ю.К. прямо указывает здесь на то, что Бетельгейзе – красный сверхгигант, то есть массивная и очень большая звезда (свыше 10 масс Солнца). С другой стороны, эпитет «кровавая» в детской повести удивляет и еще раз ненавязчиво указывает на ту двойную адресацию (и детям, и взрослым) «Недопеска», следы которой мы часто фиксируем и будем фиксировать в комментарии. Как представляется, в данном случае Ю.К. мог отсылать взрослого читателя к знаменитой детали из зачина «Белой гвардии» (1923–1924) Булгакова: «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и

особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс. Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела» (Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М., 1973. С. 13). Сама стилистика лирических отступлений в «Недопеске» отчасти напоминает стилистику этого булгаковского фрагмента (который, как и другие отступления у Булгакова, конечно, восходит к гоголевской и толстовской прозе).

С. 16 ...сухим дудником... Род травянистых растений семейства Зонтичных.

Вот так дудник выглядит зимой.

С. 16 ...Маркиз... В воспоминаниях Марины Москвиной приводится реплика Ю.К. о рождении замысла «Недопеска», в которой прототипа главного героя зовут не Машка (но и не Наполеон Третий), а как раз – Маркиз: «– А знаешь, как появился в моей жизни недопесок? – рассказывал мне Коваль. – Дело было в Новгородской губернии. Нас привели на звероферму. Там клетки – в них сидят песцы. Мои друзья: “Дайте, дайте Ковалю песца!” И мне дали Маркиза. Он корябался, вырывался, юркнул в дверь. И пошла история» (Москвина М. Навстречу мне // Коваль Ю. Недопесок. М., 2013. С. 7–8). То есть связь между аристократическими французскими именами прототипа и героя прослеживалась весьма отчетливо. Если слово «маркиз» в контексте французской истории ассоциируется со «старым режимом», то имя «Наполеон» отсылает к романтической эпохе. Понятно, почему дворянским титулом наделяется не бунтарь-Наполеон, а старый приспособленец (на официальном языке советских лагерей такие персонажи именовались «активистами» или «вставшими на путь исправления», заключенные употребляли другие термины).

Прозвище «Маркиз» носит обаятельный и артистичный, хотя и склонный к конформизму герой фильма В. Бычкова «Достояние республики» (1971), которого сыграл всенародно любимый Андрей Миронов. О значимых переключках с «Достоянием республики» в повести Ю.К. «Пять похищенных монахов» см.: Коваль 2017. С. 268.

С. 17 Седобородый глухарь заметил беглецов... «Огромная птица глухарь» упоминается и в «Кладовой солнца» М. Пришвина. Прочитируем также первую строфу стихотворения Ю.К. «Глухари» 1965 года:

Мне не нужен берег южный,
Волны радужных морей.
Я одно хочу увидеть:
Краснобровых глухарей.
(Мурзилка. 1965. № 12. С. 3)

У глухарей-самцов действительно имеется оперение наподобие бороды.

С. 18 *Третий раз в своей жизни оказался Маркиз на воле...* и далее. В повествовании о неудачном побеге Маркиза ассоциации с лермонтовским «Мцыри» уже не отдаленные, но вполне отчетливые. Оба героя бежали из «плена», оба не выдержали испытания при столкновении со свободой, оба воротились ровно через три дня в заточение. Правда, романтический Мцыри вернулся, чтобы исповедаться и умереть, а Маркиз – чтобы насладиться алюминиевой музыкой поилок и хлебнуть еще раз кормовой смеси (вспомним эпитафию к поэме Лермонтова из I книги Царств: «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю»). Мотив тоски по неволе можно найти и в финале «Шильонского узника» Байрона (1816), известного в России по переводу Жуковского (1821–1822):

И люди наконец пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать
И не помыслил я – давно
Считать привык я за одно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был,
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там всё друг,
Всё однодомец было мой:
Паук темничный надо мной

Там мирно ткал в моем окне;
За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;
Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул –
Я о тюрьме своей вздохнул.
(Жуковский В.А. Полное собрание
сочинений и писем: в 20 т. Том 4.
Стихотворные повести и сказки.
М., 2009. С. 48)

Если говорить о близких по времени перекличках, то судьба Маркиза (и шире – сюжет «Недопеска») могут быть сопоставлены с историей, рассказанной в повести Георгия Владимова «Верный Руслан» (1963–1964). Это грустное и страшное повествование о судьбе лагерной овчарки, потерявшей смысл жизни после демонтажа сталинского ГУЛАГа, не было опубликовано ко времени создания «Недопеска» (впервые за рубежом повесть была напечатана в 1975, в СССР – в 1989), однако книга Владимова весьма широко распространялась в «самиздате» и, несомненно, должна была попасть в руки автора «Недопеска», тем более что он дружил с женой Владимова, детской писательницей Ларисой Исаровой.

С. 18 *...Рислинг...* Кажется, это красивое заграничное имя (от немецкого сорта винограда и изготавливаемого из него белого сухого вина), явно данное песцу директором Некрасовым, подтверждает высказанное нами выше предположение о тайном пристрастии директора к алкоголю (не забудем, что и «Наполеон» – это очень популярная в СССР марка французского коньяка).

С. 18 *... кислый запах мерзлой кормовой смеси...* В повести Ю.К. «Шамайка» (1990, по мотивам рассказа Э. Сетона-Томсона «Королевская аналостанка») в роли пушных зверей, содержащихся в неволе, выступают кошки. Там их кормят столь же противоестественной пищей – карасевым жмыхом.

С. 19 ...а за душой нету ничего – ни клетки, ни пойлушки. Ю.К. здесь, видимо, перефразирует поговорки о бедности, вроде «за душой ни гроша, ни полушки».

С. 20 *На краю поля...* Один из многочисленных фрагментов повести, в которых Ю.К. использовал часто служащую поводом для шуток омонимию – *Наполеон / на поле он*. Впервые этот каламбур обыграл еще Державин в 1805 или 1806 году:

О, как велик, велик На-поле-он!
Он хитр, и быстр, и тверд во брани;
Но дрогнул, как к нему простер в бой длани
С штыком Бог-рати-он.
(Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 309)

С. 20 ...грузовая машина «ЗИЛ» Речь идет об очень популярном в СССР грузовике (в эксплуатации с 1963 года) ЗИЛ-130 (аббревиатура от «Завод имени Лихачева»). Иван Алексеевич Лихачев (1896–1956) тринадцать лет был директором этого завода.

Грузовик ЗИЛ-130 на дороге.
А вот шофера Шамова что-то не видно

С. 21 *Он скинул брючный ремень, связал Сто шестнадцатого...* В журнальном варианте повести дети и взрослые часто вели себя по отношению к песцам и друг к другу куда жестче, чем в книжном, а Ю.К. не стеснялся об этом прямо писать. В частности, в Костер-4 после комментируемого фрагмента следовало: «...и хотел было прихлопнуть его гаечным ключом» (С. 30).

С. 22 *Затаю – найдут, – огорченно думал Шамов...* В радиопостановке 1982 года Шамов выражает свои опасения более определенно: «А если поймают – посодют? <...> Надоть везть. А то еще посодют...»

С. 22 *Колпаки и колеса* Под колпаками здесь и далее в главе подразумеваются мотоциклетные шлемы. Остранняя их таким образом, Ю.К. усиливает сказочность нижеследующей сцены – современные мотоциклисты начинают походить на старинных шутов. Сравните в раннем сказочном стихотворении автора «Недопеска» «Король и лилипуты»: «Ели-пили лилипуты, / Примеряли колпаки».

С. 22 ...которые страшно горели над пасмурной землей. В журнальном варианте повести (Костер-4) и мотоциклисты вели себя куда бесчеловечнее, чем в книжном: «– Смотри! – заорал первый мотоциклист. – Какой-то зверь! Сшибем его!

Второй не расслышал ничего за ревом мотора, а только весело махнул рукой и направил мотоцикл прямо на беглеца, стоящего посреди дороги» (С. 30–31).

С. 23 *С перчаткой в зубах он побежал к дороге...* Добытая в бою перчатка становится трофеем Наполеона, еще раз подтверждая его принадлежность к миру благородных героев, наследников средневековых рыцарей, у которых железная перчатка была символом чести, доблести и геройства, что отразилось в обычае

бросать в лицо перчатку при вызове на поединок. Именно так поступает с жестокой возлюбленной герой баллады Шиллера «Перчатка», известной в России по переводам Жуковского (1831) и пятнадцатилетнего Лермонтова (1829). В сюжет этой баллады входит соревнование рыцаря с дикими зверями (одновременно тигром и львом – так же и против Недопеска выступают двое мотоциклистов). Мотоциклетная перчатка, тяжелая и страшная, видится самому Наполеону охотничьей добычей, но мы можем в ней разглядеть и турнирный трофей.

С. 23 *Бой с дворняжками* Битва с двумя страшными мотоциклистами тут же дублируется в сцене драки с двумя собаками, перерастающей в собачью свару, где одинокому герою впервые противостоит сплоченный коллектив. Нам еще придется встретиться с похожей ситуацией в финале повести (глава «Окружение и погоня»).

С. 23 *...слушал, как ругались мотоциклисты.* В Костер-4 далее следует: «...вытаскивая на дорогу своих ревущих коньков-горбунков» (С. 31). Ср. в связи с этим далее уподобление недопеска Жар-птице (прим. к с. 66).

С. 24 *Перчатку мотоциклетную он держал в зубах...* В Костер-4 далее следует: «...не решаясь почему-то отпустить ее на волю» (С. 31).

С. 24 *...дома с какими-то нехорошими трубочками, свисающими с крыши...* Таки-ми недопеску видятся сосульки. Ю.К. здесь меняет точку обзора, и мир предстает перед нами уже не с высоты человеческого роста и разума.

С. 24 *...Полтабуретка...* Кличка этой дворняжки соотносится с заглавием повести Ю.К. Оба слова указывают на недоовожденность персонажей, но если Наполеон еще не превратился в песца, то Полтабуретке уже никогда не достичь роста хотя бы с табуретку. За Наполеона по ошибке примут Полтабуретку в финальной части повести (глава «Окружение и погоня»). Напомним также имя одного из главных героев сказочной повести Эно Рауда «Муфта, Полботинка и Моховая Борода» (первый русский перевод вышел в 1968 году).

С. 25 – *Ку!* – заорал он, расталкивая собак сапогами. «Ку!» здесь это явно что-то вроде команды «Фу!» или возгласа изумления «Тю!», но откуда оно взялось в речи плотника Меринова, не вполне ясно.

С. 25 *Он умел рубить избы, баньки, выстругивал ульи для пчел, делал березовые табуретки.* По устному предположению Веры Семенович, в плотнике Меринове, возможно, отразились некоторые черты Вадима Силиса, который стоял у истоков замысла «Недопеска». Прочитываем фрагмент одной из позднейших записей Ю.К. о Силисе: «С ним строили мы избышку и на Долганихе, а потом на Вёлсе» (Коваль 1999. С. 212). Впрочем, в окружении Ю.К. было несколько отличных плотников. Дочь писателя Юлия Коваль рассказала нам о «виртуозе топора» Анатолии Бурове, с которым Ю.К. дружил как раз в пору работы над повестью «Недопесок». Позже Буров рубил избышку для Ю.К. на Цыпиной горе.

Профессия несостоявшегося хозяина Наполеона должна была напомнить читателям о высокомерном хозяине предшественницы и антагонистки недопеска – собаки Каштанки из одноименного рождественского (т.е. тоже приуроченного к празднику) рассказа Чехова (1887). Столяр Лука Александрыч, сообщает автор, иногда «впадал в добродушный тон, подзывал к себе Каштанку и говорил ей:

– Ты, Каштанка, насекомое существо и больше ничего. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столяра...» (Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 6. [Рассказы], 1887. М., 1976. С. 431).

Королева Соединенного королевства Великобритании и Ирландии Виктория со шпицем Тури (мальчиком) на руках

С. 26 *Английский шпиц, – подумал он...* Более распространенное название этой породы – померанский шпиц, или померанец. Вероятно, название «английский» обязано своим распространением привязанности британской королевы Виктории к животным этой породы. Померанец – миниатюрная собачка, ее максимальный рост составляет 22 см (а минимальный – 18 см). Плотник Меринов действительно «мало разбирался» в собаках – знаток никогда не спутал бы английского шпица с песком (подробнее об этом см. в статье Стаса Востокова в настоящем издании, с. 117–118; там же помещены другие фотографии английских шпицев).

С. 26 *Плотник Меринов в собаках мало разбирался, но относился к ним добродушно.* И далее. В журнальном варианте повести и плотник Меринов представлял куда менее симпатичным человеком, чем в книжном. В частности, он вовсе не собирался забирать Наполеона к себе на двор. Приведем здесь несколько ярких фрагментов из Костер-4: «Плотник Меринов в собаках мало разбирался и вообще не имел к ним сердца. Во дворе у него жила собака Пальма, но на эту Пальму плотник и вовсе внимания не обращал <...>

– Ладно, – сказал плотник. – Сейчас я тебя продам <...>

Плотник Меринов покричал еще, предлагая для смеху свой товар <...> Выйдя на крыльцо, он кинул недопеска в снег, а следом за ним и перчатку.

Наполеон Третий пришел в себя. Схвативши мотоциклетную перчатку, недопесок побежал потихоньку следом за плотником <...> Затапав огонь, плотник распахнул калитку, пошел к дому. И в этот момент решила вдруг судьба Наполеона. Он прошмыгнул в калитку следом за плотником, и зачем он это сделал, объяснить невозможно. Только лишь одно знал Наполеон: калитка точно ведет на север.

Она захлопнулась за спиной, и деревянный стук напугал Наполеона. Он повернул обратно на юг, хотел подлезть под калитку, но плотник был человек добросовестный, соорудил особый порожек, чтоб не лезла на двор случайная тварь или хотя бы кошка <...>

– Ку! – заорал плотник, изумленно глядя на Наполеона. – Шпиц английский! Тебя тут не хватало» (С. 32–33, 34).

С. 26 *Во дворе у него жила собака Пальма...* Ю.К. не придумал эту кличку специально для своей повести, так часто называли и называют деревенских дворовых, не охотничьих собак. Может быть, дело в их больших ушах, внешне отдаленно напоминающих листья пальмы (см. далее в повести)? Или в «Пальму» незаметно преобразовалось еще более популярное собачье имя – Альма? Так или иначе, славное имя «Пальма» носили сразу две советских собаки, в числе прочих своих сородичей еще до полета Юрия Гагарина побывавших в космосе (в 1958 и 1960 годах).

С. 26 *Дрессированная собачка! Кушает конфеты «Озеро Рица»!* Это рекламное объявление позволяет предположить, почему плотник Меринов принял Наполеона именно за английского шпица. Наверное, он увидел такую собачку в цирковой программе (шпицы очень хорошо поддаются дрессировке и поэтому часто выступают в цирке). Абхазское озеро Рица для плотника из деревни Ковылкино – примерно такая же экзотика, как английский шпиц. А вот дешевые шоколадные конфеты (с белой помадной массой внутри) «Озеро Рица» продавались в СССР повсеместно.

Фантики от конфеты, которые якобы должен был кушать Наполеон Третий, а в итоге скушал дошкольник Серпокровлов («Озеро Рица» выпускалось многими кондитерскими фабриками, о едином «брендировании» в СССР не думали. Показываем потому только московские «озера» – от «Красного Октября» и «бабаевские»)

С. 26 *Иди, Мерин, домой.* Продавщица Ася называет плотника немудрящим прозвищем, образованным от его фамилии, и прозвищем обидным (из соответствующего фрагмента в Костер-4 прозвище было вымарано). Мерин – это кастрированный жеребец. Поговорка «глуп, как сивый <то есть – поседевший от старости> мерин» (цитируемая, в частности, в «Ревизоре» Гоголя) выразительно демонстрирует отношение народа к умственным способностям таких лошадей. Самый знаменитый литературный мерин, хотя и не сивый, а пегий – Холстомер, герой одноименной повести Льва Толстого (1863–1885), обладал недюжинным умом, и плотник Меринов совсем даже не глуп, однако он, как безответный мерин, покорно служит своей семье – жене и дочери (см. далее главу «Большая Вера Меринова»). Литературными предшественниками этого персонажа были, прежде всего, шпыняемые женами мужские персонажи рассказов Василия Шукшина, в частности, герой знаменитого рассказа «Чудик» (1967). Напомним между прочим, что он расписал коляску маленького племянника «цветочками разными», «журавликами», «петушками» и «цыплятками» (по свидетельству Юлии Коваль, сам Ю.К. тоже расписал, как минимум, две коляски в 1960-е годы). А плотник Меринов

«разукрашивал» «деревянные ложки» «цветами и птицами» (видимо, от отца унаследовала талант художника Вера).

С. 27 ...*купил махорки-крупки*. Вид дешевого (так называемого деревенского) курительного измельченного (в крупку) табака, который заворачивался в папиросную бумагу (или даже газету) при изготовлении самокруток (цигарок), то есть самодельных сигарет без фильтра. Курение махорки (опасное для здоровья) было очень распространено в СССР, особенно в сельской местности. Продают ее и до сих пор.

С. 27 ...*а мотоциклетную перчатку в карман*. Непросто представить себе карман, пускай даже и накладной, куда могла бы поместиться мотоциклетная перчатка. В которую несколькими страницами спустя целиком – аж до плеча – войдет рука дошкольника Серпокрылова (глава «Дошкольник Серпокрылов»).

С. 27 *Сухо и тепло было за пазухой у плотника*. Обыгрывается идиома «как у Христа за пазухой». Напомним, что земной отец Иисуса был плотником.

С. 27 *Пальма* События, описанные в этой главе, могли напомнить юным читателям рассказ Николая Носова «Бобик в гостях у Барбоса» 1957 года (знаменитый одноименный мультфильм вышел уже после того, как была издана повесть Ю.К.). Если же вспоминать о большой литературной перспективе, то очень далеким предшественником этой главы, в которой странник обретает на время покой и уют, окажется история о пребывании Одиссея на острове волшебницы Цирцеи (она же Кирка). Но если Кирка для Одиссея была заменой покинутой жены, то Пальма Меринова становится для Наполеона приемной матерью, возвращающей песца к его природе, избавляющей от «жестяного» запаха (но при этом и превращающей гордого беглеца в «обычного щенка»).

С. 27 ...*вишни наши, шубинки*. Второй по популярности сорт вишни в СССР (первый – Владимирская вишня) был выведен в России еще в XIX веке. Даже спелые ягоды шубинки очень кислые, в свежем виде их не едят, а используют для приготовления варений и компотов.

С. 28 ...*мериновская корова Воря*. – в Костер-4 то ли вариант, то ли опечатка: «...мериновская корова Боря» (С. 33).

С. 28 *Это и была Пальма Меринова. Она походила на сосновый чурбак...* Эти строки юмористически предвещают лермонтовский фрагмент «Недопеска» о пальме и сосне.

С. 28 ...*развесистые уши, которые и придавали сходство с пальмой в кадучке*. Советские интерьеры – и общественные

Рисунок Оли Соболевой

(особенно больничные и поликлинические), и частные часто украшала комнатная пальма. Такие пальмы бывают двух видов – веерные и перистые (по форме листьев). К веерным относится и самый распространенный вид комнатной пальмы – финиковая. Именно на ее листья похожи уши Пальмы Мериновой на канонических рисунках Геннадия Калиновского, но мы не уверены в его правоте: вдруг Коваль имел в виду перистую пальму? Уши нашей Пальмы предполагают такое прочтение.

Слева: два типичных элемента советского городского интерьера – полированная «стенка» и веерная пальма. Справа: Федор Ермаков (он же уголовник Косой, актер Савелий Крамаров) показывает таксисту (он же старший лейтенант милиции Владимир Славин, актер Олег Видов), какое дерево (а именно – комнатную пальму) разыскивают герои фильма «Джентльмены удачи» (Мосфильм, 1971, режиссер Александр Серый)

С. 29 ...коврижки и шанежки. Существительное «шанежки» – уменьшительное от «шаньги». «Круглые пирожки, хлебцы – название особого рода лепешек из дрожжевого ржаного, ржано-пшеничного и пшеничного теста, замешанного на бараньем или говяжьим жире, имеющих внешний вид ватрушки, но не наполненных, а лишь смазанных в середине сметаной, творожно-яичной массой, творожно-гречневой смесью и т.п.» (Похлебкин В. Кулинарный словарь. М., 1996. С. 460). Ю.К., вероятно, понравилось эффектное сочетание фонем в словах [к^вр'йшк'и] и [ш^н'шк'и].

С. 29 К полуночи ударил мороз, и вокруг луны, которая вышла из сизых облаков, засияла голубая радуга. Такой оптический феномен по-научному называют галло (от древне-греческого ἄλωζ – круг, диск).

С. 30 ...чудный зверь, ни дикий, ни домашний – искусственный, выведенный человеком. В этой фразе автор проговаривает основную загадку заглавного персонажа. Как и положено романтическому герою, Наполеон всем своим существованием отвергает любые классификационные рамки, в которых привыкли описывать мир другие персонажи повести. С этим связан сквозной мотив ложного узнавания, уже намеченный в тексте: песца принимают то за дикого зверя (лису), то за домашнего (собаку). Даже ошибаясь, плотник Меринов все же видит в недопеске диковинку, выходца из городского мира (английского, т.е. в буквальном смысле слова заморского шпица, брошенного дачниками). Вера и поступает с недопеском

как с комнатной собачкой, повязывая Наполеону бантик и нарекая его «тихим» именем «Тиша». Однако Наполеон – ни то ни другое. Повествователь употребляет здесь эпитет «искусственный», вызывающий неприятные ассоциации с обманом и нежизнеспособностью (как выяснится потом – необоснованные).

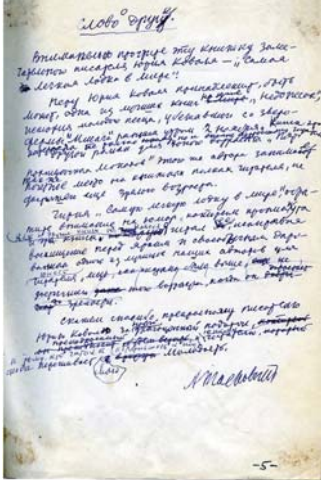
Разумеется, «Недопесок» не был аллегорией евреев, стремящихся в Израиль, как предположил бдительный Борис Исаакович Камир (см. об этом выше на с. 114). Крамольный смысл иносказания Ю.К. шире. Именно создание (в зоологических терминах – выведение породы) нового человека ставил одной из своих важнейших целей коммунистический режим в СССР. И среди критиков этого проекта уже звучали голоса, сравнивающие советского гражданина с подопытной собакой. Запрещенная в Советском Союзе повесть Булгакова «Собачье сердце» (1925) развертывала эту метафору в фантастическом жанре и в декорациях 1920-х годов. Почти лишенная фантастического элемента повесть Ю.К. отсылала к опыту его современников, свидетелей построения «развитого социализма», обеспечивавшего гражданам в обмен на послушание относительную свободу, умеренную безопасность и приблизительную сытость.

Несоветский характер повести был очевиден уже первым читателям и вызвал немедленную реакцию соответствующих инстанций. Как позже рассказывал автор, «потом дали по башке всему издательству и решили запретить не “Недопеска”, у которого, в сущности, тираж-то уже разошелся» (Ковалиная книга. С. 336), а следующую книгу Ю.К. – «Пять похищенных монахов» (хотя в конце концов и она благополучно была напечатана). При этом надо подчеркнуть: Ю.К., конечно, не был диссидентским писателем, повесть – не аллегория, и смысл «Недопеска» не сводится к фиге в кармане, основная коллизия повести остается более широкой и не связанной с конкретными историческими обстоятельствами. Позволим себе еще одну далекую ассоциацию – с героиней романа Станислава Лема 1961 года и фильма Андрея Тарковского 1972 года «Солярис» Хари, которая первоначально предстает едва ли не механизмом, созданным зловредной планетой для борьбы с героем-землянином, но постепенно превращается в настоящую женщину. Как и Наполеон, Хари наделена архетипической прапамятью, т.е. априорным знанием о тех событиях, участницей которых она заведомо быть не могла.

Как и загадку Хари, загадку заглавного героя повести будут разгадывать читатели вместе с персонажами и рассказчиком вплоть до последней фразы.

С. 30 ...*потому что стала она совсем ручной.* Каламбур («ручная перчатка») переносит отмеченный выше мотив приручения с героя на его трофей.

С. 30 *И по дороге этой вдогонку за Тельцом, отмеряя ночные часы, медленно помчался Орион.* И далее. Ю.К. наверняка знал, что согласно античной мифологии «звездный охотник» Орион преследует не всего Тельца, а входящее в состав этого созвездия звездное скопление Плеяд – прекрасных дев, дочерей океаниды Плейоны и Атланта, к которым великан Орион воспылал страстью. Этот сюжет обыгрывается в стихотворении Арсения Тарковского «Телец, Орион, Большой Пес» (1958). Здесь самое время сообщить, что Тарковский, как и Белла Ахмадулина, был большим поклонником повести Ю.К. Дочь поэта Марина Тарковская рассказывала: «...папа ска-

зал мне, когда я приехала к нему в Переделкино: “Здесь живет Юрий Коваль. Он написал гениальную вещь – “Недопесок”» (Ковалиная книга. С. 285). Приведем также фразу из предисловия Тарковского к одной из книг Ю.К., которую сам Ю.К. с гордостью вспоминает в интервью А. Щуплову и Д. Сёмушеву: «Юрий Коваль, автор книги “Недопесок”, одной из лучших книг на земле» (Коваль Ю. Свобода дорого стоит. За нее платишь незаработанным // Книжное обозрение. 1994. 22 марта).

Черновик предисловия Арсения Тарковского к книге "Самая легкая лодка в мире" (1984)

С. 30 ...она беспокожно ворочалась на высокой кровати с серебряными шарами в изголовье... Металлические кровати с металлическими же пружинными сетками стали приметой массового быта в России еще в XIX веке и были к моменту написания повести уже старомодными (в детских садах, больницах и пионерских лагерях их сменили кровати со скругленными углами спинок, а в городских квартирах – диваны разного рода). Шары (а иногда – шишечки) располагались на вертикальных боковых стойках, были никелированными и должны были уберечь человека, спящего на кровати, от слишком сильных ударов о ее металлическую спинку. Была у этих шаров и еще одна функция – эстетическая. Шары на кровати украшали жизнь ее владельца, когда он бодрствовал. Упомянуты эти шары и в написанном для взрослых читателей и до сих пор не опубликованном рассказе Ю.К. «Октябрьские скоро» (1961?), действие которого тоже разворачивается накануне празднования годовщины революции: «Она закинула наливные руки и потрогала спелые серебряные шары на спинке кровати».

Примерно так могла выглядеть кровать Прасковьюшки. Высокой ее делали перина и гора подушек, днем накрытых кружевной накидкой (справа – кадр из кинофильма «Марка страны Гонделупы», где Ю.К. играл эпизодическую роль, о чем речь пойдет дальше, на с. 200)

С. 31 *Ей снилась большая кулебяка.* Пылкий патриотический фрагмент об этом виде пирога находим у В. Похлебкина: «Термин происходит от глагола кулебячить, т.е. валять что-либо руками, мять, гнуть, сгибать, складывать, лепить тесто. Таким образом, этот глагол полностью охватывает все процессы, которые происходят при выделке кулебячного теста, требующего особых усилий и особой тщатель-

ности, без которых изделие не будет высококачественным. Часто встречающееся в популярных изданиях объяснение, что кулебяка – это испорченное немецкое *Kohlgebäck*, т.е. капустная выпечка, – абсолютная чушь, искусственно выдуманная басня, противоречащая не только хронологии, но и кулинарной логике. Кулебяки вовсе не капустные пироги, а в первую очередь – сложные и, во-вторых, преимущественно мясные и рыбные, грибные» (Похлебкин В. Кулинарный словарь. М., 1996. С. 199–200). Выдающийся языковед М. Фасмер, впрочем, не разделит бы этимологического энтузиазма Похлебкина. Он меланхолично заметил по поводу происхождения этого названия: «Трудное слово» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. II (Е – Муж). С. 409). Безусловно, привлекало Ю.К. само звучание этого необычного, яркого существительного – «кулебяка».

С. 31 *Большая Вера Меринова* Об этой своей совсем юной героине Ю.К. говорил в интервью Ирине Волковой (Скуридиной): «Вера Меринова – сложившаяся женщина» (Ковалиная книга. С. 324). Сочетаясь с именем «Вера», фамилия «Меринова» начинает восприниматься как однокоренная с существительными «мера» и «размеренность» («Семь раз отмерь, один – отрежь»; эту поговорку дошкольник Серпокрылов переиначит в главе «Бой у ковылкинской сосны»).

С. 32 *...работала в колхозе счетоводом...* То есть младшим бухгалтером. Может быть, амбициозным школьником, героем песни Юлия Кима «После контрольной» (1967) такая должность и воспринималась как резкое понижение социального статуса («Всё... / Пойду в колхоз. / Счетоводом пока. / Сто овец плюс двести коз – / Тоже математика»), однако для жителей деревни Ковылкино это, безусловно, была работа вполне престижная. Видимо, от матери-счетовода Вере досталась рассудительность.

С. 34 *Пока налегал недопесок на вчерашние щц, Вера Меринова принесла веревку, ласково, легким бантиком обхватила его за шею.* Казалось бы, Ю.К. здесь предельно смягчает ситуацию («ласково», «легким бантиком»), но оттого все выглядит еще страшнее: веревка обхватившая шею свободолюбивого Наполеона оказывается жестокой расплатой за его потворство человеческой ласке и соблазнению «вчерашними щцами», которые воспринимаются взрослым читателем чуть ли не как аналог библейской чечевичной похлебки.

С. 35 *Деревенские псы терпеть не могли Полтабуретку...* В Костер-4 далее следует жестокий (и заставляющий сразу же вспомнить о судьбе спаниеля Муму) фрагмент: «...а ее хозяин печник Волопасов, заметив свою воспитанницу, снимал с правой ноги башмак и немедленно швырял, стараясь попасть ей по голове. – Почему я ее не утопил? – спрашивал, бывало, Волопасов у своих родных и близких» (С. 36).

С. 35 *«Маленькие собаки – злые... У них жизнь не удалась».* Противостояние собаки и недопеска выражается в этом эпизоде не только в их очной схватке, но и в том, какое из двух расхожих представлений применяется к ним: малый рост

как причина жизненной неудачи (Полтабуретка), и он же, но как свойство, сопутствующее пассионарности, и, соответственно, успеху (Наполеон).

С. 35 *Пальма фыркнула добродушно: мол, не беспокойся, затесался тут один знакомый или родственник, что-то вроде племянника.* Ю.К. варьирует здесь ситуацию, ранее описанную им в цикле рассказов «Чистый Дор». Там старушка Пантелевна тоже произвела в племянники впервые встреченного ею человека: «Какая-то женщина крикнула с огорода:

– Да это не племянник ли твой из Олюшина?

– Племянник! – крикнула в ответ Пантелевна. – Он топор мне нашел.

Тут я сильно удивился, что стал племянником, но виду не подал и молча поспевал за Пантелевной.

Встретилась другая женщина, с девочкой на руках.

– Это кто березу-то везет? – спросила она.

– Племянник мой, – ответила Пантелевна. – Он топор нашел, а я думала: не лесовик ли унес?

Так, пока мы шли по деревне, Пантелевна всем говорила, что я ей племянник, и рассказывала про топор.

– А теперь он березу мне везет!

– А чего он молчит? – спросил кто-то.

– Как так молчу? – сказал я. – Я племянник ей. Она топор потеряла и думает, не лесовик ли унес, а он в малине лежал. А я племянник ей.

– Давай сюда, батюшка племянник. Вот дом наш» (Коваль Ю. Чистый Дор: рассказы. М., 1970. С. 8). М. Москвина откомментировала этот фрагмент из «Чистого Дора» так: «...он провозгласил, что человек человеку племянник» (Ковалиная книга. С. 203). И не только человек, прибавим мы. Напомнив, что существительное «племянник» происходит от слова «племя», вновь процитируем здесь строку из стихотворения Мандельштама «За гремящую доблесть грядущих веков...»: «За высокое племя людей...»

С. Веднёва отмечает, что «исторический французский император Наполеон Третий был племянником Наполеона Первого, а у Коваля *племянник* – слово-знак внутреннего родства людей и зверей» (Веднёва С. Слово Юрия Коваля. С. 188).

С. 35 *...она орала во все горло.* В Костер-4 далее следует: «...и печник Волопасов, который проходил как раз мимо, невольно подумал: “Плотник Меринов к праздникам свинью режет”» (С. 36).

С. 36 *...бродячий пес Шакалок.* Его тезка или он сам ранее был главным героем одноименного рассказа Ю.К. из цикла «Листобой»: «Около клуба мне повстречался уличный деревенский пес по прозвищу Шакалок. Он радостно кинулся ко мне, подпрыгивая от восторга» (Коваль Ю. Листобой: рассказы. М., 1972. С. 56).

С. 37 *Дошкольник Серпокрылов* Этот герой реального прототипа не имел. «Серпокрылова не было, он придуман», – говорил автор «Недопеска» в интервью И. Волковой (Скуридиной) (Ковалиная книга. С. 332). Исследователями творче-

ства Ю.К. многократно отмечалось, что дошкольник Серпокрылов предстает в повести двойником недопеска Наполеона Третьего. На дошкольника (как и на недопеска) еще не упала тень взросления, и это резко отделяет его от остальных персонажей книги, даже от второклассников, которые живут по жестким школьным правилам. Первый рецензент повести, опытная советская писательница Мария Прилежаева, охарактеризовала дошкольника Серпокрылова как «нормально одаренного слегка тщеславным воображением мальчишку» (Прилежаева М. Зачем нужно северное сияние. Веселая и серьезная книга о смелости и мечте // Комсомольская правда. 1976. 16 марта). А вот сам Ю.К. в позднем интервью определил его так: «Дошкольник Серпокрылов? Но это же Ван Гог» (Ковалиная книга. С. 324). «Мой Бог в живописи – Ван-Гог», – признался Ю.К. еще в одном интервью (Коваль 1993. С. 52).

При выборе фамилии Ю.К. как всегда не в последнюю очередь оглядывался на ее звучание, подчеркивающее сродство героев: сравните одинаковое количество слогов и расстановку ударений в перекликающихся словах «недопесок» и «Серпокрылов» (в эту триаду можно еще включить главного оппонента дошкольника – директора зверофермы Некрасова, чья фамилия, впрочем, на слог короче серпокрыловской). Не менее важно то, что иногда называют «внутренней формой», – ассоциации, которые вызывает фамилия героя. Серп связан с сельским, крестьянским, земным бытом и одновременно является частью официальной символики (если на офицерской фуражке героя имелась кокарда, то ее украшал герб страны, в состав которого входило изображение серпа). Крыло, напротив, связано с темой полета, неба, свободы.

Проиллюстрируем свои наблюдения двумя работами Винсента Ван Гога – «Жнец с серпом (копия Милле)», 1889 и «Четыре стрижа и эскиз пейзажа», 1887

Несмотря на редкость, фамилия эта – реальная. Полный тезка героя Алексей Серпокрылов (член партии с 1924 года, всю героическую жизнь проведший в битвах и завещавший похоронить себя непременно в красном гробу) фигурирует,

А вот так выглядел в детстве (точнее, в 13 лет, в 1866 году) Винсент Ван Гог

например, в довольно слабом патетическом рассказе неплохого детского писателя Юрия Яковлева «Жизнь коммунара», опубликованном в журнале «Огонек» в 1961 году (№ 41, октябрь. С. 26–28). Юлия Коваль вспоминает устный рассказ отца о том, что фотография студента с фамилией Серпокрылов красовалась на Доске почета в главном здании Московского Государственного педагогического института им. В.И. Ленина.

Нужно еще добавить, что весьма сходную фамилию носит один из главных героев трилогии Константина Симонова «Живые и мертвые» (1955–1971) – генерал Серпилин, советскому человеку того времени более известный по одноименной экранизации А. Столпнера 1964 года (где генерала Серпилина неожиданно сыграл комедийный артист Анатолий Папанов; героическое органично соединяется с комическим и в дошкольнике Серпокрылове). Поскольку Симонов

был тогда почти сакральной фигурой – писателем, всячески обласканным советским государством, это отчетливое сходство вызвало недовольство Б.И. Камира. В интервью И. Волковой (Скуридиной) Ю.К. рассказывал: «Он говорит: Здесь у вас сплошные намеки. Вы даже как будто посягаете на Константин Михальча Симонова. Я говорю: А что на него, собственно... <...> А у него Серпилин есть герой, а у меня дошкольник Серпокрылов» (Ковалиная книга. С. 324). Так или иначе, вся глава «Дошкольник Серпокрылов» изобилует пародиями на штампы из книги и кинофильмов о Великой Отечественной войне: «с винтовкой наперевес», «шепнул своим разведчикам», «Возьмем их в клещи!», «Будто лавина, обрушились разведчики на врага», «После боя установилась над землей тишина. Такая тишина, какой не услышишь в мирное время. Но это была обманчивая тишина», «...майор Серпокрылов сразу оценил обстановку», «Град огня и снарядов обрушился на врага», «– Я – солдат! – скромно ответил полковник Серпокрылов», «хотел продолжать путь боевых подвигов», «Победные флаги трепетали над головой». Увлеченная игра дошкольника Серпокрылова в этой главе в полководца на поле битвы еще больше сближает его с недопеском Наполеоном.

С. 37–39 ...солдат Серпокрылов... Сержант Серпокрылов... старшина Серпокрылов... лейтенант Серпокрылов... капитан Серпокрылов... майор Серпокрылов... полковник Серпокрылов... над головой генерала Серпокрылова. Наполеону Бонапарту приписывается обычно афоризм «Каждый французский солдат носит в ранце маршальский жезл» (у Серпокрылова, как мы узнаем позже, имеется в кармане что-то похожее на этот знак отличия – носик от чайника).

Жезл наполеоновского маршала (а впоследствии – участника антинаполеоновской коалиции), сына беарнского адвоката и основателя современной шведской королевской династии Жана-Батиста Жюля Бернадота (1763–1844), с 1818 года – короля Карла XIV Юхана. Он начал службу солдатом в 1780 году. До конца жизни Бернадот так и не научился толком говорить по-шведски; рассказывают, что после его смерти на руке покойника обнаружили татуировку «Смерть королям!»

В экранизации повести стремительное воображаемое восхождение по лестнице воинских званий удачно передано в финале песни Серпокрылова:

Я буду сражаться отважно
С огромной ледовой горой
И стану однажды,
А может, и дважды,
А может, и трижды,
А то и пятижды,
Семижды, восьмижды,
Одиннадцатикратно,
Одиннадцатикратно герой!

Эта словесная игра могла показаться не вполне невинной: в год выхода фильма на экраны тогдашний руководитель советского государства получил третью Звезду Героя СССР, что вскоре стало предметом анекдотов. Л.И. Брежнев сравнялся тогда по количеству этих высших степеней отличия с героем Гражданской войны С.М. Буденным, а в 1981 году он станет четырежды героем, догнав «маршала Победы», главного военачальника и орденоносца Великой Отечественной войны Г.К. Жукова.

Сравните также в повести-сказке Эдуарда Успенского «Вниз по волшебной реке» (1972):

«– Вот что, десятник, возьми-ка ребят поздоровее и заведи вот этого, который на моем троне! – приказал царь.

– Почему десятник? – удивился Кощей. – Кто сказал «десятник»? Сотник, ко мне!

– Как – сотник? Разве он сотник? – спросил Макар.

– Нет, конечно, – ответил Кощей. – Неужели он похож на сотника? Такой бравый парень! Тысячник – вот кто он с этой минуты! Тысячник, сюда!

– Тысячник, сюда! – закричал царь.

Удивленный стражник повернулся к царю.

– Миллионский, назад! Да что там миллионский, миллиардский, ко мне, шагом марш! – приказал Кощей» (Успенский Э. Вниз по волшебной реке. М., 1972. С. 42).

С. 37 ...папашу, уважаемого слесаря... В этой характеристике объединены излюбленные словечки двух любимых Ю.К. советских прозаиков 1920–1930-х годов – Зощенко и Бабея.

С. 37 ...стараясь подстрелить какого-нибудь вражеского разведчика или адъютанта... Одновременно адъютантом (вражеским) и разведчиком (невражеским) был герой пятисерийного телевизионного фильма «Адъютант его превосходительства» (Мосфильм, 1969. Режиссер Е. Ташков).

С. 37 ...почтальон дядя Илюша, который мгновенно был ранен в ногу <...> Прихрамывая, дядя Илюша двинулся по деревне. Вся глава строится как использование (преображение) дошкольником Серпокрыловым встречающихся

ему на пути реалий деревни Ковылкино в своей военной игре. Интересно, что реалья, преображенная в комментируемом эпизоде, может остаться читателем незамеченной – прототип дяди Илюши, живший в селе Емельяново, был хромым. «...действительно работал у нас на почте дядя Илюша Ермаков хромой (с войны пришел раненый)», – вспоминает жительница этого села Анна Федоровна Семенова (<https://community.livejournal.com/suer-vyer-/183720.html>). Поэтому дошкольник и «ранит» почтальона в ногу – теперь его хромота будет оправдана метким выстрелом «сержанта Серпокрылова» (а во второй раз он промахивается, потому что дядя Илюша хромота только на одну ногу). Почтальон дядя Илюша был эпизодическим персонажем рассказа «Шакалок» из цикла Ю.К. «Листобой».

С. 37 *Надо тебе надевать маскировочный халат!* Эта реплика воевавшего дяди Илюши, знающего, что на снегу используют маскировочные халаты, будет мгновенно усвоена дошкольником и использована им в следующем эпизоде (с белыми гусями, «одетыми» в «красные сапоги» и «маскировочные халаты»).

С. 38 *...в сторону силосной ямы.* Подземного или полунадземного сооружения, используемого в деревнях для заквашивания и хранения сочных кормов – силоса.

С. 38 *...за которым разгорелся невиданный бой.* В Костер-4 далее следует фрагмент с еще одной хрестоматийной цитатой из Лермонтова (из его «Бородина»): «Здесь смешались в кучу кони и люди.

– Выручай наших! – послышалась команда. – Ребята, не подведите своего майора! Рубай их!» (С. 37).

С. 39 *«Может, это помесь собаки с лисой? Лисья собачка? Лисопес... Лисица-псица!.. Лисец...» – Песец!* Дошкольник правильно определяет природу Наполеона, вслед за старшей Мериновой. Но если у счетовода это было следствием жизненного опыта (она бывала на ферме и видела «и песцов, и чернобурых лис»), то Серпокрылов открывает истину поэтически, благодаря перебору близких по значению и звучанию слов.

С. 40 *...взречь мотоциклом «Ява»...* А вот эта неброская временная примета взята из конца 1960-х – начала 1970-х годов. Именно тогда мотоциклы марки «Ява» («Jawa») стали самыми популярными в СССР. Производились они в Чехословакии и были чудесно го вишневого цвета.

В Костер-5 после упоминания мотоцикла «Ява» следовал такой фрагмент: «...или хотя бы заорать петухом, но он боялся напугать зверя, бегущего перед ним. Зато на лице дошкольника отражались все эти три желания: то прищурился он кавалерийский глаз, то нахмурился агрономом, а то вдруг отражался на его лице пестрый петух, сидящий на заборе» (С. 8).

В 1970-е годы мотоцикл «Ява» делал своего обладателя практически неотразимым для девушек

С. 40 ...искусственного, платинового, выведенного в клетке! Что там бьется у него в груди – сердце или моторчик, заведенный на время человеком? Очередное напоминание о загадке Наполеона Третьего сопровождается намеком на одну из первых советских песен – «Авиамарш» (начало 1920-х годов, композитор Ю. Хайт, слова П. Германа):

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.
(Русские советские песни. М., 1977. С. 80).

В связи с темой механического сердца читатель мог вспомнить и другого августейшего героя советской литературы – наследника Тутти из сказки Юрия Олеши «Три толстяка» 1924 года (по творчеству Олеши будущий автор «Недопеска» писал курсовую работу, когда учился на историко-филологическом факультете педагогического института). Прочитаем финал этой повести, где нам встретятся одновременно мотивы заточения и искусственного сердца. Это – записка, оставленная таинственным умирающим человеком, содержавшимся в клетке зверинца:

«Вас было двое: сестра и брат – Суок и Тутти. Когда вам исполнилось по четыре года, вас похитили из родного дома гвардейцы Трех Толстяков. Я – Туб, ученый. Меня привезли во Дворец. Мне показали маленькую Суок и Тутти. Три Толстяка сказали так: “Вот видишь девочку? Сделай куклу, которая не отличалась бы от этой девочки”. Я не знал, для чего это было нужно. Я сделал такую куклу. Я был большим ученым. Кукла должна была расти, как живая девочка. Суок исполнится пять лет, и кукле тоже. Суок станет взрослой – хорошенькой и печальной – девочкой, и – кукла станет такой же. Я сделал эту куклу. Тогда вас разлучили. Тутти остался во Дворце с куклой, а Суок отдали бродячему цирку в обмен на попугая редкой породы, с длинной красной бородой. Три Толстяка приказали мне: “Вынь сердце мальчика и сделай для него железное сердце”. Я отказался. Я сказал, что нельзя лишать человека его человеческого сердца. Что никакое сердце – ни железное, ни ледяное, ни золотое – не может быть дано человеку вместо простого, настоящего человеческого сердца. Меня посадили в клетку, и с тех пор мальчику начали внушать, что сердце у него железное. Он должен был верить этому и быть жестоким и суровым. Я просидел среди зверей восемь лет. Я оброс шерстью, и зубы мои стали длинными и желтыми, но я не забыл вас. Я прошу у вас прощения. Мы все были обездолены Тремя Толстяками, угнетены богачами и жадными обжорами. Прости меня, Тутти, что на языке обездоленных значит – “разлученный”. Прости меня, Суок, что значит – “вся жизнь” ...» (Олеша Ю. Три толстяка. М.-Л., 1928. С. 187–188).

С. 41 С каждым шагом увеличивалось на его груди количество орденов и все ближе был Северный полюс. Заметим попутно (связывая «многожды»-героическую тему с походом дошкольника на Северный полюс), что звание Героя Советского Союза было учреждено в 1934 году, когда летчики Анатолий Ляпидевский, Сигизмунд Леваневский, Василий Молоков, Николай Каманин, Маврикий Слепнёв,

Михаил Водопьянов и Иван Доронин спасли членов полярной экспедиции на пароходе «Челюскин». 13 февраля 1934 года пароход был раздавлен льдами и затонул, сто четыре его пассажира успели высадиться на льдину. С 5 марта по 13 апреля все они были перевезены на материк, а летчики, сумевшие осуществить эту эвакуацию, стали первыми Героями СССР.

С. 41 *Колеса, которые видит старик Карасев* Судя по интервью Ю.К. 1986 года, у этого загадочного персонажа, как и у печника Волопасова (см. выше и ниже) имелся реальный одноименный прототип: «...сидел я на лавочке со стариком Карасевым, деревенским колдуном, тут подошел печник Волопасов и спросил: “Ну, что, дедок, ты вправду, что ль, колдовать умеешь?” “Колдуем помаленьку”, – ответил старик. Невелик был труд сообразить, что старик необходим повести» (Тарощина С. Наполеон III и другие. С. 7). Фамилию «Карасев» носил один из старших друзей Ю.К., егерь из деревни Федоровка Калининской области (Коваль 1993. С. 49).

Анатолий Гелескул. Портрет работы Юрия Ковалья

Однако основным прототипом заглавного персонажа комментируемой главы стал знаменитый переводчик с испанского и польского языков Анатолий Михайлович Гелескул (1934–2011), купивший себе дом в вологодской деревне Оденьево (в этой деревне некоторое время жил и Ю.К.). Приведем фрагмент воспоминаний о Гелескуле Е. Стрельниковой: «О нем самом ходили странные слухи. Он слыл и за чудака, и за провидца. Дом его на краю деревни на высоком холме виден отовсюду. Гелескул много работал по ночам, и свет в его окошке смущал деревенских. Чем это можно заниматься по ночам, когда спят добрые люди? <...> Слухи о его “колдовских” способностях начались с пропажи телянка. Хозяин искал телянка до ночи и, встретив Гелескула по до-

роге на Цыпино, спросил, не видал ли тот пропажи. Анатолий Михайлович был близорук, телянка не видал, а махнул рукой в сторону леса. Мужик пошел на этот взмах и нашел своего телянка. Пронесся слух про “колдуна”, который может находить заблудившуюся скотину. Анатолий Михайлович не разочаровывал деревенских разоблачениями, а напротив, стал давать советы и принимать, так сказать, для порядка, подношения от благодарных. Говорили, что приходили к нему даже за приворотным зельем» (<http://www.ferapontovo.ru/index.php3?id=361>).

Под цветными колесами Ю.К., по его позднему признанию, подразумевал ауру человека, то есть материальное проявление его души. Увлеченная астрологией Наталия Ермильченко вспоминает. «Я спросила, видел ли он ауру; мне казалось, что он просто не мог ее не видеть.

– Ауру? Конечно! – ответил он. – Я даже дал описание ауры!

– Где?

– Ну, классику можно было бы и почитать, – усмехнулся он.

Оказалось, речь шла о “колесах”, которые видел старик Карасев» (Ковалиная книга. С. 224). См. также статью этого автора о Ю.К. в астрологическом журнале:

Ермильченко Н. Слово и жизнь // Урания. 1995. № 6. С. 46–51. Неудивительно, что глава о колесах вызвала у цензоров и редакторов недовольство – тем более что колеса Ю.К. подозрительно походили на нимбы. Инна Скороходова писала в воспоминаниях о Ю.К.: «На стадии подготовки рукописи возникли сложности – “непроходимые места”. Мы говорили с Юрой о старике Карасеве <...> При объяснении необъяснимых вещей такие серьезные понятия, как аура, чакры, астрал, не применялись» (Ковалиная книга. С. 131, 132).

Входившие в моду в 1970-е гг. разговоры о паранормальных явлениях (где инопланетяне соседствовали с биополями и тайнами древних цивилизаций) затронули и автора «Недопеска». Не рискуя ни в коей мере сводить это место повести к определенному источнику, укажем все же на писания русской авантюристки, беллетристки и создательницы эзотерической доктрины Елены Блаватской (1831–1891), сочинения которой охотно обсуждали советские кухонные мистики. Кстати, у нее мы найдем не только упоминание ауры, но и концепцию Северного полюса как прародины «первой расы» людей (на протяжении последнего столетия эта идея неизменно привлекала к себе разнообразных сторонников «арийского мифа»).

В песне о деревне Ковылкино из фильма «Недопесок Наполеон III», слова которой написал Ю.К., Карасев удостоился отдельного упоминания:

Вдали от райцентра и главных дорог,
Где снег по оврагам особо глубок,
И где в связи с этим царит тишина,
Деревня Ковылкино размещена.

Покажет вам всякий деревенский болтун,
Избу, где живет деревенский колдун.
Таким уж чудным родила его мать,
Он сызмальства любит чуть-чуть колдовать.

Интересно, что во многом сходные с теми, что возникают в «Недопеске», цветочные метафоры (хотя и не отсылающие к сверхъестественному) можно обнаружить еще в одном произведении, опубликованном в Советском Союзе в те годы – в романе Виля Липатова «И это все о нем» (1974). В одной из сцен романа следователь Александр Матвеевич Прохоров приходит к слепому учителю Викентию Алексевичу Радину:

«– Деревня есть деревня, – улыбнулся Радин. – Мне ведомо, Александр Матвеевич, что вы пристально занимаетесь личностью моего безвременно погибшего ученика и друга. Значит, хотите знать и мое мнение. Так вот! Столетова я воспринимал как красный цвет... <...> Вы, наверное, обратили внимание, Александр Матвеевич, на разноцветные салфетки, занавески, стены... – сказал он. – Это сделано для того, чтобы я мог ориентироваться по цвету... Сейчас я густо чувствую розовость

Елена Петровна Блаватская
как бы говорит нам:
«Опасайтесь лысых и усатых!»

салфетки, и, знаете, меня неудержимо тянет пощупать ее. Так за чем дело? Пощупаю! Если вам это интересно, Александр Матвеевич, то... Андрея Лузгина я воспринимаю как голубой цвет, технорука Петухова вижу серым, Людмилу Гасилову – зеленой, Анну Лукьяненко – бордовой, Соню Лунину – розовой... <...> Гасилов мною в цвете не воспринимается!» (Липатов В. И это все о нем. М., 1975. С. 62–63).

С. 41 *Печник Волопасов...* Ю.К. не забывает про сквозную для повести тему звездного неба. Печник у него носит фамилию, напоминающую не только о пастухах, но и о названии созвездия в северном полушарии неба – Волопас.

С. 42 – *Колдуем помаленьку*, – ответил на это старик Карасев. и далее. Сравним с одним из полушутливых рассказов Ю.К. о Гелескуле:

«Не слишком-то рано, но все-таки рано утром отправились с Вадимом на охоту. Уже спустившись с Горы, увидел я вдруг Гелескула, стоящего на крыльце своего дома. Он провожал нас, так сказать, взглядом.

– Спать пора, Толя, – крикнул ему я.

Он махнул рукой в ответ и пробормотал что-то.

– Давай с нами на охоту, – крикнул я с некоторой насмешкой.

Он опять махнул и пробормотал. Охота у нас оказалась никудышной. Вадим стрельнул один раз, а я девять и все девять безобразно промазал. Восемь выстрелов я все радовался редкому и чудесному охотничьему дню, а уж на девятый сразу вдруг и окончательно огорчился. Возвращались полями на Гору, и Вадим сказал:

– Это Гелескул наколдовал.

Мы перебрали все, все взвесили, вспомнили, как он ел зайца у нас в гостях, как стоял на крыльце и махал и бормотал, и поняли, что это так» (Коваль 1999. С. 52–53).

С. 42 *...сколько у нее в доме народу, да куры, да корова, да поросята, да праздники впереди.* Современному читателю это может показаться странным: зачем корову и поросят кормить купленным в магазине хлебом? Между тем, такая практика повсеместно бытовала в советское время. Колхозы и совхозы закупали для скотины комбикорма, произведенные советской промышленностью в соответствии с пятилетними планами. Частные хозяйства колхозников (их еще стыдливо именовали «приусадебными», хотя никаких усадеб у крестьян не имелось, но слово

Рисунок Вари Варнавской

«частный» вызывало нехорошие ассоциации с капитализмом) – эти хозяйства никакими планами не учитывались, хотя именно они в значительной мере компенсировали дефицит продовольствия. Поэтому приобрести корм для своей скотины сельские жители не могли. А вот цена на хлеб регулировалась тем же государством и была стабильной и низкой. Так что когда вы услышите в очередной раз, как хорошо было жить в СССР, смело можете ответить так: «Особенно коровам и свиньям, ведь они тогда питались белыми булками».

С. 43 *Вроде что-то намечается синеватое! Да это не собака!* Возможно двойное прочтение: может быть, Карасев просто обратил внимание на редкий платиновый мех Наполеона, а может – внутренним зрением распознал его истинную природу, объединяющую недопеска с человеческим и космическим мирами (сравните выше о лунном гало).

С. 44 *В шапке «пирожок», в овчинном полушубке романовской дубки...* В отличие от пыжиковой директорской шапки, упоминание о шапке «пирожке» не вызвало нареканий бдительных редакторов, а ведь шапки такой формы (часто из пыжика) тоже были облюбованы советским партийным начальством. Носил такую шапку и первый секретарь ленинградского обкома КПСС (с 1970 года) Григорий Романов, в отличие от полушубка, изготовленного из выдубленной шкуры овцы романовской породы. Эта порода к партийному секретарю никакого отношения не имела, она была выведена на овчинно-меховых фабриках, располагавшихся около волжского города Романова-Борисоглебского (с 1918 года – Тутаев). «Пирожок» выдает в незнакомце горожанина, как выражались в XX веке, *умеющего жить*.

С. 44 – *Тьфу!* – *плюнул старик Карасев.* – *Салатовое!* Казалось бы, салатный, то есть светло-зеленый, цвет не должен вызывать такой реакции. Старик Карасев отзывается, видимо, на «искусственные» ассоциации, связанные с этим колером. Это слово было в первой половине 1970-х годов еще относительно новым, пришедшим из галантерейного, связанного преимущественно с женской одеждой, мира.

С. 44 *Техничка Амбарова...* «Устаревшую» и «обидную» дефиницию «уборщица» Ю.К. заменил «новейшим» словом «техничка» (так действительно называли обслуживающий персонал в некоторых советских учреждениях и во всех без исключения школах), однако в качестве компенсации наделил этот персонаж фамилией, происходящей от устаревшего слова «амбар» (холодное складское помещение). Юлия Коваль подказала нам, что фамилию «Амбарова» носила жена одного из друзей Ю.К.

С. 44 *Движок барахлит. Току нету!* Эта деталь сообщает читателю, что деревня Ковылкино (как и многие другие советские деревни того времени) не была подключена к единой электрической системе и обходилась дизель-генераторами.

С. 44 *...кричали Белов и Быкодоров из четвертого класса.* Эти персонажи, появляющиеся в «Недопеске» исключительно парой, – типичные «двое из ларца, одинаковых с лица», могучие, туповатые и склонные к разрушительным действиям. Быкадором на Дону называли мясника. К очевидным параллелям из фольклора (Фома и Ерема) прибавим знаменитых Бутенопа и Глазенапа из «Военных афоризмов» Козьмы Пруткина:

Но враги уж отступают,
В их сердца проник озноб –
Посмотри, как их пугают
Глазенап и Бутеноп.

Стой! Шабаш! Языци сдались,
Каждый стал России раб –
Посмотри, как запыхались
Бутеноп и Глазенап.
(Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1974. С. 106)

В изданной в 1971 году повести самого Ю.К. «Приключения Васи Куролесова» также изображались глупо дразнящие главного героя «брatья Барановы» (Коваль 2017. С. 11).

Нужно еще упомянуть, что одним из лучших друзей Ю.К. был художник Виктор Белов (1938–2014). Его воспоминания об авторе «Недопеска» см.: Ковалиная книга. С. 399–409. А если отвлечься от негативных черт «двоицы» и сосредоточиться на их непоседливости, предприимчивости и озорстве, то не обойтись без упоминания еще одного произведения Ю.К., хотя и более позднего, – сценария мультфильма «Плюх и Плих» (ТО «Экран», 1984, режиссер Натан Лернер). В мультфильме, снятом по мотивам стихотворения немецкого поэта Вильгельма Буша в переводе Даниила Хармса, действуют сразу две пары незадачливых авантюристов – собственно щенки Плюх и Плих и их хозяева, братья Пауль и Петер.

С. 44 – Дззззззз... – зазвенела Вера Меринова. Параллель к этому эпизоду со словавшимся школьным звонком и его заменой звукоподражанием – сцена из рассказа Виктора Драгунского «Смерть шпиона Гадюкина» – Дениска потерял велосипедный звонок, который должен был имитировать звонок телефона в школьном спектакле: «...мальчик в черном костюме схватился за волосы и сказал, глядя на меня с умоляющим выражением лица:

– Сейчас, наверно, позвонит телефон! Вот увидите, сейчас позвонит телефон! Сейчас позвонит!..

И тут меня осенило. Я высунул голову на сцену и быстро сказал:

– Динь-динь-динь!» (Драгунский В. Рыцари и еще 60 историй. Собрание Денискиных рассказов. М., 2017. С. 114).

С. 44 ...закричал учитель рисования Павел Сергеевич... Мы уже отмечали, что, для рассказа о ковылкинской школе Ю.К. пригодился собственный учительский опыт, приобретенный в 1962 году в селе Емельяново. В интервью Ирине Волковой (Скуридиной) он вспоминал: «...я работал в школе и был преподавателем самых разных предметов. Самые разных – география, история, русский, литература, пение и все такое» (Ковалиная книга. С. 316). Рисования, среди «всего такого», Ю.К. здесь не перечислил, однако в другом интервью он признался: «В «Недопеске» есть образ учителя Павла Сергеевича. Я <...> имел в виду как бы себя. Я преподавал рисование, и в повести описан мой урок» (Коваль 1993. С. 53). См. также цитату из воспоминаний Ю.К. в нашем ком-

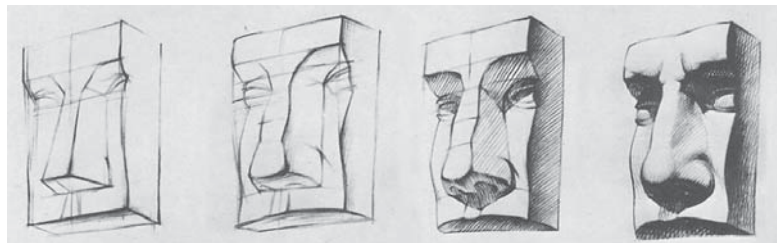

Юрий Коваль на фоне своих работ

ментарии чуть ниже. Стоит напомнить, что автор «Недопеска» проявил себя не только как литератор, но и как скульптор, живописец и график.

С. 44 *«Таланты! – говорил о них Павел Сергеевич. – Петровы-Водкины!»* Характерно, что учитель вспоминает не канонических художников-реалистов вроде И. Репина или И. Шишкина (как сделали бы 99 из 100 настоящих школьных учителей той эпохи), а единственного широко тиражируемого в советское время русского живописца, причастного к культуре авангарда начала XX века. Хотя Ю.К. действительно очень любил картины художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина (1878–1939), здесь ему, кажется, еще и хотелось пошутить – комический эффект прежде всего создается за счет использования множественного числа, образованного от двойной фамилии. Не исключено, что смешной автору «Недопеска» казалась сама фамилия художника, в которой сверхчастотный и скучный «Петров» через черточку соединен с брутальным «Водкиным» (тот же эффект, между прочим, возникает и от сочетания «Белова» с «Быкодоровым»). В позднем романе для взрослых «Суер-Выер» Ю.К. изобразил случайный выстрел в дефис между двумя половинками фамилии матроса Петрова-Лодкина: «Дым дуплета сшиб пилотку с кочегара Ковпака, а сама дробь в кабана никак не попала. Она перешибла черточку в фамилии Петров-Лодкин. Первая половинка фамилии – а именно Петров – подлетела в небо, а вторая половинка – Лодкин – ухватила Петрова за ногу, ругая лоцмана последними словами, вроде “Хрен голландский”» (Коваль Ю. Суер-Выер. М., 1998. С. 57–58).

С. 44–45 *Вдруг доставал из кармана огромный гипсовый нос или приносил в рюкзаке лошадиный череп.* То есть и предыдущие занятия учителя рисования строились на литературной основе – подготавливая второклассников к восприятию «Носа» Гоголя и «Песни о вещем Олеге» Пушкина (не обязательно на школьных уроках). Гипсовый нос – традиционная модель в классах рисования, чего не скажешь о лошадином черепе. Неожиданные способы привлечения учеников к материалу занятий использовал любимый учитель самого автора «Недопеска» – Владимир Николаевич Протопопов (см. повесть «От Красных ворот». Самая легкая лодка в мире: повесть, рассказы. М.: Молодая гвардия, 1984.).

Вот в такой последовательности предлагают рисовать гипсовый слепок носа в учебниках

С. 45 *Черные грачиные гнезда на березах накрылись белыми колпаками.* Обратив специальное внимание на еще один, уже третий в повести колпак (после колпаков мотоциклистов и колпака над лампой в ковылкинском магазине – «...лампа со скрипом раскачивалась на проволоке под железным колпаком» (глава «Бой с дворянками»)), приведем здесь еще один фрагмент воспоминаний Ю.К. о его учительствовании в Емельянове.

«На всю жизнь запомнились степи, изрезанные оврагами, старенькая школа под огромными березами, на которых по весне, ремонтируя старые гнезда, устраивали свою жизнь грачи. Уроки наши проходили под несмолкаемый грачинный грай... А вел я литературу и русский язык, историю и географию, рисование и пение, в общем, заполнял все “пустоты”, какие только могли возникнуть в сельской школе, удаленной от столицы, от больших городов» (О чем мечтает писатель? Беседу с Ю. Ковалем записала Н. Новикова).

С. 45 ...*сосна стояла не шевелясь, подпирала мудрой головой серое ковылькинское небо.* Эта гипербола вновь возвращает читателя к гиперболе из стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...» («И сосна до звезды достает») и окончательно превращает сосну из повести Ю.К. не только в «лермонтовскую» – романтическую, но и в «мандельштамовскую» – лагерную.

С. 45 ...*написал Лермонтов стихотворение...* Напомним, что это – перевод стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» (1827). Мы уже упоминали, что Павел Сергеевич стоит среди героев повести особняком (в этом отношении он не только двойник автора, но и еще один двойник Наполеона). Учитель – явно чужой человек в деревне Ковылкино, выходец не просто из городского мира, но и из мира интеллигентской русской культуры: его выдают и любовь к Петрову-Водкину, и далекий от скучных школьных правил педагогический стиль. Стихотворение Лермонтова, вспоминающееся ему при взгляде на сосну, окрашивает это одиночество учителя в высокие романтические тона.

В повести стихотворение цитируется с характерной ошибкой (вместо лермонтовского стиха «Одета, как ризой, она» у Ю.К. читаем: «Как ризой, одета она»). Вряд ли эта перестановка важна, но нам кажется принципиально неверным исправление, которое внесли редакторы посмертного издания (Коваль Ю. Недопесок. М., 2011). Павел Сергеевич цитирует, не сверяясь с текстом, как не сверялся с ним, видимо, и автор. Не стоит без спросу поправлять ни авторов, ни героев.

С. 47 ...*слово взял Коля Калинин.* Жительница села Емельяново А. Семенова вспоминала: «Коля Калинин, это ученик Ю.И., жил он в деревне Владимировке, а в старшие классы ходил в нашу школу» (<https://community.livejournal.com/suerveruer-/183720.html>). И вновь Ю.К. верен своему принципу: в сочетании предельно простых имени и фамилии читатель должен услышать музыку звукового повтора.

С. 47 *Поэт пишет стихотворение о сосне, а сам думает, конечно, о своей судьбе, о других людях.* В этой реплике близкого автору героя можно при желании увидеть ключ к повести «Недопесок» с ее многочисленными метафорами-иносказаниями.

С. 47 *Во – лошадка везет сено.* Учитывая, что чуть выше в повести упоминается «овчинный полушубок», а фамилия директора зверофермы – Некрасов, можно, наверное, предположить, что Коля неосознанно иллюстрирует здесь не только стихотворение Лермонтова, но и тот отрывок из некрасовской поэмы «Крестьянские

дети», который учили наизусть в начальных классах советской школы. В этом отрывке, напомним, присутствуют «мужичок с ноготок» «в полушубке овчинном» и «лошадка, везущая хворосту воз» (в экранизации повести эти стихи читают вслух в одной из школьных сцен). Обратим внимание: в овчинный полушубок (на языке XX века – дубленку) одет в повести (недо)злодей дядя Миша, а не Серпокрылов, напоминающий взрослыми оборотами речи и обстоятельностью некрасовского мужичка-дошкольника (они ровесники, Серпокрылову тоже «шестой миновал»). Эта деталь одежды дяди Миши вводится вместе с героем и затем подчеркнута повторяется.

С. 47 ...стук мела по грифельной доске. Грифельная доска – явный анахронизм. Писали на ней действительно грифелем или палочкой – в общем, тем, что оставляет след. А делалась она из черного твердого сланца – аспида, отсюда другое название – аспидная доска. Эта письменная принадлежность вышла из употребления примерно за полвека до описываемых событий, сменившись повсеместно меловыми досками. В основном грифельные доски были предназначены не для демонстрации, а для индивидуального обучения, размером были с большой современный планшет и заменяли школьникам тетради. Впрочем, одному из комментаторов посчастливилось пользоваться аспидной доской в аудитории, и на ней писали мелом. Но в ковылкинской школе такая доска вряд ли была.

С. 48 ...и добивались чуть ли не до портрета знаменитого химика Менделеева, который висел над доскою. Во фрагменте статьи о Ю.К., написанном с его собственных слов, сообщается, что «портрет Менделеева, который не раз обыгрывается в повести, в самом деле висел в одном из классов емельяновской школы» (Сивоконь С. Веселые ваши друзья. Очерки о юморе в советской литературе для детей. С. 253).

Эту деталь можно рассматривать как еще одно умолчание: портрет Менделеева (рядом с его знаменитой таблицей) мог появиться в школьном кабинете химии, но в кабинетах, где занимались младшие классы, над доской в обязательном порядке висели портреты совсем другого человека – вождя мирового пролетариата, как тогда официально именовали В.И. Ульянова (Ленина). Предполагалось, что под присмотром вождя школьники будут меньше шалить и лучше учиться. Появление вместо лысого Ленина усиленно волосатого Менделеева (похожего, скорее, на К. Маркса) придает этой замене дополнительно комический характер (иллюстрации к этому примечанию см. на с. 216).

С. 48 ...и тут же все смешалось у нее в глазах. Как в доме Облонских из «Анны Карениной» Толстого, или как (вслед за героями романа Толстого) – в глазах у Максимилиана Андреевича Поплавского – второстепенного персонажа «Мастера и Маргариты» Булгакова?

С. 49 Куда больше на них сверкало звезд, чем в созвездии Ориона... В ясную безлунную ночь в этом созвездии невооруженным глазом можно различить до 120 звезд,

а уж вооруженным – тысячи, так что остается только поразиться воображаемой ширине плеч дошкольника.

С. 49 *Получалось что-то вроде супергенералиссимуса.* В Костер-5 далее следовало: «На груди его звенело столько орденов, что уже вешать некуда было. Грудь дошкольника Серпокрылова напоминала раскрытый сундук с драгоценностями» (С. 9). В Российской империи высшее воинское звание генералиссимуса введено Воинским уставом 1716 года (а еще прежде им жаловал – безо всякого устава – Петр I). Этого звания удостоились князь А.Д. Меншиков, принц Антон Ульрих Брауншвейгский и князь А.В. Суворов, причем первые двое были его впоследствии лишены. 27 июня 1945 года звание генералиссимуса было присвоено И.В. Сталину, поэтому советские редакторы потребовали от Ю.К. убрать комментируемую шутку из текста. В интервью 1989 года Ю.К. рассказывал: «...один из моих героев, дошкольник Серпокрылов, играет сам с собою в войну и достигает в игре звания генерала. Глава кончалась так: “Победные флаги трепетали над головой генерала Серпокрылова”. А потом, через несколько глав, я написал простую фразу: “Погоны на плечах дошкольника Серпокрылова достигли каких-то уже невероятных размеров. Он приближался в своем чине к супергенералиссимусу”. Это, конечно, убрали» (Коваль 1989). Сталина в середине 1970-х годов уже не восхваляли, как при жизни, но и не разоблачали, как в эпоху правления Н.С. Хрущева. По отношению к этому диктатору в СССР тогда установилось полуофициальное уважительное молчание. Исключение составляли некоторые произведения о Великой Отечественной войне.

С. 49–50 *Все теперь позади, а впереди долгий путь на полюс, бураны, метели, вьюги.* И далее. Если в главе «Дошкольник Серпокрылов» пародировались советские книги и фильмы о Великой Отечественной войне, здесь юмористически воспроизводятся штампы другого популярного отечественного книжного и киножанра – приключенческий (кино)роман об отважном полярнике. Конкретным объектом пародии Ю.К. послужил советско-британско-итальянский широкоформатный художественный фильм «Красная палатка» («Мосфильм», Paramount Pictures, 1969; режиссер М. Калатозов), где есть и унты, и блуждания в пурге, и айсберг, и, наконец, сногшибательная медсестра Валерия в исполнении звезды итальянского кино Клаудии Кардинале. Небольшую роль в фильме сыграл близкий друг автора «Недопеска» Юрий Визбор.

Афиши фильма «Красная палатка» (1969), справа – работы художников А.Н. Евсеева и П.Д. Золотаревского. Обращает на себя внимание различие в выражении лица медсестры Валерии на советском и британском киноплакатах

Важно отметить, что «красная палатка» в фантазиях дошкольника возникает не как название фильма (в Костер-5: «Сидите в палатке» (С. 9)), а как предметная реалья: «Сидите в красной палатке! – приказал Серпокровлов полярникам. – А я пойду спасу ее!». Очевидно, что Ю.К. и в этом случае не хотел привязывать действие своей повести к слишком конкретному времени – времени выхода фильма Калатозова на экраны советских кинотеатров. Также отметим, что этот фильм стал возвращением к старой теме, связанной с покорением Севера. Кроме советских примеров вроде романа Вениамина Каверина «Два капитана» (1938–1944), можно напомнить о классическом детском чтении, романе Ж. Верна «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» (1866).

С. 51 – *Рыболовный, номер пять.* Заядлый рыбак, Ю.К. хорошо знал, что номер крючка обозначает его размер по специальной рыболовной классификации, которых, в свою очередь, насчитывалось несколько: советская, международная, финская, японская, китайская. Понятно, что в данном случае речь идет о пятом номере советской классификации. Крючок № 5, наряду с крючком № 7, считался наиболее универсальным – на него ловили окуней, карпов, подлещиков, большую плотву и небольших щук.

С. 51 ...*вытащил из сундучка коробку из-под монпансье...* То есть из-под разноцветных небольших леденцов округлой формы. «Французское» название, по-видимому, было придумано в России во второй половине XIX века (в честь героини исторических романов Александра Дюма-отца Анны де Монпансье), оно связано с продукцией кондитерской фабрики Георга Ландрин и зафиксировано, например, в романе Достоевского «Братья Карамазовы» (1880). К семидесятым годам XX века название «Монпансье» уже исчезло с коробок и употреблялось как имя нарицательное, по старой памяти.

С. 52 – *Да ведь я же совсем одинок, а собачка мне будет вечным спутником.* Человек в полушубке наспех имитирует-пародирует штампы еще одного жанра – сентиментальной повести или рассказа в духе самой популярной русской писательницы для детей начала XX века Лидии Чарской. Спешка сказала и на комическом (но и зловещем, если учесть планы человека в полушубке) разрушении словесного клише – превращении «верного спутника» в «вечного», так что получилась невольная цитация заглавия известной книги Мережковского «Вечные спутники».

С. 52 – *Крюпочки взял, а собачку жалеешь.* Упрек человека в полушубке заставляет нас вспомнить предупреждение, сделанное главным героем книги А. Линдгрена «Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел» (первый русский перевод 1965) «домомучительнице» фрекен Бок: «Ну и плюшки! Деньги дерешь, а коричу жалеешь. Берегись!» (Линдгрэн А. Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел. Перевод Л. Лунгиной. М., 1975. С. 188).

С. 53 *Да может, дошкольник его за пазухой прячет!* Как спартанский мальчик, прятаясь под одеждой украденного лисенка: «В это время те, кто потерял лисенка, явились его разыскивать. Мальчик спрятал лисенка под плащ, и рассерженный зверек начал грызть его бок, пока не добрался до внутренностей; мальчик, боясь, что его уличат, не подавал виду. Когда наконец преследователи ушли и его товарищи увидели, что произошло, они стали бранить мальчика, говоря, что лучше было показать лисенка, чем прятать, жертвуя ради этого жизнью. “Нет, – сказал мальчик, – лучше умереть, не поддавшись боли, чем, проявив слабость, обнаружить себя и ценой позора сохранить жизнь”» (Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 326). Эту историю издавна рассказывали детям, чтобы воспитать мужество (или отвратить от воровства мелких хищников?). Так или иначе, Серпокрылов с его любовью к воинской доблести выглядит добродушным двойником суровых спартанских школьников.

С. 54 *...добрался до подножия ковылькинской одинокой сосны, а там по стволу, по стволу, белочкой, белочкой, все выше и как раз добрался до небес.* Ю.К. пародически пользуется здесь хрестоматийной и в течение долгого времени неправильно переводившейся метафорой из «Слова о полку Игореве», в зачине которого повествуется, как сказитель Боян «растекашеся мысию» (то есть – белкой) «по древу».

С. 54 *Сервелат* Выразительная параллель к поведению человека в полушубке в этой и в следующих главах «Недопеска» отыскивается в знаменитом детском рассказе «Приключения обезьяны» (1945), автором которого был один из любимых писателей Ю.К. – Зощенко. Там инвалид Гаврилыч ведет себя с убежавшей из зоопарка обезьянкой следующим образом: «...он подумал: “Дай-ка я ее словлю. Отнесу завтра на рынок и там продам ее за сто рублей. И на эти деньги подряд выпью десять кружек пива”. И с этими мыслями Гаврилыч стал ловить обезьяну, приговаривая: “Кыс, кыс, кыс... подойди сюда”. Нет, он знал, что это не кошка, но он не понимал, на каком языке с ней надо разговаривать. И только потом сообразил, что это высшее существо из мира зверей. И тогда он вытащил из кармана кусочек сахара, показал его обезьяне и сказал ей, поклонившись:

– Красавица мартышка, не желаете ли скушать кусочек сахара?» (Зощенко М. Собрание сочинений. Черный принц. Возмездие. Шестая повесть Белкина. Бесславный конец. Тарас Шевченко. Рассказы для детей. М., 2008. С. 540–541).

А когда обезьянку захотел забрать себе добрый мальчик Алеша Попов, «из толпы вышел наш престарелый Гаврилыч. И, всем показывая свой укушенный палец, сказал:

– Граждане, не велите этому парнишке брать на руки мою обезьяну, которую я завтра хочу продать на рынке. Это моя собственная обезьяна, которая укусила меня за палец. Взгляните все на этот мой распухший палец. И это есть доказательство того, что я говорю правду» (Там же. С. 543). В рассказе Зощенко бдительные советские идеологические работники в 1946 году тоже увидели иносказание, вот только последствия от этого для автора рассказа были куда печальнее, чем для Ю.К.

С. 55 *На дне оврага чернел в снегу старый колодец. Бревна, из которых сложен был его сруб, давно сгнили, обросли грибами, похожими на оранжевые копыта.*

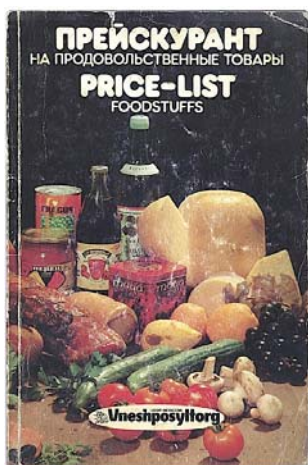
И. Васюченко видит в этом образе воплощение «адской бездны», противопоставленной «вечным созвездиям» (Васюченко И. Из колдовства и обломков. Заметки о книгах Ю. Ковалея. С. 13). Если согласиться с такой интерпретацией, то «оранжевые копыта» грибов в комментируемом отрывке станут похожи на копыта адских чертей.

В главе «Третья ночь» этому подземному колодцу будет непрямо противопоставлен небесный колодец: «Заволокла ночь глаза, – кажется, ничего уже не осталось на земле, все пропало, все кануло в колодец, такой огромный, что не только деревня Ковылкино, а и вся земля в нем песчинка. В тот самый колодец, который вечно над головой – и на дне его играет серебряным поясом небесный охотник Орион» (параллель между двумя колодцами отмечена в: Веднёва С. Слово Юрия Ковалея. С. 161).

С. 55 *Хорошая колбаска, ну прямо сервелат.* Сервелат – это еще одна примета конца 1960-х – начала 1970-х годов в повести. Речь идет о сорте копченой колбасы, слово «сервелат» происходит в конечном итоге от латинского *cerebrum* (мозг), хотя современный сервелат готовят вовсе не из мозгов, а из говядины и свинины. Для жителей СССР с его вечным дефицитом еды колбаса превратилась в символ сытости и зажиточности, наверху колбасной иерархии располагались колбасы копченые, а венчал эту колбасную пирамиду именно сервелат, колбаса, которую видели немногие, а уж пробовали и вовсе избранные. Его долгое время ввозили из-за границы, поэтому для поколения, заставшего 1970-е годы, существование «сервелат» навсегда связано с прилагательным «финский». Именно с этим эталонным иностранным деликатесом сравнивает свою колбасу дядя Миша, надеясь прельстить недопеска.

В СССР сервелат свободно продавали только в валютных магазинах «Березка». Килограмм этой колбасы в 1970-х годах стоил 4.30 – естественно, не обычных рублей, а особых «чеков Внешпосылторга», тех самых, которых за 1 доллар США выходило аж 62 внешпосылторговские копейки. Сегодня финский сервелат производят в России в порядке импортозамещения. Отзыв покупателя: «Простоват и жирноват, но есть можно»

КОЛБАСЫ СЫРОКОПЧЕНЫЕ И КОПЧЕНЫЕ		Цена за килограмм
1. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
2. «Венская» (кг)	«Venskaya» (kg)	5,80
3. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
4. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
5. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
6. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
7. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
8. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
9. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
10. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
11. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
12. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
13. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
14. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
15. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
16. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
17. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
18. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
19. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
20. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
21. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
22. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
23. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
24. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
25. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
26. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
27. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
28. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
29. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
30. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
31. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
32. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
33. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
34. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
35. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
36. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
37. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
38. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
39. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
40. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
41. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
42. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
43. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
44. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
45. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
46. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
47. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
48. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
49. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
50. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
51. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
52. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
53. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
54. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
55. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
56. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
57. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
58. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
59. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
60. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
61. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
62. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
63. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
64. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
65. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
66. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
67. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
68. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
69. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
70. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
71. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
72. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
73. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
74. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
75. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
76. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
77. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
78. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
79. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
80. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
81. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
82. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
83. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
84. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
85. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
86. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
87. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
88. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
89. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
90. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
91. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
92. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
93. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
94. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
95. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
96. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
97. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
98. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
99. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80
100. «Свинокопченая» (кг)	«Svinokopchen» (kg)	5,80

С. 55 *Белый его нос выглядывал из-под шапки и внимательно шевелился, как бы следя и за Наполеоном, и за поеданием бутерброда.* Еще одна отсылка к повести Гоголя «Нос», о которой Ю.К. говорил в одном из интервью: «Моим любимым детским писателем был Николай Васильевич Гоголь. “Нос” восхищает меня и сегодня, но помню, какое сногшибательное впечатление произвела эта повесть на меня в детстве. (Гоголь-то, конечно, не предполагал, что пишет для некоторых детей)» (Коваль 1989). В Костер-5 нос дяди Миши играл еще более важную и самостоятельную роль: «Нос его заволновался, как телескоп, уставился на склоны оврага» (С. 12).

С. 56 – *А то жена говорит, – толковал он Наполеону, – «ну чего ты зря на рыбалку едешь, только деньги переводить!».* Отношения дяди Миши с властной женой, судя по всему, складываются по уже знакомой нам «шукшинской», или, если угодно, по «пушкинской» («Сказка о рыбаке и рыбке») модели. Тут можно вспомнить не только плотника Меринова, но и шофера Шамова, который (в главе «Ночь в конуре»), «укладываясь спать, думал только об одном: что делать с премией – отдать жене или затаить на личные нужды?».

С. 56 *Это, Наполеоша, рыбацкая пешня́, которой лед колют... Какой я все-таки слабовольный человек. Ничего не достигну в жизни.* Орудие планируемого преступления напоминает о ледорубе, которым Хайме Рамон Меркадер дель Рио (известный также как Герой Советского Союза Рамон Иванович Лопес) 20 августа 1940 года смертельно ранил Л.Д. Троцкого (кстати, очень любившего рассуждать о бонапартизме своих политических противников). Этот исторический сюжет не излагался ни в каких советских книгах и тем не менее был знаком, кажется, почти всем.

Более важными кажутся другие ассоциации, возникающие при чтении этого эпизода. Иронически раскланявшись с Толстым, Ю.К. так же иронически отсылает читателя к душевным терзаниям героя Достоевского. Как и Родион Раскольников, дядя Миша хочет не только обогатиться, но и проверить заодно, тварь он дрожащая или право имеет, и несколько комически терзается сомнениями. Примечательно, что оба классических русских романа (впервые печатавшиеся, кстати, одновременно в одном журнале) объединены (анти)наполеоновской темой. Мелкий злодей дядя Миша откровенно не годится в Наполеоны, но эта несерьезная отсылка поддерживает и усиливает серьезный вопрос: а годится ли в Наполеоны недопесок, по праву ли носит он свое императорское имя?

С. 56 – *Что наша жизнь? – сказал он, подходя к Наполеону. – Сервелат!* Хоть дядя Миша и «не очень культурный человек», но арию Германа из оперы П.И. Чайковского по повести Пушкина «Пиковая дама» перефразировать способен (в либретто Модеста Чайковского: «Что наша жизнь? Игра!»). Те, кто читал пушкинскую повесть, конечно, сразу вспомнят, что Германн (именно так – с двумя «н» – пишет эту фамилию Пушкин, в отличие от М. Чайковского) «удивительно напоминал <...> портрет Наполеона» (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М., 1964. Т. VI. Художественная проза. С. 345). «Пиковая дама», кстати, была одним из важнейших подтекстов «Преступления и наказания» (см. предыдущий комментарий).

С. 57 *Заходите с флангов!* Возможный источник эпизода – уже упоминавшийся «Адъютант его превосходительства». В финале второй серии этого фильма добрые чекисты спасают от смерти мальчика Юру, они вырывают его из лап заговорщиков-белогвардейцев, с криками врываются в помещение и открывая пальбу.

С. 57 *...танкетка...* небольшой танк, вооруженный пулеметом, гранатометом или маленькой пушкой, экипаж которого состоял обычно из одного или двух человек, производился в 1920–1930-х годах, во время Второй мировой войны уже почти не использовался.

С. 58 – *Нехорошо, гражданин, – сказала она. – Стыдно!* Называя дядю Мишу не товарищем, а гражданином, Вера Меринова превращает всю ситуацию в потенциально опасную для похитителя недопеска.

Дружеское обращение «товарищ» менялось на официальное «гражданин» в случае, если один из двух беседующих был заключенным, находился под следствием или вообще проявлял себя не как стопроцентно лояльный советский человек. Например, в популярном советском фильме «Дело Румянцева» (1955) нечуткий следователь грубо обрывал не знающего этой тонкости главного героя: «Я вам не товарищ, тамбовский волк вам товарищ. Я для вас гражданин капитан». Поэтому в позднейшей повести Ю.К. «Промах гражданина Лошакова» (1989) Вася Куролесов обижается, когда его называют гражданином, «хотя в этом слове нет, конечно, ничего плохого – только хорошее» (Коваль 2017. С. 50).

Вот он, этот плохой следователь капитан Самохин (в исполнении Петра Лобанова), который не разрешал хорошему шоферу Румянцеву называть себя «товарищем»

С. 58 *...двуствольное ружье – Зауэр «Три кольца»...* Ружье учителя было еще довоенным. Немецкая фабрика «Зауэр и сын» («J.P. Sauer & Sohn») к 1970-м годам уже лет сорок как не производила охотничьих ружей с тремя переплетенными кольцами, выгравированными на стволе. Кольца обозначали, что ствол изготовлен из особых сортов стали фабрики Круппа, это стало предметом особой охотничьей мифологии. Вот, например, как описывает «Три кольца» писатель-натуралист Евгений Чарушин:

«Похлопал я свое ружьецо. Сдул снежок с планки, приложил к плечу.
– А ну, – говорю, – не выдай, Зауэр три кольца.

Зауэр – это фирма ружейная, а три кольца – знак на стволах. Если на Зауэре три кольца, значит, сталь в стволах особого накала – крепкая» (Чарушин Е. Утка-нырок // Чиж. 1934. № 2. С. 16).

Специалисты утверждают, впрочем, что эти сорта стали были ничуть не лучше и не хуже других.

С. 58 *Вооруженным конфликтом пахнет.* От страха дядя Миша заговорил советскими пропагандистскими штампами, возвышая мелкую бытовую стычку до международного военного столкновения между враждующими странами (например, между Израилем и арабскими государствами).

С. 58 *Пойдемте в сельсовет, гражданин.* То есть сельский Совет народных депутатов – название первичного местного органа власти в СССР.

С. 59 *Его звать Филька.* Возможно, Ю.К. хотел, чтобы читатели его повести в этом месте вспомнили самую популярную тогдашнюю детскую телепередачу «Спокойной ночи, малыши!». Одним из ее ведущих был кукольный пес Филя (впервые он появился в телеэфире 20 мая 1968 года). А вот вопрос о том, смотрел ли эту передачу дошкольник Серпокровлов, остается открытым. В отличие, например, от всех трех повестей куролесовского цикла, в «Недопеске» ни разу не упомянуты телевизоры как явление повседневного быта, вероятно потому, что эта реалья слишком определенно привязывала бы Ковылкино к 1970-м годам. Именно тогда телевизоры появились почти под каждой крышей даже в отдаленных деревнях и селах. Впрочем, на одном из классических рисунков Г. Калиновского к «Недопеску» (к главе «На севере диком», мы уже воспроизводили его в статье Г. Ельшевой) дом деревни Ковылкино изображен с телевизионной антенной на крыше.

Вот она, эта телевизионная антенна на иллюстрации Калиновского

Можно предположить и другой источник имени: хрестоматийный рассказ Толстого «Филипок» (1875), малолетний, но стремящийся к знаниям герой которого может считаться литературным предком дошкольника Серпокровлова (см. также комментарии к с. 81 и 94–95).

С. 59 *Серпокровлов уважал Веру Меринову и мог без конца снимать ее с айсберга и носить на руках. Но когда его задевали за живое, он становился упрям как бык.*

И далее. Сравнение возвращает нас к Некрасову, к прологу его поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (1877): «Мужик что бык: втемяшится / В башку какая блажь – / Колом ее оттудова / Не выбьешь...» (Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. V. М.–Л., 1982. С. 5–6).

Взаимоотношения дошкольника Серпокрылова с Верой Мериновой весьма напоминают дружбу-соперничество двух главных героев «Кладовой солнца» Пришвина – хозяйственной Настеньки (по прозвищу Золотая Курочка) и ее младшего брата Митраши (по прозвищу Мужичок в мешочке), который ходит в картузе с козырьком, носит с собой ружье и упорно стремится на Север. Процитируем здесь сцену, изображающую одно из многочисленных препирательств пришвинских героев:

«Проверив по компасу направление троп, Митраша, указывая слабую тропу, сказал:

– Нам надо по этой на север.

– Это не тропа! – ответила Настя.

– Вот еще! – рассердился Митраша. – Люди шли, – значит, тропа. Нам надо на север. Идем, и не разговаривай больше.

Насте было обидно подчиниться младшему Митраше <...>

Золотая Курочка собралась с силами и попробовала уговорить своего друга.

– Смотри, – сказала она, – какая плотная моя тропа, тут все люди ходят. Неужели мы умней всех?

– Пусть ходят все люди, – решительно ответил упрямый “Мужичок в мешочке”. – Мы должны идти по стрелке, как отец нас учил, на север» (Пришвин М. Кладовая солнца. С. 17–18).

С. 60 *Вылезай совсем из оврага. За дело берется Серпокрылов!* В Костер-5 было: «Вылазий совсем из оврага. За дело берется Серпокрылов! Орлы! С вами Серпокрылов!» (С. 14).

С. 61 *...пробежал озимое поле, пересек клеверище...* Озимым называют поле, занятое ростками сельскохозяйственных культур, которые высевают осенью. Клеверище – это поле, засеянное клевером для корма скота или временно свободное от такого посева.

С. 61 *...опустился в овраг, теперь уже в другой овраг, не ковылкинский, а кадощкинский, по гнилым мосткам перебежал речку Мшажку...* Еще один и очень яркий пример пространственного монтажа в повести. С деревней Ковылкино в Мордовии действительно соседствует рабочий поселок Кадошкино. А вот река Мшажка (мелкий приток реки Мшага) протекает в Новгородской области.

С. 61 *...прижимайте его к деревне!* В журнальном варианте Коля и Вера (в отличие от дошкольника) вели себя по отношению к песцу куда более жестко: «Вера и Коля на ходу превратились в охотников. Они заскочили справа и заорали:

– Куда? Куда пошел? Домой! Домой!

– Не надо! – кричал дошкольник. – Не пугайте его.

Но дошкольника не слушали» (С. 14–15).

С. 62 *Сикимора...* Что это за слово, откуда оно взялось, этого не могла бы сказать и сама Амбарова. Попробуем помочь техничке: в (Коваль 1975. С. 84) в слове «сикимора» в названии главы ударение стоит на втором слоге, а вот «сикимора» с ударением на третьем слоге – это искаженное слово «сикомор». Такое искажение достаточно часто встречается в русских прозаических и поэтических сочинениях и могло попасться на глаза Ю.К.

При этом слово «сико/имор(а)» может означать разные растения. Первое, чаще всего имеющееся в виду – южное дерево, связанное с ближневосточным контекстом (миром пальмы, если помнить о Лермонтове): это – *Ficus sycótorus* из семейства Тутовых. Сравните в повести Куприна «Суламифь» (1908): «Серебро же во дни Соломоновы стало ценою, как простой камень, и красное дерево не дороже простых сикимор, растущих на низинах» (Куприн А. Повести и рассказы. М., 1970. С. 121). Второе значение, северное, зафиксировано в словаре Даля: «Сикомóр, <...> немецкий клен, явор, *Acer pseudoplatanus*» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.–М., 1882. Т. IV. С. 184), это те самые европейские клены, которые часто принимают за платаны. Кажется, в этом значении искаженное слово использовал Н. Огарев, переводя песню Дездемоны: «В тени сикимора бедняжка сидела, вздыхала, / Пойте про иву зеленую! / Рука на груди, голова на коленях лежала, / Пойте про иву, про иву, про иву». Впрочем, если вспомнить, что действие трагедии Шекспира «Отелло» происходит в Венеции, можно предположить, что здесь имеется в виду настоящий платан (он же – чинара), *Platanus orientalis*, их тоже иногда называли «сикоморами».

Слово происходит от греческого *σικóμωρος* (*sīkomoros*), т.е. «фíговая шелковица» (*Ficus sycótorus*), а вот когда и почему в русском языке вместо «о» во втором слоге появилось «и» и как возник женский род вместо мужского (как в примере из Куприна), не могла бы сказать и сама Амбарова.

Ну, а о сближении «сикиморы» (с ударением на втором слоге) и «кикиморы», разновидности домовых (или леших) в русской народной мифологии читатели наверняка уже догадались и без нашего комментария. Давая это – последнее по счету и довольно обидное – новое имя Наполеону, техничка выражает чувства, возникающие у нескольких персонажей повести при столкновении с загадочным иноприродным существом.

Если два предыдущих ложных имени Наполеона («Тишка» и «Филька») все же были мужскими, то техничка Амбарова доводит унижение песца до предела, ставя под сомнение его пол, в чем тут же находит поддержку злокозненных Белова и Быкодорова («Как водится, самое глупое имя понравилось больше всего. – Сикимора! Сикимора! – восторженно закричали Белов и Быкодоров. – Тащите ее на пришкольный участок. Посадим ее в клетку!»).

И напоследок добавим еще одну, вполне фантастическую, но зато корреспондирующую с именем недопеска версию: «сагамор» (англ. *sagamore*), как мы помним из романов про индейцев, – титул вождя североамериканских племен. «И вот теперь я, вождь и сагамор индейцев, вижу лучи солнца только сквозь листву деревьев и никогда не могу подойти к могилам моих праотцев», – сетует Чингачгук в романе Ф. Купера «Последний из могикан» (пер. Е.М. Чистяковой-Вер и А.П. Репиной).

С. 62 ...блистали гордые и угрюмые глаза Наполеона. С. Веднёва цитирует этот фрагмент в качестве примера пародирования в повести «романтического стиля» (Веднёва С. Слово Юрия Коваля. С. 191). «Угрюмый тусклый огонь» в глазах возлюбленной обнаруживал Тютчев, но мы не думаем, что Ю.К. его пародирует.

С. 62 – *Батюшка, Пал Сергеич!* Носительница стародавней фамилии техничка Амбарова и удивление свое выражает архаично, заставляя вспомнить обращения персонажей русской литературы XIX века:

«– Батюшка, Павел Иванович, что с вами?» (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

«– Батюшка, Павел Васильич! Наше дело рабское» (А.Ф. Писемский. Тюфяк).

Сокращение имени «Павел» до «Пал» – традиционно-простонародное, чему мы также находим и литературные примеры («Да плюньте вы, говорят, Пал Палыч, мы уж про всякие ваши долги забыли». Л. Андреев. Анфиса), и «маскультурные»: вспомним подчеркнуто корректного Пал Палыча Знаменского из телесериала «Следствие ведут Знаатоки» (ЦТ Гостелерадио СССР, выходил с 1971 года).

Фотография из школы в селе Феропонтове Вологодской области, в котором Ю.К. тоже жил. Предоставлена Екатериной Козловой

С. 63 ...*сунули в пустую кроличью клетку.* Инициаторами водворения пса в оскорбительную для хищника кроличью клетку выступили представляющие в повести дух насилия и отвратительного школьного коллективизма Белов и Быкодоров. «Живые уголки» на пришкольных участках и в школах еще функционировали в те времена, хотя этот обычай восходил к педагогическим практикам 1920-х годов и во время создания «Недопеска» уже был архаизмом (во всяком случае, авторы комментариев не припомнят их в своих школах). Кролики, смиренные, плодовитые и неприхотливые, были основным населением этих самодельных зоопарков. Жительница села Емельяново А. Семенова вспоминала, что кроликов держали в местном пришкольном живом уголке (сообщено С. Андреевым).

С. 63 ...*Белов и Быкодоров устроили вокруг Наполеона настоящую карусель: хохотали и свистели в кулак...* Вообще то выражение «свистеть в кулак» означает «сидеть без гроша», бедствовать. Свистят обычно «в два пальца» (если вообще используют при этом руки). Но двум школьным хулиганам все нипочем, в том числе – приемы звукоизвлечения и правила словоупотребления.

С. 64 ...*лепешку с творогом...* Вот такую лепешку из ржаного теста (потому она и коричневая) и называют шаньгой (см. в повести Ю.К. и в нашем комментарии выше).

С. 64 ...*председатель сельсовета дядя Федя...* По свидетельству жительницы села Емельяново А. Семеновой, председателя сельсовета там действительно звали дядя Федя Прохоров (<https://community.livejournal.com/suer-vyer-/183720.html>).

Сочетание «дядя Федя» немедленно вызывает в памяти носителей русского языка детскую дразнилку: «Дядя Федя съел медведя» (существуют разные обидные варианты продолжения этого фольклорного текста).

С. 64 ...вокруг слесаря имеется колесо цвета увядшей незабудки... Незабудка в европейской культуре – это устойчивый символ памяти вообще и прошедшей, но не забытой любви – в частности. Процитируем, например, строки из очень известного стихотворения Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Подарок на память» (перевод А. Сагаловой): «И сколько не блуждаю вдоль ручьев, / В прохладных рощах сколько ни скитаюсь, / Не встречу среди трав сапфиров россыпь – / Прелестные увяли незабудки». Почему вокруг мужественного слесаря «имеется» такое сентиментальное колесо? Ответ на это содержится уже в следующем предложении «Недопеска» – от слесаря ушла жена.

С. 64 *Жил слесарь вдвоем со своим дошкольником, потому что мамаша уехала в город Гомель.* Как можно понять из дальнейшего, жена покинула слесаря навсегда, а не гостила у родни. Гомель – промышленный город на юго-востоке Белоруссии, областной центр. Где бы ни располагалась деревня Ковылкино, от Белоруссии это место должно находиться достаточно далеко. Косвенно здесь отразилась проблема, о которой много писали в те времена (в том числе и уже упоминавшийся нами Шукшин) – миграция деревенского населения в города. Правда, обычно активно стремилась сменить место жительства молодежь, еще не обремененная семейством. В песне из кинофильма «Недопесок Наполеон III» семейное положение дошкольника Серпокрылова описывается так:

На полюс, на полюс, на полюс,
Туда, где макушка земли,
На полюс, на полюс, на полюс,
Где вьюги весь мир замели,
Где ветер свистит по-матросски,
Где бури, где льдины, где град,
Где бродят в холодных снегах недопески,
Где служит на флоте мой брат!

Впрочем, песню эту исполняет в фильме не актер, а сам Ю.К. Сравните автобиографически мотивированные образы братьев в повести «Пять похищенных монахов» и рассказе «От Красных Ворот».

Тема развода вообще нечасто возникала в советской детской литературе, а ситуация, когда из семьи уходит женщина, тем более уникальна. Нам вспоминаются две книги: повесть Вадима Фролова «Что к чему...» (1966), где мама-актриса бросает мужа – героя войны, морского пехотинца – и детей ради коллеги-актера, и один из рассказов В. Драгунского, «Поют колеса тра-та-та», в котором попутчик рассказывает Дениске про отсутствующего сына:

«Я сказал:
– А он один удрал или с товарищем?»

Но дяденька сказал сердито:

– Зачем – один? С мамой со своей! Ей, видишь ли, учиться приспичило! У ней там родичи, друзья-приятели разные... Вот и выходит кино: Сережка в городе живет, а я здесь. Нескладно, а?» (Драгунский В. Рыцари и еще 60 историй. Собрание Денискиных рассказов. С. 118).

С. 64 ...ты знаешь, что я обычно делаю с такими сыновьями?... Ты их убиваешь. Ироническая отсылка к повести Гоголя «Тарас Бульба» (1835, 2-я редакция – 1842) и к картине Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (1883–1885, позднее этот сюжет будет обыгран в пьесе Ю.К. «Иоанн Грозный убивает своего сына», включенной в роман «Суер-Выер»; см. также примечание к с. 98). Учитывая же серповидную форму крыла молодого сокола (falconet), можно связать Серпокрылова-отца и с сыноубийцей Маттео Фальконе из одноименной новеллы Проспера Мериме.

Можно предположить, что первый русский император задает своему сыну тот же вопрос, что и Серпокрылов-старший. Картина Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871) написана раньше, чем полотно Репина, и демонстрирует более раннюю стадию «конфликта отцов и детей» (все персонажи еще живы)

С. 65 – *Возьми мышеловку на потолке...* Слесарь Серпокрылов не сошел с ума. «Потолок» здесь обозначает «чердак» (как и было в Костер-5. С. 17). В этом значении слово зафиксировано в говорах самых разных регионов России, в том числе в Новгородской области.

С. 65 *После обеда он имел обыкновение прогуливаться по деревне и этой привычке сроду не изменял.* Этот пассаж, варьирующий зачин второй части книги (см. с. 37), стилизует архаическое повествование XIX века: дошкольник предстает здесь в облике какого-нибудь пожилого отставного генерала, героя 1812 года или Севастопольской кампании.

С. 65 ...увядший на окне закавказский лимон. Лимон здесь на Севере в заточении тоскует о своей южной родине, как Мцыри. Можно предположить, что этот северный лимон (вкус плодов которого тоже ассоциируется с невеселыми чувствами) остался от сбежавшей «мамаши» Серпокрыловой. Обычай разводить экзотиче-

ские растения на окнах издавна бывал в России. Подробнее см. в увлекательной книге: Кушлина О.Б. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001.

С. 66 ...*таинственное сходство с турецкими барабанными палками.* Турецким барабаном называют специальную разновидность этого музыкального инструмента, которая используется в военных и симфонических оркестрах отнюдь не только в Турции. По такому барабану, находящемуся в наклонном или даже лежащем положении, ударяют специальной колотушкой, обычно покрытой кожей или войлоком. Эта колотушка внешне действительно очень похожа на обглоданную баранью кость. Ну и конечно, не последнюю роль в сравнении Ю.К. играет рифма «баран – барабан». Мы, было, хотели, однако все-таки не смогли удержаться от цитирования в этом комментарии детской дразнилки: «Жадиноговядина, турецкий барабан, / Кто на нем играет? <Имя дразнимого> – таракан».

«Мехтер» (оркестр янычар, турецких пехотинцев): тут и барабан подлинно турецкий, и палочки как мослы

С. 66 ...*боярскую шубу...* Ю.К. ненавязчиво намекает юному читателю на не веселую судьбу, которая скорее всего ждет Наполеона. Пока речь идет только лишь о мехе, греющем его самого, но ведь на шубы русских бояр и в самом деле шли шкурки несчастных песцов.

Рисунок Дарьи Мелехиной

С. 66 *Ведь если б даже Жар-птице...* С помощью этого сравнения (введенного через противопоставление яркости и тусклости) Ю.К. еще раз указывает на волшебную инаковость Наполеона, его непохожесть на всех остальных персонажей повести. При этом для всех них Наполеон оказывается, как и Жар-птица в сказке Ершова «Конек-Горбун» (1834), заветной целью. Процитируем также строку из «Марша юных звероводов» Ю.К., который звучит в кинофильме «Недопесок Наполеон III»: «Мы можем вывести жар-птицу, построим фермы для жар-птиц».

С. 67 *И лисы, и песцы едят мышей. Они мышкуют.* Здесь самое место сказать о рационе заглавного героя повести. Наполеона кормят то искусственной и страшноватой кормовой смесью, то человеческой едой разной степени изысканности – от щей и бараньих мослов до копченой колбасы и конфет. Коля Калинин и вовсе «притащил из дому какой-то сушеной ерунды вроде окуней». Сам же недопесок сразу после обретения свободы затевает мышкование, возвращая себе природный статус свободного хищного зверя. Дошкольник Серпокрылов, не видевший этого и не читавший статьи Стаса Востокова в нашей книге (да и вообще ничего не читавший по неграмотности), все же откуда-то (от Фрола Ноздрачева?) знает о мышковании песцов, так же, как знает о заветной цели Наполеона – Северном полюсе.

С. 67 *И слово удивительное «Серпокрылыч» пролетело мимо его ушей, как ласточка мимо березы.* Может показаться, что и здесь Ю.К. пользуется устойчивым для культуры сочетанием образов, однако это не так. И в поэзии, и в прозе «ласточка» и «береза» почти никогда не оказываются в общем пейзажном контексте, что и понятно – ласточки не вьют гнезд на березах (деревенские ласточки, как известно, строят свои глиняные домики “под застрехой”, т.е. под нависающей частью крыши, а ласточки-береговушки проковыривают норки в обрывистых склонах). Исключением служит разве что стихотворение Майкова «Ласточки», однако и в нем образы «березы» и «ласточки» возникают в соседних строфах, но не в рамках одной картины:

Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу
Пустое гнездо над окном:
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем...
(Майков А. Избранные произведения. Л., 1977. С. 140)

Собственно, в комментируемом отрывке речь и идет о не слишком органичной совместимости «ласточки» (слова «Серпокрылыч») и «березы» (сознания дошкольника Серпокрылова).

С. 67 *Разве ж это честно? К вам на двор он сам прибежал. Значит, он ваш.* И далее. Схоластические и весьма характерные для эпохи позднего социализма споры о том, кому принадлежит родившийся у взятой напрокат коровы теленок, ведут герои сказочной повести приятеля и соратника автора «Недопеска» Эдуарда Успенского «Дядя Федор, пес и кот» (1972):

«...И тут у них разговор интересный получился. Про то, чей теленок. Ведь корову-то они напрокат взяли. Дядя Федор говорит:

– Корова государственная. Значит, и теленок государственный.

А кот не согласен:

– Корова действительно государственная. Но все, что она дает – молоко там или телят, – это наше. Ты, дядя Федор, сам посуди. Вот если мы холодильник напрокат берем, он чей?

– Государственный.

– Правильно. А мороз, который он вырабатывает, чей?

– Мороз наш. Мы его для мороза и берем.

– Вот и здесь так же. Все, что корова дает, нам принадлежит. Для этого мы и брали ее» (Успенский Э. Дядя Федор, пес и кот. М., 1974. С. 75).

А вот в написанной куда раньше повести Софьи Могилевской «Марка страны Гонделупы» (2-я редакция – 1958) такой спор мог закончиться только одним итогом:

«– Давай сегодня шалаш строить, – предложил Вовка.

- Ладно, – согласился Петя, – только лучше у нас в саду...
- Только поближе к нашему забору, – сказал Вовка.
- Не к вашему, а к нашему... – упрямо сдвинув брови, начал было Петя. Но одумался. Примирительно сказал: – А забор-то не ваш и не наш, а заводской.
- А ты думал! – усмехнулся Вовка» (Могилевская С. Повести. М., 1970. С. 108).

В 1977 году Юрий Коваль сыграл небольшую роль отца главного героя в экранизации повести С. Могилевской «Марка страны Гонделупы» (Киностудия им. Горького, режиссер Юлий Файт). В кадр из фильма поместились кусочек Коваля с гитарой, прекрасная актриса Ия Савина в роли мамы и Павел Македонский в роли их сына Пети

С. 68 ...потрогал для чего-то нос свой... Учитывая, что, согласно народной примете нос обычно чешется к выпивке, может быть, и не так уж неправа была мамаша Меринова, грозно нахмурившаяся в ответ на вроде бы невинное предложение плотника (см. также примечание к с. 7–8).

Мы уже указывали, что появление носа на уроке рисования, а затем – в описании поведения дяди Миши (см. примечания к с. 44 и 56) кажется реверансом любимому писателю Ю.К. – Гоголю. К этому добавим магические манипуляции Серпокрылова с носиком от чайника. И тут упоминание носа столяра Меринова помещает его боязливо-уважительное отношение к супруге в контекст гоголевской повести. Не можем отказать себе в удовольствии напомнить, как она начинается:

«Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. Цырюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте <...>, проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала из печи только что испеченные хлебы.

– Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофий, – сказал Иван Яковлевич, – а вместо того хочется мне съесть горячего хлеба с луком.

(То есть Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом: ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.)» (Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 3. Повести. [М.; Л.], 1938. С. 49).

С. 69 *Это сработали мышеловки дошкольника Серпокрылова.* Эта акустическая деталь в финале главы и на фоне охватившей Ковылкино ночной тишины как бы дана крупным планом. Это выделяет ее, заставляя предполагать в ней не только предметный смысл. Мышеловка – устойчивая метафора коварного расчета, завлечения жертвы в ловушку. При этом у метафоры (как и у настоящей мышеловки) есть дополнительный оттенок: заманивают тех, кто заслужил такой участи (многие уже вспомнили принца Гамлета, организовавшего постановку пьесы «Мышеловка»

для разоблачения своего преступного дяди). Серпокрылов, впрочем, не может быть заподозрен в хитроумном коварстве, он хочет просто накормить Наполеона и видит во сне мышей, не думая о том, что ему предстоит сделать завтра.

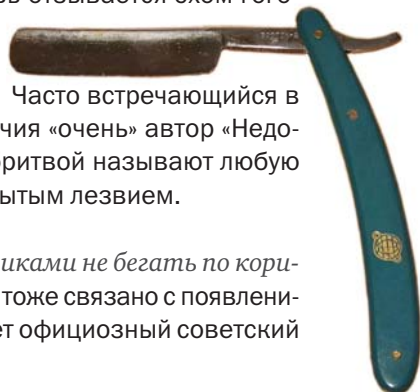
С. 71 ...директор школы товарищ Губернаторов... С. Сивоконь со слов самого Ю.К. так рассказывал о реальном прототипе директора из села Емельяново: «...хотя во главе этой школы стоял не директор, а директриса, по характеру своему она походила на описанного в повести грозного директора Губернаторова...» (Сивоконь С. Веселые ваши друзья. Очерки о юморе в советской литературе для детей. С. 253). Грозный мужчина-директор Валентин Панкратьевич Мясин стоял во главе той московской школы № 657, которую когда-то окончил сам Ю.К. Подробнее о нем см.: Кабанов В. Валентин Панкратьевич, необыкновенный директор // Детство 45–53: а завтра будет счастье / авт.-сост. Л. Улицкая. М., 2013. С. 248–253. Сочетание существительного «товарищ» и фамилии «Губернаторов» – значимый для понимания образа директора оксюморон. «Товарищ» – знак советского и, вероятно, партийного (должность директора школы в СССР предполагала членство в КПСС), а «Губернаторов» – указание на дореволюционную литературную традицию сатирического изображения начальства: от Гоголя и Салтыкова-Щедрина до Чехова и Федора Сологуба (после 1917 года и вплоть до постсоветских времен должность губернатора была в Советском Союзе упразднена).

Выпускник историко-филологического факультета Ю.К. мог помнить, что слово «губернатор» происходит от греческого глагола κυβερνῶ (руководить, управлять, править кораблем) и имеет родственника, восходящего к тому же греческому корню и обозначающего как раз педагогическую деятельность – слово «гувернер».

С. 71 ...помазком барсучьего волоса... Помазок – специальная кисточка, взбивающая пену на щеках при бритье (чтобы бритва скользила гладко и не царапала лица). Помазки из барсучьего волоса считаются лучшими, поскольку пена при пользовании ими получается особенно пышной (в отличие от шерсти большинства животных, барсучий волос хорошо впитывает воду). Комментируемая деталь исподволь продолжает важную для повести тему эгоистического использования меха животных человеком (в главах «Верея» и «Барсучья ночь» читатель встречался с живыми барсуками, и вот теперь он узнает про «помазок барсучьего волоса»).

Описание сцены утреннего бритья директора вновь отзывается эхом гоголевского «Носа».

С. 71 ...взял в руки очень и очень опасную бритву... Часто встречающийся в прозе Ю.К. прием: за счет повторенного дважды наречия «очень» автор «Недопеска» освежает стертую метафору, термин. Опасной бритвой называют любую (даже и тупую и потому почти неопасную) бритву с открытым лезвием.

С. 71 ...и торжественно поклялись никогда больше с криками не бегать по коридору. И далее. В комментируемой главе (и это, конечно, тоже связано с появлением в повести директора Губернаторова) Ю.К. пародирует официальный советский

стиль – стиль газетных передовиц, социалистических обязательств и торжественных пионерских клятв.

С. 71 ...набрал в ладонь одеколону «Кармен»... Мужественность директора Губернаторова подвергается в этот момент некоторому сомнению: одеколон «Кармен» и одноименные духи и пудра, производившиеся в СССР с 1920-х годов, были в дружной семье советских парфюмерных продуктов долгожителями и наследниками еще дореволюционных марок, но ни сравнительная дешевизна этого одеколону группы «Б» (далеко не самой высокой), ни его сладкий цветочный аромат, ни игривая этикетка с изображением прекрасной испанки не соответствовали статусу настоящего советского начальника. (Отметим в скобках еще возможный скрытый каламбур: в педагогической практике Губернаторова особое место занимает его личная борьба с матерями четвероклассниками-коловиками Беловым и Быкодоровым. Поскольку один из героев новеллы Мериме и оперы Бизе, в которых появляется Кармен, по профессии является *тореадором* (то есть «убийцей быков», быкобойцей), в русской фамилии неожиданно проступают испанские ассоциации.)

Ладожское озеро. Вид сверху и распределение глубин. Видел ли ты когда-нибудь, о читатель, сковородки такой причудливой формы?

С. 71 *Через полсекунды на столе перед ним стояла уже сковородка, кривая, как Ладожское озеро.* В Костер-5 – «огромная, как Ладожское озеро» (С. 19), и это кажется комментаторам более понятным – им никогда в своей жизни не приходилось видеть кривых сковородок. Возможно, здесь подразумевается большой перепад глубин между северной и южной оконечностями Ладоги (до 70 м на юге и до 230 м на севере): в этом смысле кривой можно назвать сковородку с неровным дном (такие видеть случалось). По карельскому Ладожскому озеру приходилось плавать на барже под названием «Луза» главному герою повести Ю.К. «Самая легкая лодка в мире». Подобные сравнения – сопоставляющие обычное с грандиозным – иногда называют «возвышающими», они, скорее, затемняют и сдвигают значение, чем проясняют его.

Привычная уже читателям повести модель взаимоотношений «Строгая жена – покорный муж» заменяется в комментируемом фрагменте на противоположную. Безымянная жена директора (а кто же еще приготовил ему яичницу?) подает еду на стол так тихо, расторопно и быстро, что кажется, будто сковородка сама оказалась на столе. Сравним во фрагменте из лагерной повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в котором высокомерный интеллигент Цезарь Маркович принимает миску с кашей от главного героя: «Цезарь обротился, руку протянул за кашей, на Шухова и не посмотрел, будто каша сама приехала по воздуху» (Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. М., 1963. С. 72).

С. 71 ...портфель о двух золотых замках... Этот устаревший оборот речи, описывающий портфель (воплощение бюрократического могущества), придает незатейливым, в сущности, действиям директора Губернаторова торжественный блеск.

С. 71 *Хороший впереди намечался денек – особый, последний в этой четверти.* Суховатая тональность советской газетной передовицы сменяется «задушевной» тональностью советского газетного репортажа. Последний день первой четверти действительно приходился в советских школах на 6 ноября, а дальше следовали каникулы, приуроченные к празднику 7 ноября.

С. 72 *На школьном дворе развернулась настоящая ярмарка... В воздухе летали синие, желтые портфели, шапки, кепки, книжки, варежки, то там, то сям вспыхивали красные галстуки.* Еще один поклон Гоголю. Сравните:

«... не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит? Шум, брань, мычание, бляение, рев, – все сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами» («Сорочинская ярмарка». Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки. [М.; Л.], 1940. С. 115).

Однако читатель здесь глядит на окружающий мир не восторженным взором гоголевского повествователя, а строгими глазами директора Губернаторова – до комментируемого эпизода такая ярко окрашенная идеологическая деталь, как красный пионерский галстук, не упоминалась в «Недопеске» ни разу (судя по всему, внести эту деталь в повесть Ю.К. настойчиво посоветовали уже на стадии ее редактирования. См.: **Муравьева О., Михайлова М.** Книжка для малыша // Дошкольное воспитание. 1996. № 6. С. 122). Вполне в духе директора было и воспользоваться для описания беспокойства ковылкинских школьников хрестоматийной цитатой из «Горя от ума» Грибоедова: «Кричали женщины: ура! / И в воздух чепчики бросали». Кажется очевидным, что как-то уж очень напоминающее стихийную, несанкционированную демонстрацию скопление школьников накануне официально санкционированной не могло сильно обрадовать товарища Губернаторова, и он приступил к «разгону» этого скопления.

С. 72 *Директор заглянул в клетку так строго, что, если б случайно оказались в ней Белов и Быкодоров, они бы просто-напросто превратились в пепел.* В радиопостановке 1982 года: «...они бы просто-напросто превратились в пепел и алмаз» – с намеком на название классического фильма Анджея Вайды «Пепел и алмаз» (1958).

С. 72 *Из-за решетки злобно и пристально смотрел на него Наполеон Третий.* Идеологически сомнительное сборище школьного «народа» закономерно завершается появлением антагониста правящей власти, это сборище спровоцировавшего – песка-императора Наполеона Третьего.

С. 72–74 *...и брови его изумленно поползли по направлению к прическе... Директор поднял к небу брови... Дошкольник молчал, а брови директорские летали над ним... и далее.* Нам уже приходилось писать здесь о самом главном партийном и, соответственно, государственном начальнике в СССР времени написания

повести, а теперь мы вынуждены вновь вспомнить о нем. Фотографию этого руководителя в окружении соратников догадливый читатель сможет обнаружить на одной из страниц комментария сам.

С. 74 ...человек, который втащит его обратно. И вот неожиданно такой человек нашелся. Взвалил камень на плечи и потащил на вершину. И труд этого человека по затаскиванию камня не оказался Сизифовым – Вера Меринова вернула уважение дошкольника Серпокрылова. Здесь можно вспомнить сказочную быль Аркадия Гайдара «Горячий камень» (1941), герой которой мальчик Ивашка затаскивает на гору камень, чтобы продлить жизнь знакомого старика.

С. 74 На лбу его нарисовались параллели и меридианы. В Костер-5 далее следует такой фрагмент: «Внутренним взором пролетел директор льды и айсберги, миновал полуостров Канин, добрался до Архангельска, но тут его отвлекли» (С. 20).

С. 75 ...поддужный колокольчик работы валдайских мастеров. Такие колокольчики, в изготовлении которых особенно преуспел городок Валдай, располагавшийся как раз в Новгородской губернии, с конца XVIII и до начала XX века использовались для привлечения внимания пешеходов и всадников в почтовых и курьерских тройках. Подвешивались они под упряжной дугой коренника (то есть лошади, бежавшей в тройке посередине). Прославился такой колокольчик не в последнюю очередь благодаря известной народной песне «Вот мчится тройка удалая...», – у нее, как часто выясняется при исследовании народных песен, есть авторы – слова (вернее, стихи, затем переиначенные в слова песни) написал Федор Глинка, музыку – Алексей Верстовский:

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой.

Валдайские колокольчики действительно часто украшались надписями, правда, как правило, более лаконичными, чем та, которую приводит Ю.К. в «Недопеске» (самая распространенная была – «Дар Валдая»; см., впрочем, иллюстрацию к нашему комментарию). Упоминание надписи «Купи, не скупись, ездй, веселись» на поддужном колокольчике можно обнаружить в словаре Даля (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.–М., 1882. Т. IV. С. 214). Остается только догадываться, что за колокольчик выхватила из-под полы техничка – настоящий, раритетный, завалившийся в школе с незапамятных времен, или же образец новейшей сувенирной продукции. Но зато можно не сомневаться в том, что Ю.К. валдайский поддужный колокольчик понадобился для раз-

А вот на этом валдайском колокольчике отлита точно такая же надпись, какую Ю.К. приводит в «Недопеске».

ворачивания метафоры последнего дня четверти, как движения тройки лошадей в пространстве. Лишним, наверное, будет обращать специальное внимание нашего просвещенного читателя на то обстоятельство, что мотив движения, мотив пути в повести «Недопесок» сюжетообразующий.

С. 75–76 ...а за ними кумачом горел завтрашний праздник. Празднование 7 ноября действительно сопровождалось в СССР щедрым использованием главного государственного цвета, который служил фоном в том числе и для написанных на кумаче (хлопчатобумажной ткани ярко-красного цвета) лозунгов. Вот как этот день описывался, например, в календарном отрывке из хрестоматийного цикла Самуила Маршака «Круглый год»:

Ноябрь

День Седьмого ноября –
Красный день календаря.
Погляди в свое окно:
Все на улице красно!
Вьются флаги у ворот,
Пламенем пылая.
Видишь, музыка идет
Там, где шли трамваи.
Весь народ – и млад и стар –
Празднует свободу.
И летит мой красный шар
Прямо к небосводу!

(Маршак С. Круглый год. М., 1966. С. 13. Художник А. Ермолаев)

С. 76 ...никак не меньше, чем веснушек на носу дошкольника Серпокрылова. «Мужичок в мешочке», как и Настя, был весь в золотых веснушках, а носик его, чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх» (Пришвин М. Кладовая солнца. С. 7).

С. 76 ...оторваться от школьных дел директор Губернаторов не мог, как не может мудрый извозчик бросить на произвол судьбы своих коней. Тема поддужного колокольчика получает здесь продолжение. За сопоставлением школьного коллектива с извозчичьим экипажем стоит традиция, восходящая к Гоголю, сравнивавшему в «Мертвых душах», как все помнят, Русь с «птицей-тройкой», что «мчится вся вдохновенная Богом».

С. 76 «Пошлю телефонограмму», – решил директор. Здесь телефонограмма – это важное сообщение, которое было составлено директором Губернаторовым на бумаге, затем отдано курьеру (техничке Амбарово́й) для устной передачи по телефону в сельсовете на ферму «Мшага». А на том конце провода секретарь (Прасковьюшка?) должен был записать эту телефонограмму и передать ее директору Некрасову. Вот как люди мучились до изобретения мобильных телефонов!

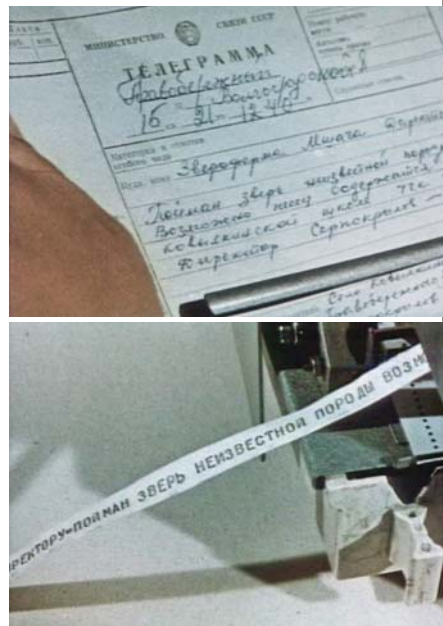
Сюжет с телефонограммой (превратившейся для легкости восприятия в телеграмму) в фильме «Недопесок Наполеон III» был развернут в специальную песню, текст которой написал Ю.К. (вы не поверите, но в фильме директор Губернаторов сделался отцом дошкольника и фамилию получил соответствующую – Серпокрылов):

Примите телеграмму, примите телеграмму,
Примите телеграмму, примите, наконец!
У нас в начальной школе содержится в неволе
Какой-то недопесок, а может быть, песец.

Пойман зверь неизвестной породы
Он похож на воротник от пальто.
Пока сидит он в клеточке, в «уголке природы»,
А что с ним делать дальше, не знает никто.

Примите телеграмму, примите телеграмму,
Примите телеграмму, примите, наконец!
Возможно, в вашей школе содержится в неволе
Особо драгоценный сверхсуперзверь-песец.

Пропал песец, сообщаю приметы:
Ужасно много меха невиданной красоты.
Нашедшему премия, фото в газеты,
Почетная грамота, карманные часы.

С. 76 *Председатель сельсовета дядя Федя как раз в этот момент разговаривал по телефону с райцентром.*

– Тысячу штук яиц уже собрали! – кричал он. – Але! Собрали тысячу! и далее. Дядя Федя звонит не просто в райцентр, то есть в главный для Ковылкино город местности, где эта деревня находится, а в райком райцентра, то есть в районный комитет коммунистической партии этого города. Он отчитывается по выполнению плана так называемых «социалистических обязательств» к празднику 7 ноября, взятого на себя колхозом. Скорее всего, речь идет о почти обязательном так называемом «перевыполнении плана», которого ковылкинские жители должны были достичь в порыве праздничного энтузиазма. По сбору яиц это перевыполнение, судя по всему, не состоялось, и вот дядя Федя обещает грозному партийному начальству достичь перевыполнения по поставке сливочного масла. Весь этот эпизод бросает отсвет и на страстное желание директора школы Губернаторова повысить процент отличников и хорошистов в ковылкинской школе, то есть тоже выполнить и перевыполнить своего рода «социалистические обязательства».

С. 76 *От нечего делать она разглядывала плакат... По стихам лениво ползала настоящая живая муха.* Агитплакаты (в том числе, стихотворные) в медицинских и прочих учреждениях – излюбленная мишень советских сатириков и юмористов, начиная с Зощенко и Ильфа с Петровым и завершая В. Драгунским, братьями Стру-

гацкими и П. Мамоновым. Описанный в повести плакат явно не фабричного производства («акварельными красками была нарисована большая муха»), но художественно исполнен по мотивам реально существовавших «средств наглядной агитации».

Муха, ползущая по плакату, призывающему бороться с мухами – едва ли не эмблематическое изображение соотношения пропагандистских усилий и реаль-

Плакат «Муха – источник заразы», 1959. Художник А.С. Россаль-Воронов. Интересно, что Алексей Семенович обычно упоминается не как автор этого плаката, а как участник знаменитой выставки студии Белютина в Манеже (1962). Филиппика Н.С. Хрущева («Что это? Почему нет одного глаза? Это же морфинистка какая-то!») относится именно к «Портрету девушки» работы Россаль-Воронова, который мы тоже воспроизводим здесь – для полноты картины: нам кажется, что возмутивший лидера СССР глаз выразительностью уж точно не уступает двум фасеточным глазам плакатной мухи. Справа: спичечная этикетка, 1966

ности в постсталинском СССР (а может быть, не только в нем). В связи с этим один из комментаторов не может удержаться от того, чтобы пересказать историю о том, как его учитель – Ю.М. Лотман – сдавал однажды в Тартуском университете (Эстонская ССР) какой-то зачет по охране труда (охрана труда в Тарту была в большой силе, и соответствующие курсы вынуждены были проходить не только студенты, но и преподаватели, вплоть до профессоров). «Сижу я, – рассказывал Ю.М. Лотман, – и пишу что-то про нормативы, сколько там должно быть сантиметров между студентами в аудитории, на каком расстоянии от стола надо располагать источники света... А в это время за окном, напротив аудитории два мужика без всяких страховок стоят на крыше главного здания университета и сбрасывают снег лопатами прямо на тротуар, на головы проходим».

С. 76 – «Пойман зверь неизвестной породы...» *Что? Что такое?* и далее. Здесь идентификация песка уже начинает напоминать эпизод из сказки Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья» (1966):

«...в комнате появился какой-то неизвестный зверь. Он был коричневым, с большими вытаращенными глазами и коротким пушистым хвостом.

– Кто вы такой? – обратилась к нему Галя.

– Не знаю, – ответил гость.
 – Совсем-совсем не знаете? – спросила девочка.
 – Совсем-совсем...
 – А вы, случайно, не медвежонок?
 – Не знаю, – сказал Чебурашка. – Может быть, я медвежонок.
 – Нет, – вмешался крокодил, – он даже ни капельки не медвежонок. У медведей глаза маленькие, а у него вон какие здоровые!
 – Так, может быть, он щенок! – задумалась Галя.
 – Может быть, – согласился гость. – А щенки лазают по деревьям?
 – Нет, не лазают, – ответил Гена. – Они больше лают.
 – Как?
 – Вот так: ав-ав! – пролаял крокодил.
 – Нет, я так не умею, – огорчился Чебурашка. – Значит, я не щенок!
 – А я знаю, кто вы такой, – снова сказала Галя. – Вы, наверное, леопард.
 – Наверное, – согласился Чебурашка. Ему было все равно. – Наверное, я леопард!

Леопардов никто не видел, поэтому все отошли подальше. На всякий случай». (Успенский Э. Крокодил Гена и его друзья. М., 1966. С. 9–10).

С. 77 *Пойман зверь неизвестной породы похож пещера содержит ковылькинской неполной средней школе точка* Отсутствие предлогов и союзов – примета языка телеграмм, которые оплачивались в зависимости от количества слов в тексте. Поскольку телеграммы долгое время были единственным способом быстро сообщить информацию далекому корреспонденту, телеграфный язык оставался приметой особо важных сообщений и впоследствии, после широкого распространения радио- и телефонной связи (и соответственно – телефонограмм, где никакой рациональной причины для подобных сокращений уже не было).

СТА ВЕР	МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР	ПЕРЕДАЧА
ТЕЛЕГРАММА		_____ го _____ м Номер рабочего места Автоответ пункта приема Передача Служебные отметки
№ _____ _____ сл _____ го _____ м		
Категория и отметки особого вида Куда, кому ЦК КПСС ЗПТ СОВМИН СССР ТЧК=		
КАТЕГОРИЧЕСКИ ПРОТЕСТУЕМ ПЕРЕВОДУ НА РАБОТУ ИРКУТСКИЙ ОБЛИСПОЛКОМ ТОВ НОЖИКОВА ЗПТ ОН НУЖЕН ЗДЕСЬ ТЧК=		
ПРИНЯТО ЕДИНОГЛАСНО СОВЕТОМ ДИРЕКТОРОВ БРАТСКГЭССТРОЯ Фамилия и адрес отправителя		

С. 77 *...неполной средней школе...* «Неполная средняя школа» – еще один едва ли случайный анахронизм в повести, выражение это было устаревшим не только во время написания повести, но даже тогда, когда Ю.К. работал учителем. Оно использовалось до 1958 года, пока базовым в СССР было семилетнее образование. С 1959 года базовая школа стала именоваться «восьмилетней». В таких школах ученики получали лишь неполное среднее образование (от 1-го класса до 8-го), а дальше должны были переводиться в техникум, ПТУ, или в 9-й класс другой школы и там получать полное среднее образование (с 1973 года обязательное для тогдашнего жителя СССР).

В годы «развитого социализма» почти 70% сельских школ в России были восьмилетними или даже начальными. Чтобы продолжить обучение, их выпускникам надо было добираться до новой школы (иногда довольно далеко). И ковылкинская школа не была исключением, несмотря на достаточное число учеников (в конце этой главы упоминаются тридцать три «второклассные головы», это совсем не мало).

После прочтения текста комментируемой телефонограммы становится, между прочим, понятнее, почему такую силу в школе набрали всего лишь четвероклассники Белов и Быкодоров – в полной средней школе они бы, скорее всего, потерялись на фоне куда более грозных старшеклассников.

С. 78 *Что делать?* Мы уже отмечали, что, рассказывая о жизни учеников ковылкинской школы, Ю.К. часто пользуется цитатами из произведений, входивших в советскую школьную программу. Комментируемый разительный пример интересен тем, что автор «Недопеска» в данном случае совпал со своим хорошим знакомым Андреем Битовым, в самом известном романе которого «Пушкинский дом» (1971) главы и части тоже иронически названы по заглавиям книг из школьной классики. Так, заглавие пролога к битовскому роману повторяет заглавие романа Чернышевского «Что делать?».

Иллюстрация Кукрыниксов к стихотворению С. Маршака

– Учитель задал мне вопрос:
Где расположен Канин Нос?

А я не знал, который Канин,
И указал на свой и Ванин...

(Маршак С. Про одного ученика и шесть единиц. М., 1971. С. 14)

С. 78 «Тушонки раз», – написал Белов. «Згущенки два», – добавил Быкодоров. Сразу видно, что оба четвероклассника (наконец хоть что-то сделавшие каждый –

С. 78 ...хотя бы до полуострова Канин Нос... Строго говоря, Канин Нос – это не весь полуостров, а лишь выступающий подобно носу мыс на северо-западной оконечности полуострова Канин в Архангельской области. Вспомнив в повести это яркое смешное название, Ю.К. тем самым продолжил важную для нее и вообще для всего творчества автора «Недопеска» ринологическую (то есть связанную с разнообразными носами) тему. О важной роли носов в трех повестях о Васе Куролесове см.: Коваль 2017. С. 203 и след. Название «Канин Нос» обыгрывается и в нравоучительном стихотворении «Про одного ученика и шесть единиц» уже цитировавшегося нами чуть выше Самуила Маршака:

сам по себе) ходили в недолгие походы с классом или с отрядом в пионерском лагере. И тушенка, и сгущенка котировались в таких походах как самое лучшее, практически божественное лакомство. Не нужно, впрочем, забывать о том, что тушенка и сгущенка при всегдашнем дефиците в сельских магазинах продуктов были для жителей советской деревни настоящим спасением. Эти консервы Ю.К. воспел в рассказе «Тушонка» (Коваль 1999. С. 458–459, орфография авторская), здесь Ю.К. писал это слово так же, как Белов, и это была не ошибка. Именно такое написание было правильным, когда Ю.К. был ребенком, так слово было написано на тех банках тушенки, о которой он вспоминает. Однако после корректировки русской орфографии в 1956 году правила изменились, и Ю.К. как преподаватель русского языка не просто знал об этом, но еще и вынужден был, наверное, отвечать ученикам на вопрос «почему в книгах написано так, а нас учат по-другому». По крайней мере в конце 1960-х – начале 1970-х годов Белову за его орфографию точно полагалась «двойка».

Банки американской тушенки, присланной в СССР во время войны по ленд-лизу – государственной программе поставок США, предназначенной для помощи воюющим с Гитлером союзникам (интересно, как по-разному американские дизайнеры решали проблему с кириллическими «У» и «Я»). Справа: сгущенное молоко с классической этикеткой (худ. Ираида Фомина, 1939) «в кругу друзей и родственников» (иллюстрация в «Книге о вкусной и здоровой пище». М.: Пищепромиздат, 1963). Такое оформление упаковки этого продукта с небольшими вариациями повсеместно распространено и сегодня на всей территории бывшего СССР.

Что касается Быкодорова, то ему «пара» полагалась бы и задолго до 1956 года и после него.

В связи с описанными Ю.К. сборами в дорогу полярников из четвертого класса вспомним самых известных юных беглецов русской литературы – господина Чечевичина, он же Монтигомо Ястребиный коготь, и Володю Королева («Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги было уже все готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег» (Чехов А.П. Мальчики. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Том 6. М., 1976. С. 427). – и отметим разницу в подходах к решению продовольственной проблемы. В доиндустриальной

России, в отсутствие фабричных консервов, путешественнику приходилось полагаться на собственные силы: пищу нужно было добыть охотой (пистолет, ножи) и приготовить на костре (увеличительное стекло).

С. 78 *Уже на первом уроке диковинные слухи поползли по ковылкинской неполной средней школе.* И далее. Изображение «испорченного телефона», трансформации слухов при трансляции (сравните, кстати, настоящий испорченный телефон в предыдущей главе), гораздо старше телефонной связи. В русской литературе можно указать на грибоедовское «Горе от ума», можно – на «Мастера и Маргариту» Булгакова, но гораздо ближе к Ковалю вновь оказывается Гоголь. Это – то самое место X главы I тома «Мертвых душ», где можно обнаружить призрачный портрет героя нашей повести в образе «английского шпица»:

«Не говоря уже о разногласиях, свойственных всем советам, во мнении собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерешительность: один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: а может быть, и не делатель; другой утверждал, что он чиновник генерал-губернаторской канцелярии, и тут же присовокуплял: а, впрочем, чорт его знает, на лбу ведь не прочтешь. <...> Вдруг почтмейстер, остававшийся несколько минут погруженным в какое-то размышление, <...> вскрикнул неожиданно: “Знаете ли, господа, кто это?” Голос, которым он произнес это, заключал в себе что-то потрясающее, так что заставил вскрикнуть всех в одно слово: “А кто?” – “Это, господа, судырь мой, не кто другой, как капитан Копейкин!” <...> Но все очень усумнились, чтобы Чичиков был капитан Копейкин, и нашли, что почтмейстер хватил уже слишком далеко. Впрочем, они, с своей стороны, тоже не ударили лицом в грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далее. Из числа многих, в своем роде, сметливых предположений наконец одно было, странно даже и сказать, что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон, что англичанин издавна завидует, что, дескать, Россия так велика и обширна, что даже несколько раз выходили и карикатуры, где русский изображен разговаривающим с англичанином. Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон» (Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Мертвые души. Том первый. [М.; Л.], 1951. С. 205).

С. 78 *...но слишком уж большая собралась у печки толпа...* По воспоминаниям жительницы села Емельяново А. Семеновой, тамошняя школа отапливалась печами (сообщено С. Андреевым).

С. 78 *Жил будто на свете полярник с зеленым сундучком... Погиб полярник...* и далее. В Костер-6 более жестко: «Подстрелили полярника...» (С. 8). В этом слухе смешались воедино самые разные литературные и кинопечатления взбудораженных младшеклассников. Полярник из приключенческих книг и фильмов соседствует здесь с волшебным зеленым сундучком (такой упоминается, например, в русской народной сказке «Морской царь и Василиса Премудрая»), а этот сундучок – с мифическими царскими червонцами из детских советских книг о поисках сокровищ типа «Кортика» (1948) Анатолия Рыбакова («наличные» наде-

ялся найти в белогвардейском тайнике один из главных героев рыбаковской повести – Генка). Почтовые марки Оранжевых островов, вероятно, попали в ковылкинский слух из уже упоминавшейся нами детской повести Могилевской о юных филателистах «Марка страны Гонделупы». Там отрицательный персонаж Лева Михайлов пытался всучить положительному марку не менее фантастической, чем Оранжевые острова, страны – Гонделупы.

С. 79 *...все тридцать три второклассные головы слились в одну большую думающую голову, частично обритую наголо.* И еще один анахронизм. Семейный советский обычай с гигиеническими целями брить головы мальчикам из начальных классов наголо к началу 1970-х годов уже перестал быть актуальным. Сходный прием (слияние нескольких личностей в одну) позднее будет применен еще в двух произведениях Ю.К. В повести «Самая легкая лодка в мире»: «...Измученные коровы слились с Травяною Головой в единое целое, и теперь все это выглядело как самое обычное стадо с пастухом. Но я-то понимал, что у этого пастуха голова не совсем обычная» (Коваль Ю. Самая легкая лодка в мире: повесть, рассказы. М., 1984. С. 136). И в романе «Суер-Вьер»: «Капитан почему-то молчал, а я снова остро почувствовал... нет, невозможно объяснить... впрочем, ладно. Я почувствовал, что сливаюсь с капитаном в одно лицо...» (Коваль Ю. Суер-Вьер. М., 1998, С. 104).

Такое же количество учеников, как во втором классе из «Недопеска», насчитывается в повести Могилевской «Марка страны Гонделупы»: «Когда после большой перемены Клавдия Сергеевна вошла в свой первый класс “А”, она просто остолбенела на пороге: все парты до одной были пусты, но зато все ее тридцать три ученика ползали по полу, старательно подбирая какие-то перышки, карандаши, резинки» (Могилевская С. Повести. С. 125).

Число «тридцать три» в обоих случаях отсылает к фольклору и его литературным стилизациям, в первую очередь – к пушкинской «Сказке о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831).

С. 79 *А большая переменка – это десять минут.* Странно, что бывший школьный учитель Ю.К. так ошибся. Большая перемена – на то и большая, это время школьного завтрака. Вот что гласит закон (Постановление Совмина СССР от 08.09.1970 № 749 об Уставе средней общеобразовательной школы): «Продолжительность урока в средней школе – 45 минут; продолжительность перемен между уроками – 10 минут, большой перемены (после второго урока) – 30 минут; вместо одной большой перемены допускаются после второго и третьего уроков перемены по 20 минут каждая». Так же обстояло дело и во времена, когда Ю.К. был школьником.

С. 80 *Дверь заперли учительским стулом...* Других стульев в классе и не было: ученики большинства деревенских школ еще в 1970-х годах сидели на скамьях за партами. Причем скамьи и парты составляли одно целое, как на этой фотографии и на иллюстрации Кукрынисков к стихотворению о Канином Носе (см. выше, на с. 209).

С. 80 *Тут все переглянулись и поняли, что предателя среди них нет.* В журнальном варианте повести (Костер-6) далее следовала такая шутка: «Сильно, конечно, смахивал на предателя Сашка Самолетов, но это было внешнее сходство. На самом деле Сашка был честнейший человек» (С. 9).

С. 80 *В баню колдуна Карасева.* Баня издавна считалась в народной традиции местом, где в свободное от мытья время колдуны творят страшноватые ритуалы (см. об этом в книге: Райан В.Ф. Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006). Неудивительно, что именно в такое отпугивающее обычных людей место хитроумный Миша Чашин предложил поместить Наполеона Третьего.

С. 81 – «Бэ», – *напряженно прочел Серпокрылов, повертел записку, причитался как следует и добавил: – «А-а... Ба...»* Сравните в упоминавшемся выше рассказе Толстого «Филипок»: «Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел. – Ну-ка, сложи свое имя. – Филипок сказал: хве-и-хви, -ле-и-ли, -пеок-пок. – Все засмеялись» (Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1982. Т. 10. С. 12).

С. 81 *Интересные задумки директора Губернаторова* Слово «задумка» (вместо нейтрального «план» или книжного «замысел») впервые фиксируется в таком значении в русской словесности только в середине XX века. Это – черта языка директора Губернаторова, газетно-бюрократического советского стиля, словечко удивительным образом соединяет мнимые простонародность и фамильярность с казенностью. В журнальном варианте повести (Костер-6) Ю.К. издевался над словом «задумка» еще более откровенно: «Директор Губернаторов вообще любил интересные задумки и частенько сам задумывал их. Когда школьники решали собрать макулатуру или когда завхоз предлагал отремонтировать дымящую печку, директор рассудительно говорил:

– Это интересная задумка» (С. 11).

Читатели догадались уже, что мы советуем им воздержаться от употребления этого слова.

С. 82 *...позорить будете нашу школу?* В журнальном варианте (Костер-6) далее следовало еще более сильное: «Доколе вы будете пить кровь?» (С. 10).

С. 82 *Я сделаю из вас настоящих людей!* Несомненная отсылка к «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого (1946), обязательному произведению школьной программы в советское время. Главный герой повести (и тезка Серпокрылова) военный летчик Алексей Мересьев, тяжело раненный во время воздушного боя и оказавшийся на оккупированной фашистами территории, выбравшийся к своим, а затем после ампутации обеих ног вернувшийся в строй, должен был служить советским детям образцом для подражания. Пробираясь через линию фронта, герой Полевого стремится на восток столь же упорно, как будет стремиться на север недопесок у Ю.К. (это становится лейтмотивом первой части «Повести о настоящем человеке»):

«Порой не то дрема, не то забытье овладевали им. Он засыпал на ходу, но сила, тянувшая его на восток, была так велика, что и в состоянии забытья он продолжал медленно ползти, пока не наткнулся на дерево или куст или не оступалась рука и он падал лицом в талый снег. Вся его воля, все неясные его мысли, как в фокусе, были сосредоточены в одной маленькой точке: ползти, двигаться, двигаться вперед во что бы то ни стало.

<...>

«Неужели это я?» – подумал Алексей и, страшась снова наклониться над водой, не стал пить, поел снега и пополз прочь, на восток, притягиваемый все тем же могучим магнитом» (Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. М., 1973. С. 35, 36).

С. 82 *Прямо здесь, в этом кабинете, вы дадите обещание учиться только на «хорошо» и «удовлетворительно».* Про обещание учиться без двоек (кстати, и без пятерок) укажем, что стандартная формулировка была несколько иной. Высказывание государственного и партийного деятеля М.И. Калинина «Учиться хорошо и отлично – это самое главное патриотическое дело советских ребят. Именно с этого и начинается у вас коммунизм» (О пионерской организации: Статьи, речи и письма выдающихся партийных, государственных и общественных деятелей. М., 1963. С. 31) цитировалось множеством школьных памяток. Но, по-видимому, директор Губернаторов был реалистом и стремился добиться от своих подопечных хоть сколько-нибудь выполнимых обязательств.

С. 82 *Он буквально перепахал их души и засеял перепаханное разумными семенами.* Еще одна ироническая цитата из Некрасова – из его хрестоматийного стихотворения «Сеятелям» (1876): «Сейте разумное, доброе, вечное». Вспоминается, конечно, и очень часто цитировавшаяся в советском идеологическом обиходе реплика В.И. Ленина о романе Чернышевского «Что делать?», впервые приведенная в воспоминаниях Н. Валентинова «Мои встречи с Лениным» (1953): «Он меня всего глубоко перепахал».

С. 82 *Двоечники, как гуси, вытягивали шеи, уши их загорались от слов директора, а прически вскулдычивались.* Глагол «вскулдычиваться» словарями не отмечен. Можно предположить, что он возник в тексте Ю.К. как продолжение «гусяного» уподобления: кулдычат индюки (правда, так характеризуют издаваемые ими звуки, а не оперение, «прическу»).

С. 82 *Особенно сильное впечатление произвел на двоечников рассказ о том, как поступали с такими, как они, в старое время. Некоторые двоечники плакали навзрыд.* Сравнение со старым царским временем и не всегда правдивые рассказы о телесных наказаниях в тогдашних гимназиях и церковно-приходских школах были дежурными приемами советской педагогики.

С. 83 *Повизгивая, крутился глобус, мелькали океаны и материки.* И далее. Здесь пародируется одна из часто повторяющихся в произведениях XX века сцен: могущественный властитель рядом с глобусом – уменьшенным воплощением и сим-

волом земного шара. Можно вспомнить Воланда перед балом в «Мастере и Маргарите» Булгакова или игру Аденоида Хинкеля с глобусом-воздушным шаром в фильме Чаплина «Великий диктатор» (1940).

С. 83 *А что, если получить премию и послать ее в какой-нибудь город, пострадавший от землетрясения?* И вновь указание на рубеж 1960-х и 1970-х годов. Разрушительное ташкентское землетрясение 1966 года, жертвами которого стали десятки людей (по неофициальным данным), лишило крова более ста тысяч жителей узбекской столицы (и тут официальные цифры были занижены). Всесоюзная помощь Ташкенту была одновременно искренним порывом людей и государственной кампанией, призванной продемонстрировать интернационализм советских граждан. (Между прочим, косвенным следствием ташкентского землетрясения явилось важное для русской культуры событие – в 1967 году третий номер выходявшего в Узбекистане на русском языке журнала «Звезда Востока» был объявлен благотворительным, безгонорарным, в нем были напечатаны произведения авторов, которых советская печать публикациями не баловала. Среди них были и покойные писатели предшествующей эпохи, чьи произведения давно ожидали встречи с читателем: Мандельштам, Булгаков, Платонов, Бабель, Вс. Иванов, и литераторы из поколения «шестидесятников»: Ю. Казаков, Б. Окуджава, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, Р. Рождественский. Были представлены в легендарном номере и «генералы» советской литературы: К. Симонов, А. Жаров, Р. Гамзатов, но читатели раскупили тираж почти мгновенно не ради их произведений.)

С. 83 *Но тут дело проще пареной репы.* В журнальном зале (Костер-6) далее следовало уже совсем циничное: дошкольник «обойдется без денег и без благодарности» (С. 11).

С. 83 *...посадим на первую парту – это будет хорошая награда.* А эта задумка директора Губернаторова выглядит едва ли не издевательством. За первые парты в начальной школе иногда сажали шалунов, порой – малорослых или слабо-видящих школьников. Так или иначе, размещение ученика прямо перед носом учителя вряд ли могло считаться такой уж хорошей наградой – малорослые с детства комментаторы имели возможность убедиться в этом на собственном горьком опыте.

С. 84 *Барабанной россыпью, пулеметной дробью простучали крышки парт...* Речь идет о типе парт с откидывающейся крышкой, еще в конце XIX века разработанным гигиенистом Ф.Ф. Эрисманом. Такие парты во времена написания «Недопеска» уже начали потихоньку заменять новыми, монолитными, но и в городах, и тем более в селах и деревнях они держались еще долго. Парту Эрисмана мы уже дважды показывали читателям этого комментария на с. 209 и 212.

С. 85 *...как великан перед карликами...* Это неожиданное и весьма рискованное для советской детской книжки сравнение пародийно переводит противостояние директора Губернаторова и второклассников в плоскость мифологии, например, скандинавской, в которой подробно описываются войны карликов и великанов. Из комментируемого мифологического сравнения вырастает следующий в повести через абзац портрет директора: «Огромный, как гора, стоял директор <...> и на плечах своих, казалось, держал грозовую тучу». Это уже прямо отсылает нас к знаменитому роману о путешествиях судового врача Лемюэля Гулливера. В первой его части мы узнаем, что жители Лилипутии называли Гулливера «Куинбус Флестрин» (что в переводе означает «Человек Гора»).

С. 85 *Он пригладился, посмотрел на Веру повнимательней, как дровосек, который хочет расколоть полено...* и далее. А в этом сравнении отразился опыт человека, часто и умело коловшего дрова. Целиком на подобном сравнении (реализующем оба значения глагола «расколоть») построена глава «Щепки летят» в повести Ю.К. «Приключения Васи Куролесова». См.: Коваль 2017. С. 36–37, 210.

С. 86 *Только лишь знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев ласково улыбался, распустив свою великую бороду...* Возможно, внимательному читателю советского времени в этом месте должно было стать окончательно ясным, вместо чьих портретов висит в классе ковылкинской начальной школы портрет знаменитого химика – «великая борода» здесь от К. Маркса, ласковая улыбка – от «дедушки Ленина». Д.И. Менделеев, позируя для фотографов в фас, обычно принимал довольно-таки суровое или нейтральное выражение лица.

Слева: вокально-инструментальная группа выступает в одной из школ города Ангарска. 1970 год (обратите внимание: оба гитариста – левши – подражают Полу Маккартни?). Справа: кабинет химии в одной из тульских школ. 1974 год. В верхнем левом углу фотографии можно различить портрет Д.И. Менделеева. На портрете справа – А.М. Бутлеров.

С. 86 *Как плотник Меринов видит насквозь стакан с лимонадом, как мамаша Меринова видит насквозь самого плотника...* Еще один прозрачный намек на то, чем плотник любил заниматься возле и внутри ковылкинского магазина. Лимонад здесь – то ли замена для детской книжки куда более крепкого напитка, то ли маскировочное средство, которым для приличия подкрашивали при распивании возле магазина этот напиток, то ли слабое утешение, которое подсовывает Меринову супруга вместо чаемого (куда более крепкого) напитка. Сравните также в воспоминаниях о Ю.К., написанных Иваном Овчинниковым: «Мне не известно точно, существовал ли во времена, когда писал Юрий Коваль, какой-нибудь официальный запрет – что-нибудь вроде указа “о недопустимости изображения сцен пьянства в детской литературе”. В те времена много было запретных тем <...> У Алексея Толстого в “Золотом ключике” пьянствуют (в харчевне “Три пескаря”) не только злодеи Карабас Барабас и Дуремар. Положительный папа Карло тоже не прочь пропустить стаканчик вина. “Советскому графу” многое прощалось и разрешалось. У Ковалева же, если чокаются, то лимонадом, если напиваются, то квасом» (Первое сентября. 1998. 10 февраля. С. 4).

Также можно вспомнить рассказ Зощенко «Лимонад» (1925), в котором посетителю в ресторане приносят вместо лимонада водку со следующим объяснением: «Так что это у нас завсегда лимонадом зовется. Вполне законное слово. Еще с прежних времен... А натурального лимонаду, извиняюсь, не держим – потребителя нету» (Зощенко М. Собрание сочинений. Рассказы и фельетоны 1925–1930. М., 2008. С. 290).

С. 87 – *Ну вот, – сказал директор. – Явился главный свидетель. Ну-с, гражданин дошкольник, как вы поживаете?* Директор Губернаторов приобретает здесь явственное сходство с многоопытным следователем, причем не только советским (отсюда в речи директора возникает обращение «гражданин»; см. наш комментарий выше), но и с дореволюционным, вроде Порфирия Петровича из «Преступления и наказания», тоже любившего уснащать свои реплики словечком «Ну-с». Но даже при всей опытности директор не в состоянии распознать в Алексее Серпокрылове главного подозреваемого: покуда дошкольник еще находится вне вверенной Губернаторову педагогической фермы.

С. 87 *...взревел белугой и заглох...* Укажем здесь (ради комментаторского пуризма), что ревушая белуга этой идиомы – не рыба семейства осетровых, а полярный дельфин (в северных говорах он называется то белухой, то белугой). Полярному дельфину, в отличие от рыбы, хотя бы есть чем реветь.

С. 87 *Два директора* Мы уже вспоминали в связи с арктической темой роман В. Каверина «Два капитана», здесь о нем напоминает заголовок. Можно также напомнить название повести Толстого «Два гусара» (1856). У Каверина советский капитан-летчик оказывался достойным наследником погибшего отца своей возлюбленной – капитана-полярника Татаринова. У Толстого сын-гусар оказывался ложным наследником своего романтического отца Турбина. У Ю.К. представлен иной сюжет: директора вступают в символическое соревнование, как два Ивана

в гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834), но читатель уже знает, что победителем поединка заранее назначен директор зверофермы, стоящий в общественной иерархии выше директора школы. Отношения двух директоров в повести делают их двойниками другой пары персонажей – Белова и Быкодорова (обратите внимание на то, что после этой главы коловики больше не появляются в повести).

С. 87 *В окно видно было, как пыжиковая шапка пересекла школьный двор... и далее.* С. Веднёва видит в этой метонимии (пыжиковая шапка вместо человека) еще один прием, восходящий к «Носу» (и «Невскому проспекту») Гоголя (Веднёва С. Слово Юрия Коваля. С. 184).

С. 88 *...простучали по коридору неслыханные еще в школе полуботинки...* Можно предположить, что таким образом Ю.К. сообщает: директор Некрасов ранее не переступал порога ковылкинской школы. Но более вероятным нам кажется намек на принадлежность руководителя зверофермы к советской номенклатуре, классу начальников, перемещающихся исключительно на персональных автомобилях и могущих позволить себе соответствующую легкую, доходящую всего лишь до щиколоток обувь. Напомним в связи с этим, что в романе соседа Ю.К. по журналу «Костер» Сергея Довлатова «Чемодан» (написанном в середине 1980-х годов, но повествующем о временах молодости автора, т.е. о 1960-х годах) одна из глав называется «Номенклатурные полуботинки».

С. 88 – *Во жердина-то! – восхищенно шепнул Коля Калинин. – Во журавель, во сушеный лецок!* Все три характеристики перифрастически описывают директора Некрасова как человека высокого и очень худого (в позднейшем «Промаше гражданина Лошакова» Ю.К. изобразит «необыкновенно длинного, похожего на черного журавля» персонажа, которому тоже будет присвоена ситуативная кличка «Журавель» (Коваль 2017. С. 79)). Помня о том, что на одной из предыдущих страниц «Недопеска» второклассники ковылкинской школы были уподоблены мифологическим карликам, можно, наверное, вспомнить о гераномахии, то есть войне журавлей с карликами-пигмеями, которая описана в греческой мифологии и упоминается, например, в «Илиаде» Гомера (песнь третья). Также отметим, что Коля Калинин мог сравнивать директора Некрасова вовсе не с журавлем-птицей, а с журавлем – устройством для подъема ведра из колодца. Это даже более вероятно – длинный шест-рычаг естественно продолжает ряд уподоблений, начатый «жердиной».

С. 89 *...руку, на которой написано было «Таня»...* Татуировки в СССР были социально не одобряемы (в связи с уголовными ассоциациями) и культурно не престижны. Татуировки простейшего типа, имена подруг на кисти руки (а иногда – имена самих носителей татуировок), художественно часто довольно несовершенные, практиковались в дворовой и армейской среде. Позже, в Перестройку, газеты обошла трогательная фотография возглавившего компартию РСФСР И.К. Полозкова, на кисти руки которого отчетливо можно было прочитать слово «Ваня». Татуировка с именем возлюбленной (может быть, той, что потом стала женой и приготовила

яичницу) хотя бы чуть-чуть, но очеловечивает грозного директора Губернаторова, как очеловечивала татуировка с его собственным именем «Миша» и без того обаятельного работника милиции в исполнении Станислава Чекана в популярнейшей комедии Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» (1968).

Вот она, эта знаменитая рука артиста Чекана (вернее, его персонажа – милиционера в штатском)

С. 89 *...ответственный товарищ...* Это сочетание – примета советского языка самой ранней эпохи, времени военного коммунизма и НЭПа. В начале 1920-х годов слово «товарищ» еще означало члена партии, а не любого советского человека. «Ответственный товарищ» – крупный советский чиновник, лицо, наделенное особыми полномочиями. Сравните в романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито» (1921), с намеком на преемственность советской бюрократии по отношению к дореволюционной: «Изредка проносились автомобили с ответственными товарищами и сани, в которых сидели товарищи в чине не ниже заведующего отделом наркомата» (Эренбург И.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. М., 1962. С. 213). Столь же иронично использует это выражение Маяковский в комедии «Баня» (1929). В 1970-е годы сочетание «ответственный товарищ» – несомненный архаизм.

С. 89 *Наконец у окна зашевелился Павел Сергеевич...* и далее. Если в первой части повести Ю.К. провел нас через мир детской прозы о животных (М. Пришвин, В. Бианки), то во второй мы попадаем в мир советской «школьной прозы» (разумеется, оба этих мира преобразены индивидуальной манерой автора и задачами, которые он ставит перед собой). Вариант советской «школьной прозы», более характерный для 1930-х – начала 1950-х годов и ориентированный скорее на изображение школьников младшего и среднего возраста, предполагал несомненное торжество детского коллектива, направляемого мудрыми старшими товарищами (чаще всего – в лице учителей). Отколовшиеся от коллектива хулиганы и отдельные заблудшие эгоисты в конце концов осознавали свои ошибки и, перевоспитавшись, бодро вливались в общее дело. Именно таким хотел бы видеть школьный мир директор Губернаторов.

В литературе 1960–1970-х годов картина школьной жизни усложняется; для комментируемого места существенно, что в повествованиях о школе (все чаще ориентирующихся на старшеклассников) появляются новые коллизии: и одиночки теперь не всегда не правы, и любимый учитель может оказаться таким же одиночкой перед лицом педагогического коллектива, начальства и стоящих за ними властных институций (вспомним известный рассказ Валентина Распутина «Уроки французского» 1973 года). Разумеется, такое повествование в первую очередь ориентировано не на читателей-школьников, а на взрослых, но границы между детским и взрослым чтением в это время размываются, появляется «молодежная проза». Наверное, самое известное произведение такого типа – не книга,

а фильм «Доживем до понедельника» (о нем см. в статье С. Андреева «Купюры в повести “Недопесок”...» на с. 132). Это уже мир не директора Губернаторова, а Павла Сергеевича, отводящего глаза к портрету Менделеева.

Среди появившихся в советском искусстве мало-симпатичных матерых педагогов старой закалки первое место по праву занимает товарищ Дынин. Этот одинаково чуждый и детям, и молодым вожатым, и даже прогрессивным партийным руководителям директор пионерского лагеря из сатирического фильма Элема Климова по сценарию С. Лунгина и И. Нусинова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (Мосфильм, 1964) может считаться старшим братом директора Губернаторова с его «задумками» и косноязычным красноречием.

С. 90 ...не мог подобрать подходящие слова. В журнальном варианте (Костер-6) далее следовал фрагмент, прямо передававший смятенные мысли и чувства Павла Сергеевича: «Да и что тут скажешь, Вера-то была, пожалуй, права. Сделают, обязательно сделают из Тишки воротник, уж больно мех у него хорош» (С. 14).

С. 91 *Собралась наконец-таки над вторым классом туча... медвежьим голосом рывкнул Некрасов...* Если директор Губернаторов предстает перед второклассниками мифологическим великаном, то директору Некрасову приписываются и вовсе свойства потустороннего существа, бога-громовержца. В связи с этим стоит вспомнить таинственного Папашку из повести Ю.К. «Самая легкая лодка в мире» – волшебное существо с тремя головами, одна из которых – щучья (ср. «сушеный лещок»), другая – медвежья, а третья – человечья.

Отождествление администраторов с лесным начальником, медведем – частый мотив в классической русской литературе. Следует назвать сказку Салтыкова-Щедрина «Медведь на воеводстве» (1884) и «Генерала Топтыгина» Некрасова (1867), стихотворение, предназначенное для детского чтения. Рев медведя, оставленного в саях загулявшими ямщиком и хозяином животного, заставил зрителя почтовой станции у Некрасова (поэта-недиректора, как написал бы Ю.К.) предположить в Топтыгине высокого начальника:

Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И зритель отскочил:
«Господи помилуй!

Плакат к фильму Э. Климова (худ. В. В. Соловьев). Товарищ Дынин обращается к пионерам с трибуны, а Костя Иночкин, нарушитель правил и границ, прячется под ней

Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

(Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. III. М. –Л., 1982. С. 103).

С. 92 *Поэтому никто не станет делать из него воротник.* Не хочется давать положительный ответ на вопрос директора Некрасова из зачина комментируемой главы, но весь опыт разведения песцов на фермах показывает, что в данном случае директор детям бессовестно лжет. Подробнее об этом см. в статье Стаса Востокова на с. 118. Обратим, между прочим, внимание и на то обстоятельство, что свою речь директор Некрасов произносит, сняв с головы шапку, сделанную из меха олененка (характерно, что далее в повести эта меховая шапка будет противопоставлена не меховой фуражке дошкольника Серпокрылова).

Позже Некрасов сообщит Губернаторову, что самые лучшие шапки – из песца. Так что его торжественное обещание не делать из Наполеона *воротник* весьма похоже на демагогическую уловку: ведь про *шапку* он ничего не говорит.

С. 92 *Я не мастер много говорить. Я мастер много делать.* Демонстративный отказ от риторических навыков – риторический прием, за которым стоит представление о противопоставлении слова и дела, использовавшийся, в частности (но вовсе не исключительно), в советской литературе. Предполагается, что неумелая речь чудесным образом подтверждает деловые качества оратора, а чрезмерно искусная, напротив, дискредитирует его. Между тем, речь директора достаточно искусна. Так, его риторический вопрос («Скажите-ка, ребята, <...> разве похож я на негодяя?»), ставящий всех в тупик, – традиционный прием завоевания доверия аудитории.

С. 93 *Мы организуем кружок звероводов.* В фильме «Недopesок Наполеон III» звучит даже хвастливый «Марш звероводов», написанный размером «Интернационала» и поющийся от лица гипотетических участников этого кружка (слова песни – авторства Ю.К.):

Мы любим всех зверей на свете,
Мы отдадим им жар сердец.
Наполеон пока что третий,
Потом пойдет сто двадцать третий,
Потом пять тысяч двадцать третий,
Особо ценный сверхпесец.

Должны мы провести работы
По украшению Земли.
Спасибо скажут бегемоты
За материнскую заботу,
Спасибо скажут кашалоты
За то, что мы их развели.

Мы будем весело трудиться
Над разведением лисиц!
Да что, в конце концов, лисицы,
Да что песцы, да что куницы!
Мы можем вывести жар-птицу,
Построим фермы для жар-птиц.

Не надо в жизни нам покоя,
Мы удивим весь белый свет.
Мы даже вырастим такое,
Такое пышное, большое,
Пушистое и меховое,
Чему названья даже нет.

Еще один куплет этого марша (первый) по понятным причинам в фильм не вошел. Его текст любезно сообщила нам Юлия Коваль:

Ура! Теперь мы звероводы!
Мы будем всех зверей любить!
На благо нашего народа,
Всего советского народа
Мы будем разные породы
Лисиц и норок разводить!

С. 93 ...поднялся над партами лес рук... А вот эта метафора выдает в Ю.К. бывшего школьного учителя. Как известно, ироническая присказка «лес рук» входит в устойчивый, выработанный десятилетиями учительский лексикон, наряду с: «А голову ты дома не забыл?», «А если бы Рогов с пятого этажа прыгнул, ты бы тоже выпрыгнул?», «Звонок звенит для учителя!», «Что это вы с Обатниным смеетесь, расскажи, вместе посмеемся» и тому подобное. Впрочем, не будучи учителями, мы тоже помним эти волшебные фразы.

С. 93 ...будто кавалерийский эскадрон выхватил сабли наголо. Это уже второе «кавалерийское» сравнение в повести (первое было в главе «На полюс!»: «Ему хотелось свистнуть, как свистят кавалеристы, скачущие в степи»). Может быть, Ю.К. таким образом напоминал взрослому читателю «Недопеска» о своем любимом прозаике Бабеле, в «Конармии» (1923–1937) которого тема болезненного противостояния личности и коллектива одна из центральных. О Бабеле и Ю.К. см.: Коваль 2017. С. 250–251 и др.

С. 93 ...с видом ученого секретаря... Ученый секретарь – это сотрудник научного учреждения, отвечающий за проведение научной работы. Коля же выполняет работу самого обычного секретаря, составляющего списки и ведущего протоколы.

С. 94 *Надо бросить силы и на чернобурок.* Только еще став самозванным «ученым секретарем», Коля сразу же прочно вошел в эту роль. Он не только рачительно заботится о чернобурках (между прочим, так называют не самих черно-бурых лис, а их мех и даже воротники из этого меха), но еще и употребляет «взрослый», характерный для речи советских партийных работников оборот «бросить силы на...»

С. 94 ...он делал это в исключительно редких случаях. Антагонистов Серпокрылова и Некрасова сближает их привязанность к своим головным уборам –

директор зверофермы снимает шапку «только в самых ответственных случаях», а дошкольник и вовсе только раз в день – ложась спать. Не снимать («не ломать») ни перед кем шапки – черта горделивых независимых героев в русском фольклоре. Далее обнаружится скрытое уподобление шапки директора императорской короне.

С. 94–95 ...*дошкольник простер ладонь свою к Менделееву и сказал: – Товарищи!.. А потом все песцы изберут его атаманом.* Дошкольник проявляет себя в этом диспуте действительно как неумелый оратор. Впервые, пожалуй, мы видим в Серпокрылове не опытного и мудрого соратника и спутника Наполеона, а шестилетнего мальчика ростом «чуть выше елового пня», двойника наивного толстовского Филипка. Эта неумелость только подчеркивается тем обстоятельством, что жест дошкольника всем советским людям того времени с неизбежностью должен был напомнить знаменитый киножест, начинающего говорить В.И. Ленина, а первое слово речи Серпокрылова такое впечатление лишь усиливало (поэтому-то, наверное, и нахмурился идеологически чуткий директор Губернаторов).

Атаманов выбирают в некоторых вариантах игры в «Казачьи-разбойники», но больше всего представления дошкольника о жизни на полюсе напоминают народные сказки или легенду о чудесной вольной стране Беловодье. Напомним, впрочем, что императорскую корону исторический Наполеон I получил в статусе пожизненного консула, а эту должность он занял после референдума 10 мая 1802 года, на котором французы «избрали его атаманом». Дошкольник, конечно, об этом ничего не знает, но косвенно историческая параллель подтверждает (не реалистическую, но поэтическую) правоту Серпокрылова.

Как станет вскоре ясно читателям, фиаско Серпокрылова, его игра в Филипка и полный триумф директора Некрасова – всего лишь последствия реализации хитроумного «военного» плана дошкольника, пытающегося задним числом убедить второкклассников в своей правоте и тянущего время до своего разоблачения.

С. 96 ...*золоченая китайская авторучка.* Еще одна деталь, относящаяся скорее не к 1970-м годам, а к более раннему времени. Китайские авторучки «с золотым пером», как и другие товары производства КНР (термосы, кеды, трикотажные изделия марки «Дружба», электрические фонарики и чай), исчезали из советской торговли по мере ухудшения отношений между странами (начиная с 1960 года). Покуда в Китае продолжалась так называемая «Культурная революция» (1966–1976), раскол между двумя социалистическими державами все углублялся, и уже в 1969 году дело дошло до вооруженного пограничного конфликта на острове Даманском (Чжэньбао, как его предпочитали называть в Китае). После этого о термосах и кедах китайского производства нечего было и вспоминать. Не говоря уже о ручках с золотыми перьями, разнообразных и действительно очень хороших.

Борис Щукин в роли Ленина в фильме Михаила Ромма «Ленин в Октябре» (1937). Сзади справа Семен Гольдштаб в роли будущего генералиссимуса

Впрочем, у директора Некрасова ручка могла сохраниться еще с 1950-х годов. В первом книжном издании (Коваль 1975) китайская ручка в кармане директора Некрасова, естественно, отсутствует.

С. 96 *Директор Некрасов <...> осторожно принял зуб из рук дошкольника.* Ручка директора Некрасова могла выглядеть вот так (White Feather 610, производство – Китай, 1970-е)

Дошкольник реализует русскую идиому-перформатив «Зуб даю!» (= обещаю, клянусь). Вся сцена возвращает нас к теме колдовства, в данном случае речь идет о том виде магии, который связан с воздействием по принципу смежности предмета и его бывшего хозяина. Предметами, с которыми манипулируют колдуны, могут быть, например, ногти, зубы или части одежды. В этой логике (которой, конечно, не руководствуются герои, но о которой стоит помнить читателю), вручая Некрасову свой зуб, хитрый Серпокрылов как бы передает директору власть над собой. Не случайно тот бережно прячет зуб в нагрудный карман. И так же не случайно потом, когда обман дошкольника раскроется, директор Некрасов символически растопчет бесполезный зуб ногами.

Это заставляет вспомнить предшествующие эпизоды повести. Иллюстрация Веры к стихотворению про пальму и сосну, где на фоне родного полярного пейзажа появляется недопесок, оказывается также магической, она предсказывает финал повести (это – магия другого типа, когда предметы связаны не смежностью, а сходством). Обратите внимание, что колдовство то подтверждается, то иронически опровергается логикой повествования: так, научный йод помогает печнику Волопасову от колдовской болячки, а молочный зуб вовсе не обеспечивает директору Некрасову победы в соревновании с дошкольником.

С. 96 *Мышка, мышка! / На тебе зуб репяной, / А дай мне костяной.* Почти дословно в таком же виде этот короткий заговор можно найти в словаре Даля (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.–М., 1882. Т. I. С. 695), иногда вместо мыши в заговоре упоминается домовая, хранитель очага – это проясняет тайный смысл изречения старшего Серпокрылова (из одноименной главы): «В каждом приличном доме имеются мыши». Обратим внимание на то, что мыши в повести появляются в связи с двумя центральными персонажами. Оба героя вызывают симпатию, оба окружены не понимающими их людьми (или другими живыми существами). И в отличие от главного героя романа Достоевского «Идиот» (1868) князя Мышкина, оба добиваются успеха в своих начинаниях.

С. 96 *Потому он и крутится возле деревни, что ему кушать хочется.* Сравните вошедшую в пословицу реплику героя «сентиментальной повести» Зощенко «О чем пел соловей» (1925):

«Лизочка, заламывая руки, не раз спрашивала:

– Вася, как вы думаете, о чем поет этот соловей?

На что Вася Былинкин обычно отвечал сдержанно:

– Жрать хочет, оттого и поет» (Зощенко М. Собрание сочинений. Сентиментальные повести. Мишель Синягин. Письма к писателю. Веселые проекты. Счастливые люди. М., 2008. С. 140).

С. 96 *А сам он себе пропитание добыть не может... Его разорвут собаки, или подстрелят охотники, или задавит машина, или просто он сам помрет от голода.* В этот момент лукавая неправота директора Некрасова должна стать очевидной нам (но не второклассникам): ведь читатели знают, что Наполеон уже спасся и от машины, и от охотника, и от собак, и от недобрых людей. И вполне способен добыть себе пропитание и найти ночлег.

С. 97 – *Долой дошкольника!* – крикнул Коля Калинин... В журнальном варианте повести (Костер-6) призыв Коли звучал далеко не так безобидно, он весьма напоминал воинственные советские лозунги 1920–1930-х годов Там Коля кричал: «Долой серпокрыловщину!» (С. 17), возводя индивидуальный стиль поведения дошкольника в тип поведения, и поведения антиобщественного.

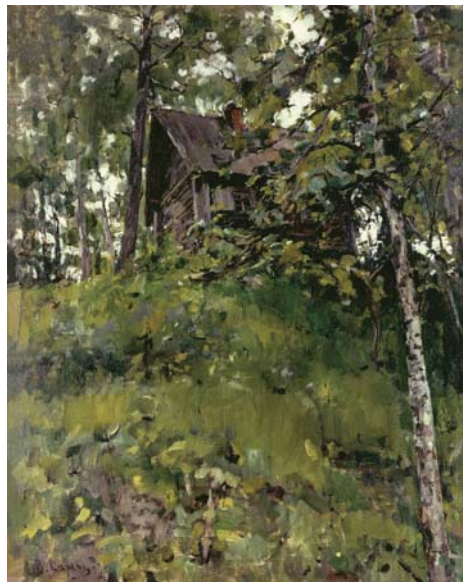
С. 97 – *Это верно, – солидно соглашался дошкольник.* Далее в журнальном варианте (Костер-6) следовал фрагмент, из которого читатель узнавал о детской мечте Серпокрылова, а главное – понимал, почему милому и хорошему учителю все-таки очень далеко до шестилетнего дошкольника: «– Вот ты хочешь на полюс, – расти, учишься, станешь полярником.

– Я хочу быть танкистом.

– А насчет песка не огорчайся. Не в твоих силах помешать течению жизни» (С. 18). Совсем скоро читатель убедится, что Павел Сергеевич сильно заблуждается.

С. 98 *Не я написал картину «Иван Грозный убивает своего сына».* Вот и выяснилось, какими сыновьями скорее всего пугал Лешу папаша Серпокрылов (см. примечание на с. 197).

С. 98 *Мне только баню карасевскую рисовать.* Между прочим, старые деревенские бани тоже писали русские художники не последнего разбора, например, любимый ученик Репина Валентин Серов, автор картины «Старая баня в Домотканове».

С. 99 – *Так вот в какую тюрьму спрятали вы Наполеона!.. В такой квартире его крысы загрызут.* Учитывая прямое упоминание о картине Репина в начале комментируемой главы, может быть, уместно будет вспомнить здесь про еще одну знаменитую картину – «Смерть княжны Таракановой» Константина Флавицкого.

Следует напомнить, во-первых, что историческая княжна Тараканова (неизвестная, которая называла себя княгиней Елизаветой Владимировской и выдавала за дочь императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского) отчасти тоже – титулованная особа, хотя бы и в проекте. Во-вторых, – что фамилию «Тараканов» носит второстепенный герой трилогии Ю.К. о Васе Куролесове. Пьеса Леонида

Картина Константина Флавицкого давно стала феноменом массовой культуры. Поэтому мы воспроизведем здесь не репродукцию, кото-

рую читатель легко найдет «на просторах интернета», а более странные, необычные формы. Такие, как раскрашенная открытка или вышивка гладью. «Тюрьма» во всех случаях представлена наглядно, а «крысы», которые «загрызут», можно рассмотреть на фрагменте справа

Даже по вольной версии Флавицкого крысы «княжну» не загрызли – на картине она вот-вот должна погибнуть во время наводнения, и крысам, ищущим спасения на ее постели (см. фрагмент картины), уготована та же участь

Зорина «Царская охота», посвященная печальной судьбе так называемой «княжны Таракановой», появилась незадолго до выхода в свет повести, в 1974 году.

С. 100 ...кричали второклассники, обманутые нагло и бесповоротно. Дальнейшее их поведение в журнальном варианте повести (Костер-6) было еще более нетерпимым, чем в книжном: «– Бей дошкольника!

- Это Верка виновата!
- Пригрела змею на груди!» (С. 18)

С. 100 Локтями, портфелями вытолкали второклассники Веру из своих рядов по направлению к дошкольнику, а сами сплотились вокруг директоров. Собственно, именно так, с точки зрения директора школы, и должен выглядеть отпор, который получают оторвавшиеся от коллектива одиночки. Сочетание «сплотиться вокруг» – штамп советского языка, применяющийся для описания чрезвычайных ситуаций: смерти вождя, начала войны или подлых вылазок врагов. В эти минуты советские люди постоянно еще сильнее сплывались вокруг партийного руководства.

На языке позднесоветской литературы эту ситуацию можно описать иначе – как травля коллективом одиночки при попустительстве начальства. Именно это становится основой сюжета детской повести Владимира Железникова «Чучело» (1981).

С. 101 – Окружить деревню! – зычно скомандовал Некрасов. Дальнейшая парамилитарная активность школьников напоминает военные игры героев советской детской литературы (от повестей А. Гайдара до шпионских романов Г. Матвеева

и стихотворения Е. Долматовского «Коричневая пуговка»), а также игру «Зарница». Сцена безуспешной поимки Наполеона (настоящего, хотя и появившегося в результате «испорченного телефона») в декорациях русской провинциальной жизни изображена в очень смешном стихотворении А.К. Толстого «Отрывок (Речь идет о бароне Велье)» («Разных лент схватил он радугу...», 1871).

С. 101 – *А на кой же мне пес маленькая собачонка?* На этот каламбур исследовательница творчества Ю.К. обращает особое внимание (Веднёва С. Слово Юрия Коваля. С. 185). «Маленькая собачонка» рядом со «псом» в ситуации *qui pro quo* появляется в стихотворении С. Маршака «Багаж» (1926).

С. 102 *...на два дерева, которые оторвались от родного леса и стоят посреди поля.* Помимо стихотворения о сосне и пальме, разлученных роковыми обстоятельствами, здесь вспоминается другое лермонтовское стихотворение, посвященное судьбе изгнанника – «Листок» (1841):

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного Моря.
(Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Стихотворения, 1836–1841. М.–Л., 1936. С. 139).

Кстати, в этом стихотворении парой дубового листка выступает уже мелькнувшая в наших комментариях чинара.

Вспомним также знаменитую песню о дубе и рябине, написанную по мотивам стихотворения И.З. Сурикова «Что шумишь, качаясь...» (1864). В памяти почти у всех читателей и слушателей и даже в одном из рассказов самого Ю.К. первая строка звучит иначе: «Что стоишь, качаясь...». Но у Сурикова в первой строке именно «шумишь», да и другие строфы выглядят не совсем так, как куплеты в народной песне.

С. 103 *...остатки фосфора.* Чтобы компас было удобно использовать в темное время суток, фосфоресцирующим составом покрывают конец его магнитной стрелки, а также указательные маркеры на нем.

С. 104 *Дошкольник подпрыгнул и бешено задвигал локтями, показывая, с какой именно скоростью мчится Наполеон.* Далее в журнальном варианте повести (Костер-6) следовал такой фрагмент:

«– Вот хорошо! – обрадовалась Вера. – Не нужно ему возвращаться на ферму. – Он не вернется. А после праздников давай мы сами сбегает на полюс. Компас есть.
– А уроки-то? Я смогу только в зимние каникулы.
– Ну, ладно. Сбегает вначале на разведку.
– А ты все-таки молодец, Серпоккрылыч, – засмеялась вдруг Вера. – ловко ты всех околпачил.

– Я – солдат! – ответил дошкольник Серпокрылов и вдруг заметил почтальона дядю Илюшу, который всегда наводил его на военные мысли.

– Первая рота справа, – зашептал дошкольник. – Вторая слева. Прикрывайте тылы.

Вера и глазом не успела моргнуть, как дошкольник пропал за углом, и сразу послышалась отчаянная пальба и крик: “В штыки!”

Бурная военная доля выпала сегодня деревне Ковылкино. Мало того, что деревня была окружена, в самом сердце ее гремел неслыханный бой.

Вера постояла на месте, соображая, к кому относится команда “прикрывайте тылы”. С пяток минут прикрывала она тылы, как могла, но, чувствуя, что бой не утихает, пошла к дому» (С. 19).

С. 106 *...она прожила яркую жизнь и, если б пришлось начать сначала, снова пошла бы тем же путем.* А здесь, почти в финале повести, пародируется стиль некролога или официальной речи на похоронах. Впрочем, можно привести и менее мрачную аналогию – пенсионер рассказывает о своем нелегком, но героическом жизненном пути школьникам. Еще раз вспомним и сказочную быль Гайдара «Горячий камень», герой которой говорит, что он не хочет «начинать жизнь сначала», поскольку он всегда шел трудным, но правильным путем.

С. 108 *В кустах бузины директора заметили фигуру с удивительной сосновой головой.* Объективно глуповатый Коля Калинин со своей «древесной» фамилией предстает здесь, во-первых, живой пародией на образ лермонтовской сосны, во-вторых, воплощением идиомы «дубовая голова» (с заменой одной породы дерева на другую) и, в-третьих, плохо замаскированным участником военной операции (бросающиеся в глаза сосновые ветки на фоне голых в это время года кустов бузины).

С. 108 *Но кто ищет, тот всегда найдет.* Директор Некрасов вспомнил крылатую строку из песни «Веселый ветер» времен своего пионерского детства, написанной И. Дунаевским и В. Лебедевым-Кумачом для фильма «Дети капитана Гранта» (1936). Первоисточник этой строки – 10-й стих 11-й главы Евангелия от Луки: «ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».

С. 108 *И мы должны обещать директору Некрасову, что не будем смыкать глаз, пока не отловим этого Наполеона.* Стремясь во что бы то ни стало заткнуть за пояс директора Некрасова, директор Губернаторов договорился до полного и антипедагогического абсурда. Он призывает второклассников (!) пообещать Некрасову не ложиться спать, пока не будет пойман песец со зверофермы. Фразеологизм «не смыкая глаз» здесь нелепо искажен – если бы директор Губернаторов был действительно хорошим оратором, он употребил бы синтетическую форму будущего времени: «не сомкнем глаз», но она, видимо, оказалась слишком сложной для него.

С. 109 *Только лишь за этот год мы сдали мехов на миллион рублей.* Раз уж директор Некрасов перешел на язык социалистических обязательств и рапортов, воспользуемся этим языком и мы: в 1970 году Советский Союз вышел на первое место

в мире по объему производства шкурок зверей, разводимых на зверофермах в клетках. Таких шкурок производилось 6,3 млн в год.

На миллион рублей в 1975 году в СССР можно было купить десять миллионов литров бензина или проехать на трамвае целых 33 333 333 раза. А вот поговорить по мобильному телефону нельзя было за эти деньги даже одну секунду.

С. 110 – *Хорошистка, – вставил с крыльца директор Губернаторов.* Напомним, что совсем недавно (в главе «Окружение и погоня») директор велел Вере Мериновой прийти «в школу с родителями». Сравните поведение главного героя рассказа Чехова «Хамелеон» (1884), еще одного произведения из школьной программы, сюжетная коллизия которого связана с внезапно обнаруженным животным, собакой.

С. 111 ...и *выскочил на улицу с новой пыжиковой шапкой в руках.* Должность директора зверофермы предполагает широкие деловые контакты. Они в те времена (как и сейчас) значительно облегчались ценными подарками. Поэтому возить с собой некоторое количество очень дорогих и дефицитных пыжиковых шапок – не причуда Некрасова, но сугубая необходимость. На юридическом языке это называется «коррупцией», а с точки зрения внутренней логики повествования чудесное появление шапки выглядит подтверждением волшебной силы директора Некрасова. Отметим в этом фрагменте также нарочито архаическое окончание прилагательного («новою» вместо «новой»), еще один микросигнал принадлежности повести к традиции старой русской литературы.

На этом фрагменте картины Жака Луи Давида «Коронавание императора Наполеона I и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года» (1808) Наполеон уже короновал сам себя и приступает к коронации своей супруги Жозефины де Богарне. Папа Римский (сидит за спиной императора) не возражает. Мантии Бонапарта и Жозефины подбиты мехом горноста

С. 111 *Некрасов принял ее из рук шофера и сам себе возложил на голову.* Празднуя победу над Наполеоном Третьим, директор повторяет знаменитый исторический жест Наполеона I Бонапарта. 2 декабря 1804 года во время коронации императора французов в парижском соборе Нотр-Дам Наполеон выхватил корону из рук римского папы Пия VII и возложил ее себе на голову сам (как писал Е.В. Тарле, он «не пожелал принимать корону из чьих бы то ни было рук, кроме своих собственных». Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. М., 1959. Т. VII. С. 144). Здесь Ю.К. выводит исторический претекст на поверхность повествования, повторяя формулу, которая кочует из одного рассказа об этом символическом событии в другой (и которую мы тоже использовали выше).

С. 111 *Большие и пушистые, как стога сена, они ослепляли второклассников, и только лишь хвост Наполеона мог сравняться с ними в пышности и величавой красоте.* Еще один отчетливый намек на будущую незавидную судьбу Наполеона.

С. 112 *Мамаши и хозяйки месили тесто, рубили лук и капусту для пирожков. Приготовление рачительной хозяйкой пирогов с капустой в выходной день описывается и в повести С. Могилевской «Марка страны Гонделупы»:*

«Это воскресенье ничем не отличалось от остальных. Тоже пеклись пироги. На кухне в боевой готовности, с ухватом в руках, с румянцем во всю щеку, стояла Вовкина мать, Анна Никитична. Через несколько минут пироги предстояло вынуть из печи, и пироги эти были с капустой» (Могилевская С. Повести. С. 210).

С. 112 *Фрол Ноздрачев затеял резать свинью, вынес на двор лампочку в сто свечей, и огромная его тень легла на соседние дома, шевелилась на крышах и стенах ковылкинских сараев. Земным двойником небесного охотника окончательно предстает перед нами в этой сцене зловещий Фрол Ноздрачев.*

С. 112 *Мамаша отложила пока месить тесто, вытащила кой-какие грибочки, скорей всего волвяночки. Грибы волвянки называют еще волнушками. Их не жарят, а только солят. Скорее всего, в честь прихода дорогого гостя мамаша Меринова вынула из холодного погреба банку в этом сезоне собранных, а потом засоленных волвянок.*

Обратим внимание на два обстоятельства: рассказчик прекрасно разбирается в грибах, вместо общепринятого он употребляет редкое слово, как можно предположить, из лексикона ковылкинцев, вряд ли знакомое большинству его читателей (сравните со страницами «Промаха гражданина Лошакова», изобличающими в Ю.К. отменного грибника: Коваль 2017. С. 69, 71). Одновременно автор снимает с себя ответственность за психологическую и даже предметную точность повествования: тот же нарратор, который прежде с уверенностью сообщал нам о мыслях и чувствах героев, не может теперь разглядеть, что там за грибочки в баночке (соленые волнушки по внешнему виду действительно трудно отличить от соленых рыжиков). Повествователь вообще в начале этой последней главы повести как бы слагает с себя полномочия, сводя их к незримому присутствию среди героев, вроде кинокамеры в руках документалиста. Не случайно основной объем главы занимают диалоги, почти лишенные авторских ремарок (сравните сходный прием в финальной главе повести «Самая легкая лодка в мире»). Эпизод вечерних посиделок у Мериновых написан как бы с точки зрения Веры,

Волнушки – слева. Конечно, опытный грибник не ошибется – рыжики оранжевые, да еще с зелеными концентрическими окружностями на шляпках, и ножка на срезе у них зеленеет

но и о ее мыслях повествователь сообщает нам лишь, что «Вера гнала их от себя, так гнала, что все выгнала и ни одной мысли в голове не осталось». Лишенное психологической глубины после добровольного отречения Наполеона, авторское повествование готовит читателя к неожиданному повороту в финале книги.

С. 112 – *Надо нам пельмени лепить, – говорил в этот момент слесарь Серпокрылов.* И в повести Могилевской переход от одного эпизода к другому строится как смена кулинарных декораций: «Примерно в то самое время, когда у соседей с пирогами было покончено, у Пети к ним только приступали» (Могилевская С. Повести. С. 211).

С. 113–114 – *Ты что ж считаешь – я виновата?.. – Сбежит, сбежит...* Разорванный вставной историей заочного социалистического соревнования двух директоров последний диалог Веры и дошкольника – пример того, что в обиходе 1960–1970-х годов называлось «подтекстом» (Ю.К. в «Самой легкой лодке...» определил такой тип диалога как «разговор краями»): авторские комментарии почти устранены из текста, и читатель сам должен догадываться о психологических движениях, образующих скрытую драматургию и спрятанных за слабо связанными между собой, короткими и часто кажущимися случайными репликами героев и их скупыми жестами, лишь намекающими на эмоции. Этот вид повествования справедливо связывался с именами Чехова и Эрнеста Хемингуэя.

В комментируемом отрывке Вера задает прямой вопрос, который адресует Леше, но одновременно и себе. Дошкольник не хочет отвечать прямо, но направление его взгляда подсказывает утвердительный ответ. Следующая реплика Веры отвечает на этот невысказанный упрек: недопесок не бежал на полюс, именно поэтому перчатка оказалась у Веры. Спор продолжается и заходит в тупик, Вера видит, что ей не убедить упрямого дошкольника и примирительно, но несколько свысока переводит разговор на пельмени. И тут оказывается, что дошкольник использовал тесто как материал для своего последнего неоспоримого аргумента. Вера оказывается убеждена именно этим иррациональным доводом, она вновь обвиняет себя в предательстве, но Серпокрылов, примеряя принесенную Верой перчатку недопеска, великодушно утешает раскаявшуюся героиню.

С. 114 – *Да это не пельмень, – ответил дошкольник Серпокрылов, придвигая к Вере странную фигурку из теста...* Сравните выше (на с. 224) о колдовстве, магии и силе искусства в повести Ю.К.

С. 114 *Давай, Катюша, заделаем и то и другое. Сильными белыми директорскими руками он схватил колобок теста...* Оба директора, в отличие от большинства ковылкинцев, живут вне семейного круга. О существовании супруги Губернаторова мы можем лишь догадаться по татуировке и чудесно являющейся перед ним яичнице. Жена Некрасова также изображена лишь как адресат его речи (в первый раз она в том же качестве появляется в главе «Барсучья ночь»: «– Катя, – говорил он во сне, – дай кисельку клюквенного»). О детях не говорится ни слова, и упоминание колобка теста, отсылающее к русской сказке о бездетных старике

и старухе, поддерживает это значимое умолчание. Но напоминание о невеселой сказке заставляет вспомнить и о целом сюжете повести: недопесок уходит от всех врагов, но в конце концов попадает в сильные белые директорские руки Некрасова. Их описание в очередной раз подтверждает отношение директора зверофермы к касте начальников, не пачкающих рук черной работой, но зато имеющих в них особую силу – силу власти. Кстати, белые руки (правда, не сильные, а маленькие) – лейтмотивная деталь портрета французского императора в «Войне и мире».

С. 114 ...и в голову ему не пришло, что директор Губернаторов слепил двести. Буквально во всех соревнованиях проигрывавший директору Некрасову, должен же был директор Губернаторов хоть в чем-то его превзойти.

С. 115 На этом заканчивается повесть о недопеске Наполеоне Третьем. Добавить больше нечего, кроме того, что ровно через месяц недопесок снова сбегал. На этот раз он нигде не задерживался и наверняка добрался до Северного полюса. А теперь представьте себе детективный фильм, в котором после разоблачения преступника, надписи «Конец» и финальных титров вам вдруг показывают, как все было на самом деле, в результате чего все расследование и все погони теряют смысл. Примерно так поступает рассказчик этой повести. Эффект финала состоит в том, что только что устранившийся от дел повествователь, церемонно раскланявшись с читателем, неожиданно появляется вновь и несколькими словами изменяет смысл всего рассказа: Наполеон, оказывается, все-таки добрался до полюса.

«Взрослая» правда истории о недопеске, правда директора Некрасова состояла в том, что «искусственный зверь» в лучшем случае может прибиться к собакам, но скорее всего погибнет, так что лучше ему, подобно Маркизу, вернуться в неволю и покорно ждать решения своей участи. «Детская» сказочная правда дошкольника Серпокрылова – это история о чудесной стране на полюсе, крае свободных песцов, к которому устремлен романтический царственный недопесок. Вера Меринова колеблется между этими картинками мира, безуспешно пытается найти компромисс (вроде помещения песца в собачью конуру или «воспитания» его в кроличьей клетке). В конце концов героиня и читатели (как будто вместе с повествователем) смиряются с суровой правдой директора Некрасова, ощущая при этом, что ничего хорошего в ней нет. Лишь одинокий упорный дошкольник Серпокрылов не расстается со своей уверенностью в сказке.

И вот в самом финале (и даже за его пределами, ведь дважды нам сообщают о конце повествования) выясняется, что рассказчик-то – двойник хитрого Серпокрылова, он путал нас и заметал следы. Теперь он появляется вновь и, не сообщая деталей, вскользь констатирует, что на самом деле прав был именно дошкольник (хотя и здесь слово «наверняка» лишает рассказ окончательной достоверности). Подтекст из Евтушенко оказывается полемическим, логика сказки и чуда побеждает логику повседневности, хотя хеппи-энд у Ю.К. остранин, вынесен за пределы повествования. Читатель волен считать его правдивым или ложным – в зависимости от того, чья правда ему ближе. Но ведь в колеса колдуна Карасева он уже поверил, отчего бы не поверить и в счастливый исход истории Наполеона?

В журнальном варианте (Костер-6) повесть заканчивалась не так эффектно (оставляя место для «правды директора Некрасова») и более откровенно переключалась с зачином:

«Заснули Маркиз и сто шестнадцатый, в деревне Ковылкино заснул и дошкольник Серпокрылов.

“Он снова убежит, – думал во сне дошкольник. – Теперь его не удержишь”.

И действительно, ровно через месяц со зверофермы “Мшага” снова сбежал недопесок Наполеон Третий.

Следов не нашли» (С. 23).

Заключим наши комментарии цитатой; это – второй фрагмент лейтмотивной песни, завершающий фильм о недопеске и замечательно переводящий финал повести на язык поэзии:

Увы, но на полюс без риска
Добраться, увы, не легко.
Увы, но деревня так близко,
А полюс, увы, далеко.
Увы, по дороге на полюс –
Снега и сугробы тайги...
И все же на полюс, на полюс, на полюс
Беги, недопесок, беги!

До полюса нынче едва ли
Удастся тебе добежать.
Сегодня тебя мы догнали,
А завтра – едва ли догнать.
А ветер свистит по-матросски
В пространстве большом и пустом,
И бродят в холодных снегах недопески,
Следы заметая хвостом...

Наполеон Третий
и Наполеон Пятнадцатый.
Рисунок Анны Свистуновой

От редакторов-комментаторов этой книги: читатели наверняка заметили, что иллюстрации в «научном аппарате» «Недопеска» несколько отличаются от принятых ранее в нашей серии «Руслит» (где, напомним, среди прочего выходила другая книга Юрия Ковалёва – «Три повести о Васе Куролесове»). Впервые, кроме «примет эпохи» – плакатов, кадров из кинофильмов, изображений подлинных вещей и т.п., – мы использовали современные рисунки, да еще и детские (см. с. 138, 150, 167, 180, 198, 233). Эта идея принадлежит дочери Ю.К. Юлии Коваль, ставшей в 2017 году одним из организаторов всероссийского конкурса детских работ, посвященных «Недопёску». Среди многочисленных задач конкурсантам предлагалось также проиллюстрировать книги Ю.К. Восприятие книги юным читателем – тема, которую мы, в общем, почти не затронули в наших комментариях. Причина этого понятна (наши «разъяснения» адресованы взрослым), но всё же отсутствие «детской» темы ощущается нами как признак некоторой неполноты книги. Поэтому мы не только включили в «научную» часть рисунки конкурсантов, но и попросили Юлию Юрьевну рассказать о результатах конкурса.

Юлия Коваль О наших «звёздах Ориона»

Отец мой жил и писал всё-таки давно. Уже 23 года его нет с нами, а книжки он и вовсе начинал писать полвека назад. Мое поколение с ними росло, люди 1980-х годов рождения тоже читали. А что нынешние дети? Для меня это был вопрос умозрительный. Дочке нравилось – и хорошо. Но ведь и дочери уже за двадцать. А сегодня-то? Как оно? Воспринимается ли, ведь жизнь за это время так изменилась?

Я не знала бы ответа на этот вопрос, если бы не столкнулась с интересом современных взрослых к личности отца, его жизни и литературе. Сообщество ковалелюбов, ныне достаточно известное в нашей стране, как раз и состоит из таких людей. Они читают и цитируют книги Юрия Ковалёва по буквально любому случаю, берегут реликвии тех уже давних времен, ищут и находят дополнительные материалы по жизни и творчеству Юрия Осича и поддерживают меня и других Ковалей в реальной жизни, за что им от нас огромная благодарность. Думаю, редакторы-комментаторы этого издания ведь тоже ковалелюбы, что они с блеском доказали, выпустив «Три повести про Васю Куролесова» два года назад.

Так вот, прошлым летом ко мне обратились Маргарита Баева и Анастасия Варнавская, филолог и художница, работающие с детьми и сами, конечно, мамы с предложением провести к юбилею отца конкурс, получивший название «Звёзды Ориона». Я согласилась, не подозревая еще о том, что конкурс станет всероссийским.

Опуская подробности, скажу, что охват получился большим – около 1000 участников со всех концов страны прислали свои работы. По «Недопёску» мы придумали викторину и дали две темы для эссе. А картинки ребята рисовали без ограничений, по любой книжке. Мы просили ребят присылать рукописные листы с ответами, стараясь добиться от них максимума самостоятельности. Не обошлось

и без курьёзов – видели бы вы каллиграфичность почерка первоклассника из Казани, вдруг приславшего эссе про Колобка! Такие явные родительские поделки мы отодвигали в сторонку. Но зато среди почти двухсот присланных ответов на вопросы викторины и семидесяти эссе были и настоящие удачи – не только хорошо написано, но и красиво оформлено. Особо упомяну работы детей из села Пожарское Приморского края (см. ниже) – такие они нарядные, весёлые, с рисованными обложками, рамочками, с такой любовью и тщанием сделаны!

Конечно, не все наши вопросы попали в цель – многие ответы были попросту списаны из Википедии, что огорчило. Однако целей у нас было много, и мудрая Настя сказала:

– Ну и что, что списано? Или срисовано. Ведь он – ребёнок – сам писал, рисовал, значит – усвоил и освоил. – И оргкомитет утешился.

Мы придумали двадцать вопросов, включая кроссворд, постарались дать интересные и разнообразные задания. Были вопросы по арифметике, природоведению, кулинарии, конспирологии. Было и несколько рисовальных заданий.

Некоторые ответы кажутся мне вполне достойными включения в основной корпус комментариев, другие прекрасно характеризуют не только читательскую, но и образовательную ситуацию в современной России. Пример первого рода – ответ Данилы Воробьева (п.г.т. Новый городок г. Белово, Кемеровская область) на вопрос № 2 нашей викторины: **Какие детали запомнились тебе и как они характеризуют персонажей? Вспомни про головные уборы, для чего они использованы автором? Перечисли их.** Данила пишет: «Пыжиковая шапка <...> олицетворяет собой силу и власть; она даже как будто живет сама по себе: “близкий неожиданный выстрел ошеломил директора Некрасова, пыжиковая шапка дрогнула на голове”, “пыжиковая шапка недовольно шевелилась”, “в ответ пыжиковая его шапка побледнела от злости”. Вообще пыжиковая шапка <...> служит чуть ли не короной, которую Некрасов “сам себе возложил на голову”». Про офицерскую фуражку и ее «носителя» Лёшу Серпокрылова участник конкурса Василиса Макеева пишет так: «он никогда не снимал [фуражку], т.к. всегда был “на задании”».

О ситуации в сегодняшней школе – свидетельство Софьи Горболиной (село Верхний Суксун, Пермский край). Отвечая на 18-й вопрос викторины, предлагавший, среди прочего, объяснить, «почему директорские телефонограммы тоже написаны с ошибками, ведь директора – люди грамотные?», Софья, очевидно, опираясь на собственный опыт, сообщает, что «даже учителя у нас в школе говорят – “хочете” и “ложите”. Почему – не знаю». Александр Иванов (г. Углич, Ярославская область) предполагает, что директор Губернаторов «чувствовал, что выполняет дела государственной важности, очень волновался и от волнения ошибался». Очевидным личным опытом обусловлен ответ Дианы Камышниковой (п. Парковый, Тихорецкий район Краснодарского края): «Директорские телефонограммы написаны с ошибками, потому что их передал дядя Федя через телефон, в котором стоял треск; телефонограмму долго не могли передать на

Рисунок Алеши Деревенского

ферму». Конечно, и в Тихорецком районе стоят вышки с антеннами и даже у десятилетних ровесников Дианы есть мобильные телефоны, но треск в трубке, проблемы со связью – величина постоянная, не зависящая от смены поколений техники.

Самым сложным и интересным было творческое задание викторины, оно же – вопрос № 1: «...Представь себе встречу песцов – Наполеона, Маркиза и Стошестнадцатого – если бы они были людьми. Запиши их воображаемую беседу». Оно, естественно, скорее рисовало психологический портрет конкурсанта, нежели песцов-беглецов. Вот, например, фрагмент ответа Ани Поповой из села Зарино (Обоянский район Курской области), считающей, что «Маркиз мог обращаться к ним как к младшим. Откашливаться, говорить серьезные и мудрые слова. Сто шестнадцатый больше молчал. Наполеон перебивал, говорил быстро и иногда неправильно». Кстати, по версии другой конкурсантки, Дианы Прохоровой, (пос. Вожега, Вологодская область), «Сто шестнадцатого так зовут потому, что он родился на Северном полюсе сто шестнадцатым, а имя было неизвестно. А Сто шестнадцатый пишется слитно и с заглавной буквы, потому что это мать у него так решила». Вообще авторы ответов на вопросы викторины придерживаются самого высокого мнения о плодовитости песцов и крепости песцовых семейных уз: «Я не хочу жить в неволе и ждать, когда меня усыпят и мою шкурку отправят на мех. Я буду стремиться к Северному полюсу, к вечным льдам и снегам. Там я

Рисунки Насти Женжерухи (слева) и Лизы Васильевой. Все-таки школьники не очень представляют себе, какого цвета платина, так что Наполеон Третий на этих картинках скорее напоминает Сто шестнадцатого, «голубого двухлетка»

встречу свою подругу, такую же красивую, как и я, и у нас будет потомство – ровно двадцать маленьких щеночков. И я проживу там свою полную настоящую счастливую жизнь!» (уже цитировавшаяся нами жительница Пермского края Софья Горболина). Столь же высоки у песцов духовные стандарты. Вот как принимают они решение в работе Виктории Решетниковой (г. Сызрань, Самарская область):

«Наполеон: Остановись, друг, а как же наша мечта, а свобода?»

Сто шестнадцатый: Прости, Маркиз, ну не могу я друга предать, даже ради сытой жизни. Прости ты меня. Бывай! Бежим, друг!

Наполеон: Вперед. Нас ждут великие дела и свобода. Ты настоящий друг!»

Недопесок, кроме благородства помыслов, демонстрирует здесь еще и немалые знания. Возможно, он цитирует великого комбинатора Остапа Бендера (который сопровождал ими пробуждение своего коллеги по поискам сокровищ: «– Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! – сказал он, расталкивая Балаганова» («Золотой теленок», гл. 32)). Но нельзя исключить того, что Наполеон Третий обращается здесь напрямую к первоисточнику – и, одновременно, современнику своего тезки-императора, – графу Анри де Сен-Симону. Будущий знаменитый социалист-утопист, согласно легенде, велел своему лакею будить себя именно теми словами, которые много позже повторит сначала «сын турецко-подданного», а затем, немного видоизменив, сын Наполеона II со зверофермы «Мшага».

В конкурсе участвовали провинциальные дети: из Москвы были участники только с картинками, из Питера – никого. Можно сказать: мы получили срез нашего общества от 8 до 12 лет и их родителей, разумеется. И очевидно, что они испытывают затруднения в самостоятельных рассуждениях. Однако всё меняется при конкретной постановке вопроса. Ребята с удовольствием решают предложенные задачки и почему-то гораздо свободнее себя чувствуют в «разборе полетов». Из их ответов сразу явствует их отношение к книге. Все они, конечно, болеют за недопёска и поддерживают Лёшу Серпокрылова. Более рассудительные взрослые девочки стараются его урезонить, но в целом – все за Северный полюс!

Мы занимались нашим проектом больше года – с июня 2017 года до отправки последней посылки с призами в начале июля 2018-го. Задействовали все возможные ресурсы – хорошо, что у отца много друзей, есть настоящий оплот детской книги в лице Российской государственной детской библиотеки, и ковалелюбы помогали без вопросов. Особо благодарим Евгению Новикову, художниц Юлию Архипову и Татьяну Чеботарёву, создавших оригинальные образы Наполеона; Галину Седову, Максима Воробья, Олю Зубареву, Пашу Козырева, дизайнера Александру Коваль, а также всех членов жюри конкурса, Почётного председателя Виктора Александровича Чижикова и группу поддержки в лице РГДБ, студии «Метроном-фильм», Российской газеты, издательства «Мелик-Пашаев» и издательский проект «А и Б». Всё – на чистом волонтерстве и добровольных пожертвованиях. Устали ужасно, но...

Но расстаться-то невозможно. Ни с книгами, ни с читателями, ни с оргкомитетом... Так что в этом году – новые задания! В фокусе внимания – Чистый Дор. Есть такая заповедная деревня на Северах. Надеюсь, что и для этой прозы найдутся свои комментаторы.

Адрес нашего конкурса: www.zvezdyoriona.com

Рисунок Виктории Решетниковой (антропоморфные песцы в шляпах) и офорт Э. Перрота (Клод Анри де Рувруа, граф де Сен-Симон)

на правах рекламы Три повести о Васе Куролесове

«Детективные» повести о Васе Куролесове Юрий Коваль (1938–1995) писал около двадцати лет – «Приключения Васи Куролесова» вышли в 1971-м, а последняя из написанных книг цикла, «Промаях гражданина Лошакова», – в 1989 году. Слово «детективный» мы взяли в кавычки: хотя сюжет здесь действительно острый и автор (как вы узнаете из затекстовых комментариев) использовал опыт своего отца, многие годы служившего в уголовном розыске, все-таки трилогия о Куролесове – прежде всего памятник русской литературы XX века и блестящее описание московского и подмосковного быта 1960–1980-х годов. Реалии жизни героев книги не очень понятны современному подростку, поэтому книгу прокомментировали известные ученые, два профессора русской филологии – Олег Лекманов (НИУ ВШЭ, автор биографий Осипа Мандельштама, Сергея Есенина, многочисленных исследований по истории русской литературы) и Роман Лейбов из университета г. Тарту (Эстония), главный редактор гуманитарного сайта «Ruthenia». 2-е издание вышло в 2017 году

«Ещё в сумерках Болдырев с Васей снова подошли к дому Рашпиля. Осторожно приоткрыв калитку, капитан вошёл в сад. Вася за ним. У поленницы дров капитан остановился и сказал негромко:

– Докладывайте.

– Всё в порядке, – неожиданно ответили дрова глухим еловым голосом, – пташка в клетке. Нет ли чего-нибудь пожевать?

– Подкрепляйтесь, – сказал капитан и сунул в поленницу бутерброд, завёрнутый в газету.

Дрова тихонько заворчали, шелестя газетой.

– Стань у сарая, – сказал Болдырев Васе, – и гляди в оба. Только не вздумай чего-нибудь делать. Стой, смотри и молчи.

– А если меня будут резать?

– Тогда кричи, – сказал Болдырев и растворился где-то за кустами смородины, за пчелиными ульями.

Вася стоял, прислонившись спиной к сараю. Справа от него была поленница дров, слева – смородина и помойка, прямо перед Васей – яблони и ульи, а за ними – дом».

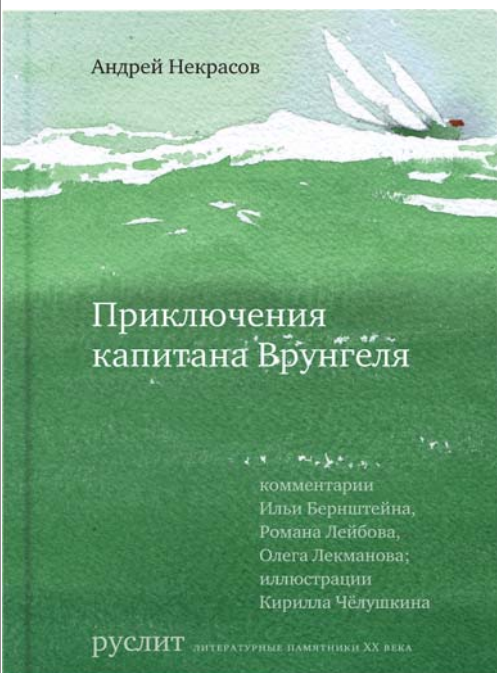
«Научный аппарат» (комментарии и статьи) занимает в книге более 100 страниц.

на правах рекламы Приключения капитана Врунгеля

Повесть Андрея Некрасова (1907–1987) «Приключения капитана Врунгеля» неоднократно переписывалась автором – менялись его личные обстоятельства, политический климат в СССР и в окружающем мире. Первоначальная версия, выходящая в 1937 году в журнале «Пионер», предвосхищала столь актуальный сегодня «графический роман»: практически полосные иллюстрации Константина Ротова сопровождалась обширными подписями Некрасова. В 1939 году повесть впервые вышла отдельной книгой, и хотя в ней по-прежнему были работы Ротова, но роли поменялись – теперь главное место занимала литература. Рассказ о кругосветном плавании яхты «Беда» был не только остроумным и остросюжетным, не только вообрал в себя обширный моряцкий фольклор, но и сатирически описывал политическую карту мира конца 1930-х годов – с германскими нацистами, испанскими франкистами, фалангистами Муссолини и японскими милитаристами. Следующая версия книги появилась в 1958 году, и теперь на просторах морей «шкодили» (по выражению Христофора Бонифатьевича Врунгеля) чанкайшисты.

Все эти реалии и обозначающие их слова вряд ли понятны сегодняшнему читателю. Поэтому книга снабжена обширным – 150-страничным – научным аппаратом, объясняющим (и показывающим – комментарии проиллюстрированы фотографиями, плакатами, карикатурами), каким видели окружающий мир первые читатели книги. книга вышла в 2017 году

«– Э, батенька, – говорю я, – далеконочко же вас занесло! Италия-то вон где...

– Италия везде, – перебил сержант. – И здесь, – показывает направо, – Италия, и здесь, – показывает налево, – Италия... Весь мир – Италия!

Ну, я спорить не стал. Думаю: «Хмель-то у него ещё не прошёл, так чего с пьяным разговаривать?»

Опять же пришлось принять во внимание, что в те годы такие вот молодчики в Италии взяли верх над народом и весь мир собирались к рукам прибрать. И достигли даже кое-чего: в

Абиссинии, в Сомали, в Эритрее итальянский сапог в то время выше всего почитался. И невдомёк было этим джуликам и бандитам, что их главный бандит до того высоко сапоги занесёт, что так, вверх сапогами, его и повесят...».

Литературно-художественное издание
Серия «Руслит. Литературные памятники XX века»
Юрий Коваль
Недопесок

Для среднего и старшего школьного возраста
В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
издание маркируется знаком

Иллюстрации Евгения Двоскина
Макет, вёрстка Илья Бернштейн
Редактирование и корректура Лидия Шитова

Подписано в печать 29.08.2018. Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Гарнитура CharterC. Печ. л. 15. Тираж 3000 экз. Заказ №

ИП Бернштейн И.Э.

 Издательский проект «А и Б»®

Отпечатано в ООО «ТДС-Столица-8»

11024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, дом 11а, корп. 1

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

К56

Коваль, Юрий

К56 Недопесок: [для сред. и старш. шк. возраста] / Юрий Коваль; [ил. Евгения Двоскина]. – М.: Издательский проект «А и Б», 2018. – 240 с., ил. – (Руслит. Литературные памятники XX века).

ISBN 978-5-990626-21-8

© ИП Бернштейн И.Э., 2018

© Е. Двоскина, иллюстрации, 2018

© С. Востоков, статья, 2018

© Г. Ельшевская, статья, 2018

© Ю.Ю. Коваль, статья, 2018

© О. Лекманов комментарии, 2018

© Р. Лейбов, комментарии, 2018

© И. Бернштейн, дизайн, составление серии, комментарии, 2018

ISBN 978-5-990626-21-8

9 785990 626218

12+

